

Коллектив авторов
С. Е. Фёдоров
Королевский двор в Англии XV–XVII веков
Серия «Pax Britannica»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11961785
Королевский двор в Англии XV–XVII веков / под ред. С. Е. Федорова: Алетейя; Санкт-Петербург;
2015
ISBN 978-5-9905927-7-3

Аннотация

Коллективная монография рассматривает английский королевский двор конца Средневековья и раннего Нового времени в его институциональном, политическом, инструментальном и церемониальном проявлении. Несмотря на кажущуюся разноплановость этих феноменов придворного микрокосмоса, доминируют, как показано в работе, объединяющие их моменты, создающие целостную картину развития властных структур в указанный период.

Содержание

Предисловие	4
Концептуализация власти: королевский двор в исторической перспективе	6
А. А. Паламарчук	6
С. Е. Фёдоров	18
Морфология власти: королевский двор в институциональном пространстве английской монархии	29
Е. В. Бакалдина	29
Регламент «Чёрная книга Эдуарда IV»	29
Понятия, употреблявшиеся для обозначения королевского окружения в XV веке	39
Департаменты и службы королевского хаусхолда	47
Должности королевского двора	55
Приложение	68
В. С. Ковин	76
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Королевский двор в Англии XV–XVII веков

Под редакцией С. Е. Фёдорова

Посвящается Нине Александровне Хачатурян

Предисловие

Идея опубликовать эту монографию была неслучайной. С одной стороны, среди выпускников кафедры истории средних веков Санкт-Петербургского университета сформировалась группа молодых, талантливых ученых-англоведов, сохранивших в неизменном виде свой аспирантский интерес к придворным исследованиям. Каждый из них, движимый уже самостоятельными изысканиями, тем не менее, остался верен своим исходным начинаниям. Это означало, что намеченный еще на исходе прошлого столетия план придворных изысканий в СПбГУ продолжает реализовываться. В его основе по-прежнему лежит вполне объяснимое желание исследовать сложившийся к началу эпохи раннего Нового времени феномен английского королевского двора и оформившегося в его рамках придворного сообщества. При этом на плечи каждого из аспирантов ложилась вполне определенная задача. Понятно, что в рамках сжатой по срокам кандидатской диссертации сама проблематика работы ограничивалась не только кругом доступных, как правило, опубликованных источников, но и уровнем разработанности тематики в современной западной историографии.

Тогда в конце 1990-х годов среди наших западных коллег уже бытовало мнение, что раннестюартовский двор был результатом длительных трансформаций, начавшихся в политической организации английского общества конца XV в. Значительная часть ученых поддерживала известный тезис Т. Таута о том, что в результате своеобразной «демилитаризации» ближайшего окружения монарха началось формирование сугубо «гражданских» форм его внутренней организации. Означавшие, помимо прочего, институциональную «оседлость» двора, строгое разделение его хозяйственных и церемониальных служб, такие формы определяли самое существо уже протекавших в раннее Новое время процессов. Так или иначе, но под влиянием Таута сложились наши представления о временных рамках намеченного проекта исследований, в котором дворы Эдуарда IV и Якова I Стюарта должны были составить своеобразные временные пределы.

С другой стороны, продвигаясь по пути реализации самой цели этого проекта, мы неизменно нуждались и по счастливому стечению обстоятельств получали весомую поддержку. Стремясь сохранить свое собственное лицо и критический взгляд на работы коллег и предшественников, мы испытывали потребность не только в апробации полученных результатов, но и продуктивной научной дискуссии. Открытость диалога с медиевистами и специалистами по раннему Новому времени воспринималась как жизненно необходимое условие для успешной работы. Было бы трудно предположить, кто, если бы ни Нина Александровна Хачатурян, мог организовать такую сложную работу. На протяжении последних без малого пятнадцати лет Нина Александровна возглавляет исследовательскую группу «Общество и власть», которая регулярно на базе Московского университета проводит научные конференции, так или иначе, отталкивающиеся от проблематики королевского двора. Объединяя таким образом само сообщество отечественных «придворных» историков, она заметно активизирует и направляет их работу.

Посвящая написанную нами монографию доктору исторических наук профессору Нине Александровне Хачатурян, мы хотели бы выразить тем самым признательность за создание и организацию принципиально важного для нас и очень комфортного пространства для научного диалога.

Концептуализация власти: королевский двор в исторической перспективе

А. А. Паламарчук

«Светило, сияющее лишь отраженным светом»: стереотипы современников и исследования по истории английского королевского двора

О восхитительная жизнь при дворе, где возможности для удовольствий столь велики, как если бы это был рай на земле. Величие государя, мудрость советников, достоинство господ, красота дам, предупредительность служителей, воспитанность джентльменов, богослужение утром и вечером, остроумные, ученые, благородные и приятные беседы целый день, разнообразие шуток и глубина суждений, меню из яств, изысканно приготовленных и изящно сервированных, тонкие вина и редкостные фрукты, превосходная музыка и восхитительные голоса, маски и пьесы, танцы и верховая езда, всевозможные игры и загадки, вопросы и ответы, поэмы, истории и поразительные изобретения, богатые одежды, драгоценные украшения, гармоничные пропорции и возвышенные устремления, роскошные экипажи, породистые лошади, королевские дворцы и удивительные здания, обворожительные создания и достойные манеры. И все эти прелести, окруженные атмосферой любви, погружают дух в пучину удовольствия.

Николас Бретон. Придворный и провинциал¹

*Мы при дворе найдем мздоимство и вражду,
Гордыню, похоть, зависть и божбу,
Банальность и чужим грехам потворство,
Пустую ложь и низкое притворство*².

Джордж Уизер. Britains Remembrancer

Приведенные выше цитаты иллюстрируют две противоположные оценки двора современниками: первая представляет монарший двор без преувеличения раем на земле; вторая если и не приравнивает двор к аду, то указывает на придворную жизнь как на верный путь, ведущий к гибели.

Разумеется, для любого исследователя, осознающего важность реконструкции суждений современников для создания полноценной картины изучаемого им периода или явления, ничто не было бы столь ценным материалом, как рассуждения англичан тюдоро-стюартовской эпохи – периода, когда королевский двор не только становится исключительным центром политической и культурной жизни страны, но и претерпевает целый ряд внутренних трансформаций.

¹ Breton N. Courtier and Countryman // The Works in Verse and Prose of Nicolas Breton: In two vols. Vol. II. London, 1879. P. 5.

² The Court is fraught with bribery, with hate With envy, lust, ambition and debate, With fawnings, with fantastic imitation With shameful sloth and base dissimulation. Wither George. Britains Remembrancer. London, 1628.

Однако в этих ожиданиях историки британской монархии раннего Нового времени вынуждены жестоко разочаровываться: вплоть до правления первых Стюартов рефлексия современников по поводу королевского двора как социального и административного феномена ограничивалась, как правило, или сугубо этическими оценками придворной жизни, или приобретала форму трактатов-наставлений, следующих традиции, заложенной «Книгой о придворном» Бальдассаре Кастильоне³. Ситуация меняется с развитием конституционного конфликта 1640-х годов и, парадоксальным образом, именно с последствиями произошедших изменений в оценке роли двора историкам приходится иметь дело по сей день.

Представляется, что именно политический конфликт, перешедший затем в вооруженное противостояние внутри страны, повлиял на то, что в глазах большинства современников королевский двор перестал быть органичным «продолжением» или «развертыванием» персоны монарха, пользуясь популярной метафорой – перестал быть «светилом, сияющим лишь отраженным светом».

Раскол политической элиты на группировки, получившие у современников названия «партия двора» и «партия страны» (весьма условно применимые к реальному разнообразию политических и конфессиональных альянсов), побуждал непосредственных участников конфликта, а также первое поколение историографов Гражданской войны мыслить о дворе иначе, чем прежде. Если ранее слово «придворный» указывало либо в строгом смысле на обладателя придворной должности, либо в более широком – на человека, следующего определенной поведенческой модели и близкого монаршему окружению, то конец 1630-х годов вносит в эту картину еще один элемент. Разумеется, принадлежность к «партии двора» подразумевала (особенно в глазах оппонентов) узнаваемый этос, однако, прежде всего, вызывала ассоциации со столь же легко узнаваемыми политическими и властными приоритетами и моделями.

В контексте изучения эволюции «придворных» исследований важно следующее: с развитием конституционного конфликта конца 1630-х – начала 1640-х годов «двор» начинает восприниматься как отдельная политическая группа, которая не просто стремится к удовлетворению собственных амбиций, но претендует на то, чтобы оказывать влияние на развитие всего общества. Меняется и представление о неразрывном единстве монарха и его двора. Спектр возможных трактовок, предлагаемых современниками, был весьма обширен, однако оппозицией весьма широко тиражировалась следующая картина: «партия двора», стремящаяся к изменению устоев английской конституции и не скрывающая своих прокатолических симпатий, воздействует на политические устремления короля, которому отводится весьма пассивная роль. При этом речь шла уже не о средневековом «влиянии дурных советников», но о влиянии враждебной и чуждой остальному обществу политической и конфессиональной среды. В устах оппозиции с «партией двора» прочно ассоциировались как высшие административные органы – прежде всего Тайный совет монарха, так и совершенно, казалось бы, «непридворные» институты, такие как, например, прерогативные суды – Звездная палата и Высокая комиссия, то есть та сфера, где вырабатывались неприемлемые для будущих сторонников Парламента решения.

В подобной перспективе уже не монарх являлся творцом своего окружения и «двора», а наоборот – «партия двора» создавала и развивала политическую и идеологическую программу, к которой в итоге примыкал король.

Пагубность влияния этой среды как на монарха, так и на общество не сводилась для современников лишь к распространению порочных нравов. Еще в яковитский период сатира (далеко не всегда рождавшаяся в ультра-пуританских кругах) подвергала двор критике не

³ Starkey D. The Court: Castiglione's Ideal and Tudor Reality: Being a Discussion of Sir Thomas Wyatt's Satire Addressed to Sir Francis Bryan // *Journal of Warburg and Courtauld Studies*. 1982. Vol. 45. P. 232–239.

только за то, что в глазах современников он оказывается центром потребления средств и ресурсов, получаемых за счет «страны», тем самым лишая необходимых средств и возможностей тех, кто непричастен «придворной» среде. Наиболее весомым упреком, озвученным, скажем, в произведениях Майкла Драйтона или Томаса Миддлтона было то, что двор виделся им особой, самостоятельной группой, разрушавшей «подлинно английскую» патерналистскую модель отношений внутри общества. (Можно было при этом делать акцент на отношениях между монархом и общиной его подданных, между монархом и парламентом, между монархом – главой Церкви Англии и верующими или же, на другом уровне, на отношениях между главой семейства и остальными его членами. В любом из этих случаев придворная среда, зиждившаяся на нестабильных и изменчивых связях личного патроната, требовавших для их поддержания постоянного личного присутствия, вложения немалых средств и приложения усилий, заслуживала порицание со стороны тех, кому не посчастливилось к ней принадлежать)⁴. Парадоксальным образом, на конструируемой оппозиционной пропагандой политической сцене именно «партия двора» оказывалась активной действующей стороной, провоцировавшей конфликт, в то время как «страна» с ее постулируемой стабильностью и здоровым консерватизмом должна была олицетворять приверженность древним основам английской конституции.

Вопрос о том, насколько обозначения «партия двора» и «партия страны» соответствовали политическим реалиям, а также в какой степени возможно говорить о действительном противостоянии этих двух группировок, все еще является темой для историографической дискуссии. Воспринятая у современников-полемистов идея противоборства двух лагерей до середины XX в. занимала прочные позиции в работах исследователей Гражданской войны⁵ и была подвергнута критике ревизионистской школой⁶. В развернувшемся в Англии конфликте К. Рассел и его последователи усматривали не столько противостояние двух «партий»-антагонистов, сколько гораздо более сложный клубок персональных и групповых конфликтов. При анализе ситуации первостепенное значение для ревизионистов приобретал структурный и инструментальный анализ событий и источников, в то время как субъективные оценки и концепции, пусть и восходящие к современникам событий, отходили на второй план и подвергались переосмыслению. Действительно, продемонстрированная ревизионистами неустойчивость группировок (как парламентских, так и придворных), эволюция политических приоритетов участников конфликта в зависимости от конкретных ситуаций побуждала исследователей отказаться от использования двухчастной модели и восприятия «двора» и «страны» как противостоящих констант. Тем не менее, оба понятия широко использовались современниками и, несомненно, являли собой вербализацию представлений о складывании внутри элиты политических альянсов, скрепленных чем-то большим, нежели династические, конфессиональные, национальные или корпоративные узы.

Обрисованную выше картину обогащают наблюдения над феноменом королевского двора, принадлежащие перу Д. Юма. Разумеется, на страницах его «Англии под властью дома Стюартов» собственно «придворная» тематика ни в коей мере не является самостоятельным предметом описания, анализа или последовательной рефлексии. Но, тем не менее, шотландский философ делает несколько важных наблюдений, к которым историки вновь обратятся лишь во второй половине XIX в. и позднее, уже в XX столетии.

⁴ Sharpe K. *Criticism and Compliment: The Politics of Literature in the England of Charles I.* Cambridge, 1987; Smuts R. M. *Court Culture and the Origins of a Royalist Tradition in Early Stuart England.* Univ. of Pensilvnia Press, 1999.

⁵ Zagorin P. *The Court and the Country: a Note on Political terminology in the Earlier Seventeenth Century* // *The English Historical Review.* Vol. 77. N 303. April 1962. P. 306–311.

⁶ *Court, country and culture. Essays on Early Modern British History* / Ed. by B. Y. Kunze, D. D. Brantigam. New York, 1992; *Conflict in Early Stuart England* / Ed. by R. Cust, A. Hughes. New York, 1989.

Как и большинство своих предшественников, прежде всего, подобно лорду Кларендону, Юм сохраняет представление о дворе как «политической среде», а также и традиционное противопоставление «двора» и «страны», «провинции». Однако Юм открывает, что эта среда не однородна внутренне: двор подвержен исторической динамике. Речь идет не только о «лучших» или «худших» нравах его обитателей.

Разнообразные факторы, такие как личность монарха и его пристрастия, внутри- и внешнеполитические условия, конфессиональная ситуация, личное и административное влияние тех или иных придворных – все это, в глазах Юма, делало двор Елизаветы Тюдор непохожим на двор Якова I, а двор Карла I – на двор его сына Карла II. Юм, разумеется, не сосредоточивается на динамике изменений придворных институтов или должностей – этого придется ожидать еще почти полтора столетия, но демонстрирует изменчивость и подвижность придворной среды (ее большую или меньшую политизированность, большую или меньшую зависимость происходящего при дворе от монарха и т. д.).

Следующее наблюдение, которое Юм делает как бы мимоходом, касается роли двора в развитии общества, и прежде всего – нобилитета. Реконструируя и сравнивая политику Елизаветы Тюдор и Якова Стюарта в отношении знати, Юм, предвосхищая в некотором отношении мысль Норберта Элиаса, отмечает, что двор может использоваться государями как эффективный политический и социальный инструмент, средство управления и даже манипулирования знатью. «Приманить знать ко двору монарха, вовлечь дворян в дорогие удовольствия или занятия, губительные для их состояния, усилить их зависимость от министров через присутствие в столице, ослабить их влияние в провинции через жизнь вдали от собственных поместий – таковы обычные прием деспотических правительств»⁷. Юм отмечает также, что для самих монархов взаимозависимость между ситуацией при дворе и состоянием дел в стране была очевидной, а то, как пользоваться возможностями этой взаимосвязи, зависело от политической воли каждого государя.

Наконец, Юм косвенным образом отмечает соединение в жизни двора двух «измерений» – сферы политической и публичной, с одной стороны, и «приватной» сферы жизни монарха – с другой. Он полностью отходит от средневекового представления о сакральном теле короля, любые действия которого публичны с необходимостью. В то же время эта «приватная» сфера не приравнивается к происходящему в королевском хаусхолде, домохозяйстве; Юм видит возможность сосуществования в рамках одного и того же двора монарха-правителя и монарха – частного лица, наделенного собственными уникальными личностными характеристиками.

Масштабный нарратив Юма и созданные им трактовки событий долгое время оставались непревзойденным явлением британской исторической мысли. Кажется, что именно в силу насыщенности и оригинальности юмовского труда многие сюжеты и наблюдения (в частности, относительно двора), рассеянные по его тексту, если и были замечены, то не были развиты или переосмыслены.

Следующий этап в эволюции придворных исследований приходится уже на середину XIX столетия, когда историческая наука Британии переживает подлинный взлет, связанный с направлением, которое впоследствии получит название «вигской историографии». Употребление этого термина в отношении направления в исторической науке середины XIX–рубежа XX столетий стало общепринятым после выхода в свет книги сэра Герберта Баттерфилда «Вигская интерпретация истории» (1931). Говоря о «вигской историографии»⁸ Баттерфилд, разумеется, не имел в виду некие «заказные» сочинения, написанные по инициативе политической партии вигов, находившейся на политической арене Британии с конца

⁷ Юм Д. Англия под властью дома Стюартов: В 2 т. / Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 2001. Т. 1. С. 113.

⁸ Butterfield H. The Whig Interpretation of History. London, 1931.

XVII до середины XIX в. Речь, скорее, шла о том, как принципы и убеждения, общие для нескольких поколений вигов и симпатизировавших им англичан, нашли свое выражение в исторических трудах и во взглядах их авторов на исторический процесс в целом. В немалой степени вигская историография была связана с рождением и развитием политического либерализма, позитивистской философией, классическим англиканским богословием и протестантской этикой. Характерно для вигского направления было видение истории как направленного прогрессивного процесса, стремление выделять в нем «прогрессивные явления», восприятие переломных моментов истории как революций, внимание к теме политических и гражданских прав и свобод, а также – что было немаловажно для концептуализации истории Англии – отождествление протестантизма с либеральными ценностями, несущими благо всему обществу⁹.

Наконец, всему вигскому направлению был свойственен очевидный презентизм: подлинные критерии «прогресса», мера свобод и прав обнаруживались в современном авторам обществе, равно как и нормативные модели политической и социальной организации. События, явления и структуры прошлого, таким образом, поучали оценку, лишь подвергнувшись сравнению с современными образцами. С другой стороны, характерное для XIX столетия восприятие феноменов (прежде всего, связанных с политической сферой, например, политические партии, роль Парламента, ограниченная монархия и т. д.) транспонировалось на гораздо более ранние периоды Средневековья и раннего Нового времени: повествование о прошлом велось в категориях настоящего, притом в категориях политических.

Нетрудно догадаться, что для историков вигской школы – Маколея, Карлайла, Актона и Тревельяна (завершившего маколеевскую традицию) и др. – тема королевского двора и придворной жизни не могла оказаться сколь-нибудь серьезно значимой. Поскольку двор XIX столетия не являлся важным административным или политическим институтом, продолжая выполнять свои репрезентативные функции и функции королевского дома, хаусхолда, сюжеты, связанные с его существованием в Средние века не слишком занимали историков-вигов.

Если открытием авторов XVII в. стала политическая наполненность жизни двора, то вигская историография, продолжая традицию своих пропарламентски настроенных интеллектуальных предшественников, дала этой политической среде однозначную оценку, которая на протяжении долгого времени не подвергалась сомнению и отчасти продолжает тиражироваться и сегодня. Практически все, связанное с двором, оценивалось критически; более того, нечастые упоминания о придворной среде становились поводом для яркой негативно окрашенной риторики. Подобное отношение к придворной теме формировалось у историков-вигов благодаря рефлексии о двух эпохальных событиях: Гражданской войне в Англии и революции 1789 г. во Франции. В обоих случаях прологом, если не непосредственной причиной гражданского конфликта виделся произвол монарха, его приближенных и фаворитов, их чрезмерные запросы и траты, беспринципность в действиях, безразличие к судьбам страны и т. д.; местом же творившихся непростоводств был, разумеется, королевский двор. События, разворачивавшиеся при дворе, в характеристиках вигов оказывались не «политикой» или «управлением» и даже не допустимой борьбой за власть, а их извращенной до неузнаваемости версией. При дворе, в отличие от общества, существующего за его пределами, не было места фундаментальным ценностям, правам и свободам – двор существовал по своим собственным законам, антиподам нормы.

⁹ Sewell K. C. Herbert Butterfield and the Interpretation of History. Basingstoke, 2005. P. 30–35; The Diversity of History: Essays in honor of Sir Herbert Butterfield / Ed. by J. H. Elliott, H. G. Koenigsberger. Cornell University Press, 1970; McIntire C. T. Herbert Butterfield: Historian as Dissenter. Yale University Press, 2004.

Первым среди вигской школы такой образ двора представил Томас Маколей в его «Истории Англии с восшествия на престол Якова II»; (1848); Томас Карлайл реализовал опыт Маколей на французском материале во «Французской революции», а наиболее подробно его подытожил внучатый племянник Маколей Джордж Тревелиян в «Англии при Стюартах» (1904) и «Истории Англии» (1923).

Рассуждая о средневековой монархии¹⁰, Маколей предлагает читателю следующую двухчастную схему: в средневековом английском государстве власть принадлежит, с одной стороны, монарху, наделенному рядом прерогатив и феодальных прав; он, кроме того, создает и поддерживает сеть светского и церковного патроната. Параллельно существует английская «конституция» – система прав, законов и обычаев, порождаемая самим духом английской нации и делающая английскую монархию «ограниченной» или «конституционной» с незапамятных времен. В этой модели при ее нормальном функционировании, с точки зрения Маколей, и скорее по умолчанию двору отводится скромная роль хаусхолда – домашнего хозяйства короля, призванного обеспечивать его умеренные, очень «конституционные» нужды. Как политический локус двор выходит на первый план только в те моменты, когда нарушается равновесие в государственной жизни.

Джордж Тревелиян приводит еще более обстоятельный анализ событий, разворачивавшихся при елизаветинском, яковитском и каролинском дворах. Он развивает мысль Маколей о том, что разрастание и возвышение двора являлось ярким симптомом неизбежного кризиса в стране. Деспотизм Тюдоров нарушил равномерное развитие средневекового государства, низведя роль представительства, то есть Парламента, традиционного защитника интересов английского народа и инициатора перемен, к минимуму. За время правления такого сильного монарха, как Елизавета Тюдор, Парламент перестал расцениваться современниками как трибуна для отстаивания собственных интересов или интересов страны, а политическую дискуссию стало невозможно вести обычным способом. Поэтому общество начало искать иное место и иные способы осуществления своих целей – таким местом и оказывался двор. Если в «нормальной» ситуации Парламент служил ареной для урегулирования отношений между обществом и властью, «public affairs», то двор был местом, где преследовались лишь частные интересы, а политическую дискуссию подменяла частная интрига.

Правление Якова I – по мнению Тревелияна, бездарного и слабого монарха – было для Англии началом быстрого скатывания в революционный кризис, а средоточие власти при дворе знаменовало крах прочих административных институтов. «Английская политика, – писал Тревелиян, – основывалась в тот момент на персональных связях более, чем когда-либо прежде и в будущем»¹¹. Двор был полон выскочек и нуворишей, которым король щедро раздавал титулы за деньги. Впоследствии именно они станут «профессиональными придворными», а с началом войны превратятся в закоренелых роялистов. Такое положение вещей виделось историкам-вигам гораздо более порочным, чем если бы управление осуществлялось теми, кто обладал этим правом по наследству (средневековая знать) или же бюрократией, как бы ни были велики недостатки системы в обоих случаях. Настоящим бедствием двора представляли всесильные фавориты монарха, вроде Карра и Бэкингема, в то время как люди, наделенные талантом и совестью (среди таковых Тревелиян называет Бэкона, Сесила, архиепископа Эббота и даже, скрепя сердце, Кока) либо терпели крах, либо были вынуждены идти на компромисс с совестью. Двор, таким образом, был средством отдалить от управления страной всех мало-мальски «совестливых и способных людей».

Период доминирования вигской историографии так и остался бы почти непродуктивным для изучения двора, если бы не возникшая в конце XIX столетия критическая реакция

¹⁰ Macaulay Th. B. Macaulay's History of England from the Accession of James II. London, New York, 1906. P. 1–29.

¹¹ Trevelyan G. M. England under the Stuarts. London, 1948. P. 110.

на выдвигаемые вигами идеи и методы работы с историческим материалом. Речь идет о развитии направления административной истории, у истоков которого стояли епископ Уильям Стаббс (с 1889 г. – епископ Оксфорда) и Томас Фредерик Таут¹².

В определенном смысле и вигские нарративы, и «административные» истории исходили из одного и того же интереса к государственно-правовым аспектам жизни общества, однако именно Стаббсу и Тауту удалось – вполне осознанно – отойти от явного презентизма, столь характерного для вигской школы. В 1920 г. Таут так охарактеризовал ситуацию в исторической науке середины – конца XIX столетия: «Естественная для человека погруженность в настоящее привела к тому, что мы начали изучать прошлое с мыслями, полными современных стереотипов. В Средневековье мы искали то, что было важно для нас, а не то, что было важно для людей того времени»¹³. Путем преодоления презентизма и модернизаций для административной истории было детальное изучение механизмов управления, а следовательно – пристальное внимание ко всему комплексу сведений, которые могли предоставить имеющиеся в распоряжении источники, восходящие к центральным и локальным административным институтам, в том числе и к придворным департаментам. Не ставя под сомнение важность собственно политической, «парламентской» истории вигов, первооткрыватели истории административной обращали внимание на то, что история взаимоотношений монарха и представительства – лишь один из сегментов исторического спектра, а вот «механизмы управления работают всегда и везде»¹⁴, и при этом они многообразны и многолики. Политическая жизнь изменчива, она может принести революции и катастрофы; структуры управления устойчивы и консервативны.

Неоценимой заслугой административной истории было открытие значения средневекового королевского хаусхолда. Особая роль в этом открытии именно средневекового двора принадлежит Стаббсу. В разделе его «Конституционной истории Англии», посвященном правлению нормандской династии, он показывает, что ближайший круг домашних короля одновременно представлял собой «первоначальный элемент управления государством»¹⁵. Стаббс анализирует номенклатуру и пытается реконструировать обязанности известных ему должностей, связанных с королевским домохозяйством, но, что более важно, указывает на то, что одна и та же персона – юстициарий, констебль, чемберлен – сочетала в себе две ипостаси: королевского слуги и администратора. Стаббс не только проводит аналогии между хаусхолдом нормандцев в Англии XI–XII вв. и более ранними аналогами в каролингской империи, германских землях и в самой Нормандии, но и прослеживает дальнейшее развитие (или отсутствие таковой) административной составляющей должностей хаусхолда. Однако Стаббса все же гораздо сильнее привлекала история более масштабных административных учреждений.

Т. Ф. Таут в полной мере компенсировал лаконичность своего учителя в отношении придворных структур, представив в масштабном труде «Очерки административной истории средневековой Англии: гардероб, королевская палата, малые печати» (1929) детальнейшую картину развития названных придворных служб. Таут демонстрирует, что хаусхолд средневекового монарха – это, прежде всего, инструмент реализации его персональной власти; придворные службы – особенно пространственно и физически близкие к королю, такие как

¹² Blaas P.B.M. Continuity and Anachronism: parliamentary and constitutional development in Whig historiography and the anti-Whig reaction between 1890 and 1930. The Hague, 1978.

¹³ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England: In 6 vols. Manchester, 1929. Vol. 1. P. 2.

¹⁴ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. P. 5.

¹⁵ Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development: In 3 vols. London, 1903. Vol. 1. P. 371.

гардероб и службы малых печатей – наиболее гибкий и контролируемый монархом административный инструмент¹⁶.

Именно через такого рода службы явственнее всего реализуется персональная воля монарха, становясь своеобразным «противовесом» более публичным и официальным службам казначейства и канцелярии. Таут также ставит вопрос о том, насколько очевидным и политически обусловленным было размежевание между монархом и контролируемым им хаусхолдом (*hospicium*) и публичными государственными структурами (*regnum*), датируя это разделение правлением Эдуарда II.

В отличие от Стаббса и Таута, А. П. Ньютон применил идею развития придворных служб и должностей, прежде всего королевской палаты, к материалу раннетюдоровской эпохи. При этом елизаветинский и тем более раннестюартовский двор оставались практически без внимания.

Итак, благодаря административному направлению двор перестает быть «средой» – он становится административным институтом, обретает структуру и функции, он наполнен уже не обобщенной массой «придворных», но носителями должностей. Более того, двор на страницах «административных» историй – если, разумеется, воспринимать двор как место средоточия и распределения власти и влияния – рождается задолго до появления двора как политической или культурной среды; оказанное им влияние на формирование административных институтов средневековой Англии гораздо шире, чем представлялось историкам когда-либо прежде, а придворные институты и должности – гораздо более устойчивы. Наконец, именно изучение структуры придворных служб помогает оценить процессы эволюции королевской власти в системе средневековой государственности и многообразие путей реализации монаршего авторитета.

Перспективы дальнейшего изучения феномена королевского двора невозможно представить вне контекста работ Норберта Элиаса. Несмотря на то что его исследования касались, главным образом, континентального материала, а книга «Придворное общество» (1969) посвящена французскому двору в Версале и французскому же нобилитету в период раннего Нового времени, значимость предложенного Элиасом метода для британских (и не только) «придворных» историков трудно переоценить. Существовавшие ранее возможности – изучение политической и административной истории двора – обогатились обращением к социологии придворного социума и применением к анализу исторических явлений социологической проблематики и социологического инструментария.

Как поясняет сам Элиас, изучение придворного микрокосма наиболее эффективным образом позволяет достичь необходимого историко-социологического синтеза, то есть применительно к феномену двора соединить «эмпирику» исторической науки и теоретические построения социологов¹⁷. Уже в более ранней работе «Процесс цивилизации» (1939) Элиас ставит вопрос о социальной детерминированности поступков индивида и границах автономии личности; тема заданности действий конкретной социальной средой, а также тезис о взаимоопределяемости явлений внутри этой среды получает развитие и на страницах «Придворного общества»¹⁸. Элиас воспринимает двор прежде всего как социальное поле; следовательно, задача исследователя – выявить структуру этого поля, что, в свою очередь, послужит ключом к пониманию конкретных событий и действий, разворачивающихся при дворе. Кроме того, верное понимание того, как организована и выстроена придворная социальная и культурная реальность, подводит историка к более глобальным выводам. Согласно Эли-

¹⁶ Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Medieval England. Vol. 1. P. 10–31.

¹⁷ Элиас Н. Придворное общество. Исследование по социологии короля и придворной аристократии. М., 2002. С. 10–48.

¹⁸ Подробнее см.: Krieken R. van. Norbert Elias. London, 1998; Smith D. Norbert Elias and modern social theory. Sage publications, 2001; Salumets Th. Norbert Elias and human interdependencies. McGill-Queen's University Press, 2001.

асу, двор выполняет в государстве Средневековья и раннего Нового времени репрезентативную функцию. Но репрезентацией чего служит двор? Во-первых, двор является моделью, уменьшенной копией общества, а точнее – форм организации этого общества; изучение придворной жизни дает возможность выделить те критерии, которые можно назвать организующими для более широкой социальной среды данного государства в данный исторический период; поняв способ управления и манипуляции придворным обществом, исследователь получает возможность наблюдать использование аналогичных механизмов в иных сферах и институтах. В числе подобных детерминирующих механизмов Элиас называет структуры и пространственную организацию жилища, этикет и церемониал, групповые этические и социальные установки и в этом смысле вновь поднимает вопрос, ставившийся еще публицистами XVII столетия, а именно – насколько сам монарх является творцом придворной среды, и в какой мере он сам вынужден действовать согласно нормам, вырабатываемым без его непосредственной воли. Тем не менее, двор выполняет еще одну репрезентативную миссию: именно при дворе монарх являет миру себя, а также – в самых разнообразных формах (церемониальных и драматических действиях, изобразительном искусстве, литературе, проповедях и речах) – являет нобилитету те идеи о себе самом и собственной власти, которые должны быть восприняты и усвоены не только придворной верхушкой, но и обществом в целом.

Итак, к 1960-м годам XX столетия в британской историографии утвердились три основных направления в изучении английского двора: история политическая, история административно-институциональная и история социальная. К этому моменту за двором прочно закрепилась репутация явления, без которого исторический «портрет» любой эпохи в истории западноевропейского Средневековья и раннего Нового времени был бы неполным. Дальнейшее развитие изучения придворной тематики неизбежно предполагало синтез всех трех перечисленных направлений, а также, впоследствии, использование элементов истории повседневности, истории ментальности, гендерной истории и микроанализа. В отличие от установок вигской историографии, история двора, как и любых других явлений, уже никогда не будет сводиться к истории исключительно политической.

Однако достигнутая в целом методологическая определенность вскоре повлекла за собой ревизию концептуального наполнения истории английского двора, которая потребовала детализированного, пристального и многопланового анализа событий и источников. Кроме того, исследователи вновь обратились к сюжетам, не связанным с периодом классического средневековья, а именно – к тюдоровскому и раннестюартовскому двору. Развернувшаяся в 1950-1960-х годах в британском историческом сообществе дискуссия своим началом была обязана публикации Джеффри Элтона «Тюдоровская революция в управлении» (1953) и продолжена благодаря его последующим многочисленным публикациям¹⁹.

Бесспорно, и восшествие на английский трон династии Тюдоров, и развернутая ими впоследствии Реформация традиционно воспринимались англичанами как переломные моменты истории. Однако из всех масштабных изменений, произошедших в Англии начиная с 1530-х годов Элтон выдвинул на первый план тезис о совершенной Тюдорами революции в управлении²⁰.

Нужно отметить, что в своих историко-философских воззрениях Элтон отводил важное место индивидуальной воле участников исторического процесса – и в этом отношении именно тюдоровская эпоха была невероятно благодатным полем для его исследований, – в то время как социальные категории, структуры и дискурсы, с его точки зрения, могли пре-

¹⁹ Elton G. R. The Tudor revolution in Government. Cambridge, 1953; England Under The Tudors. London, 1955; Henry VIII: An essay In Revision. London, 1962; Reform and Renewal: Thomas Cromwell and the Common Weal. Cambridge, 1973; Studies in Tudor and Stuart Politics and Government: Papers and Reviews. 1945–1972: In 4 vols, Cambridge, 1974–1992.

²⁰ The Eltonian Legacy (Special issue) // Transactions of the Royal Historical Society. 1997. Ser. 6. Vol. 7. P 177–336.

тендовать лишь на роль вспомогательных инструментов, объясняющих, как и почему были приняты те или иные решения, способных выявить «ситуационные» и «непосредственные» причины событий²¹. Поэтому вполне объясним тот факт, что в видении Элтона тюдоровская революция в управлении свою «непосредственную» причину обретает в действиях Томаса Кромвеля, «величайшего революционера в английской истории», который, используя ситуацию с разводом Генриха VIII, сумел превратить Англию в единое, независимое суверенное государство, которым монарх правил, используя общенациональные бюрократические институты. Опираясь на парламентское статутное законодательство, Кромвелю удалось разрешить многие правовые и конституционные проблемы, а кроме того, пользуясь предоставленными ему Генрихом полномочия, – совершить реорганизацию центрального управления, превратив спонтанно формировавшиеся структуры королевского хаусхолда в четко организованные государственные «департаменты»²². За десять лет своей реформаторской деятельности Кромвель сумел создать бюрократическую систему управления королевскими финансами, превратить функционировавший согласно средневековым принципам королевский Совет в регулярный правительственный орган, превратить палату общин и палату лордов в две необходимо связанные между собой палаты одного парламента, стоящего в основе нового понимания суверенитета – суверенитета короля-в-парламенте. В контексте изучения двора Элтон вполне закономерно сосредоточивал внимание именно на тех его департаментах, которые претерпели преобразования, направленные на «бюрократизацию» и построение стройной системы общегосударственного управления, в то время как вопросы, связанные с хаусхолдом, освещались им в гораздо меньшей степени. Для Элтона бюрократизация управления неизбежно означала резкое снижение роли «*hospicium*» в окружавшей монарха среде. Позднее, однако, сам Элтон признал, что переоценил успехи Томаса Кромвеля в искоренении «домовых» форм управления, а также степень целенаправленности его усилий в реорганизации двора и изначальной продуманности реформаторской программы.

Публикации Элтона несколько десятилетий оставались господствующими в литературе, что, однако это не означало отсутствие критики: в 1960-х годах в журнале «*Past and Present*» состоялась дискуссия, в ходе которой не остался незатронутым почти ни один из выдвинутых Элтоном тезисов²³. Первое и едва ли не самое серьезное возражение касалось хронологических рамок «тюдоровской революции»: при отказе от «персонифицирующего» фактора, увязывавшего начало реформ с деятельностью Генриха VIII и Томаса Кромвеля, обнаруживалось, что радикальные изменения, на которых настаивал Элтон, берут свое начало гораздо ранее. В частности, Дж. Л. Харрисс и П. Виллиамс продемонстрировали, что уже в правление последних Ланкастеров администрация не была тождественна структурам хаусхолда, а его департаменты отнюдь не являлись ведущими органами управления²⁴. Но в этой связи подвергался сомнению и другой тезис Элтона, касавшийся степени бюрократизации правительства: оппоненты настаивали на том, что и при Ланкастерах, и в большой мере при Тюдорах и Стюартах монархическое правление сохраняло персональный характер, при котором решения принимались монархом-в-совете. Таким образом, концепция резкого скачка в развитии двора и всей системы управления должна была уступить место концепции

²¹ По словам Элтона, «непосредственные (direct) причины объясняют, почему было совершено то или иное действие; ситуационные причины объясняют, почему это действие оказалось эффективным» (Цит. по: Roberts G. *Defender of the Faith: Geoffrey Elton and the Philosophy of History* // *Chronicon*. 1998. N 2. P. 1–22). – См. также: Skinner Q. *Sir Geoffrey Elton and the practice of history* // *Transactions of the Royal Historical Society*. 1997. Ser. 6. Vol. 7. P. 301–316.

²² Coleman Ch. *Professor Elton's "Revolution"*. // *Revolution Reassessed: revisions in the history of the Tudor government and administration* // Ed. by Ch. Coleman, D. Starkey. London, 1986. P. 1–11.

²³ Burgess G. *On Revisionism: an analysis of Early Stuart historiography in the 1970s and 1980s* // *The Historical Journal*. 1990. N 33. P. 609–627.

²⁴ Harriss G. L., Williams P. *A Revolution in Tudor History?* // *Past and Present*. 1965. N 31. P. 87–96.

постепенной трансформации средневекового наследия, трансформации, осуществившейся не за пару десятков лет, а растянувшейся с XIV до начала XVII столетия.

Вторая, более поздняя, волна критики Элтона была связана с именами Д. Старки, К. Коулмана, М. Сматса, Р. Аша²⁵ и Д. Лоудза²⁶ и пришлась на 1980-1990-е годы. В 1986 г. под редакцией Коулмана и Старки была опубликована коллективная монография «Переосмысление революции»²⁷. Целью ее авторов было не прямое опровержение взглядов предшественника, а, в контексте придворной тематики, их детальная корректировка, освещение тех особенностей функционирования придворных и управленческих структур, которые ускользали от внимания Элтона. Как и в полемике 1960-х годов, оппозирующей стороной проводится мысль о том, что восприятие середины XVI столетия как переломной эпохи определяется недостаточной изученностью предшествующего периода, эпохи войны Роз. Как полагает Д. Старки, именно в ходе политического конфликта и в условиях соперничества йоркистской и ланкастерской группировок не только происходило реформирование двора и хаусхолда, но сама необходимость изменений являлась предметом рефлексии и нашла выражение в политической терминологии, которой впоследствии воспользовались уже тудоровские реформаторы (что демонстрирует, например, история рецепции взглядов Дж. Фортеस्कью в XVI и XVII столетиях).

Другой важной темой критики становится переоценка роли и вклада двора в государственное управление при первых Тюдорах. Старки, оспаривая положение Элтона о низведении роли хаусхолда до исключительно хозяйственной функции, демонстрирует, как относительно второстепенная при Генрихе VII придворная служба – Королевская палата – в правление Генриха VIII отказывается третьим по важности департаментом и активно действует до конца его правления, а ее функции передаются не бюрократам или бюрократическим департаментам, а Ближней палате короля.

Наконец, предметом полемики становится оценка Тайного совета, который, по мнению Элтона, в 1534–1536 гг. был создан Томасом Кромвелем как часть задуманной им последовательной административной реформы, призванной освободить королевских советников от груза судебных дел, передав последние в Звездную палату и палату Прошений. Дж. Гай, напротив, демонстрирует, что новая структура Тайного совета существует уже при кардинале Уолси и создается как спонтанный ответ на кризис Благодатного паломничества, а не как продуманный акт государственного строительства. Именно Уолси, а не Кромвель при таком подходе оказывается творцом тудоровской Звездной палаты и палаты Прошений, процедура и судопроизводство в которых почти не затрагиваются реформами 1530-х годов²⁸.

Помимо ревизии концепций функционирования тудоровского двора и уточнения границы начала изменений роли двора в администрации, британская историография последних десятилетий активно включает в исследовательское поле яковитский и каролинский двор. Здесь также уместно говорить о ревизии неовигских (а точнее, заложенных еще в пропаганде середины XVII в.) взглядов, представленных работами Л. Стоуна, согласно которому двор первых Стюартов развивался как все более и более изолирующаяся «аристократическая» среда, противостоящая как социальным и религиозным ценностям «нового дворянства», так и первостепенным политическим нуждам английского государства. Р. М. Сматс полагает, что концепция Стоуна чрезмерно упрощает истинное положение вещей. Сматс указывает,

²⁵ Princes Patronage and the Nobility: The Court at the Beginning of the Modern Age / Ed. by R. G. Asch, A. M. Birke. Oxford, 1991; Asch R. G. Nobilities in Transition 1550–1700: Courtiers and Rebels in Britain and Europe. Oxford, 2003.

²⁶ Law and government under the Tudors / Ed. by C. Cross, D. Loades, J. J. Scarisbrick. Cambridge, 1988; Loades D.M. Henry VIII: Court. Church and Conflict. London, 2007.

²⁷ Revolution Reassessed: Revisions in the history of the Tudor government and administration/Ed. by Ch. Coleman, D. Starkey. London, 1986.

²⁸ См. также: Reassessing the Henrican Age / Ed. by A. Fox, J. Guy. Oxford, 1986.

прежде всего, на отсутствие в начале XVII в. как двух разнящихся между собой культур – аристократической и культуры джентри, столичной и провинциальной, так и двух изолированных друг от друга социальных групп, то есть придворных и всей остальной части знатного общества. Королевский двор при Стюартах, бесспорно, являлся культурно-политическим центром, в сжатом пространстве которого исследователю гораздо проще выявить и пронаблюдать всевозможные тенденции и конфликты; однако периферия влияния этого центра была невероятно широка и, по большому счету, не имела определимой границы²⁹.

Изучение яковитского двора, динамики его состава, определяемой как необходимостью утверждения новой династией своих позиций, так и объединением под скипетром Стюартов четырех национальных композитов, осмысление процессов распределения придворных и административных должностей и пэрских титулов, а также политика распределения монаршего патроната в последние десятилетия – начиная с работ Дж. Эйлмера и К. Гивен-Вилсона – становится необходимой составляющей исследований, ориентированных на социальную историю предреволюционной Англии³⁰. В рамках раннестюартовской «придворной» тематики были заново открыты темы, которые ранее не воспринимались как дискуссионные: прежде всего это касается открытия каролинского двора как самостоятельного и специфического феномена, характеризующего эпоху персонального правления Карла I.

²⁹ Smuts R. M. *Court Culture and the Origins of the Royalist Tradition in Early Stuart England*. Philadelphia, 1999; *Culture and Power in England, 1585–1685 (Social History in perspective)*. New York, 1999.

³⁰ Aylmer G. 1) *The King's Servants. The Civil Service of Charles I, 1625–1642*. London, 1974; 2) *Office-Holdings, Wealth and Social Structure in England, 1580–1720/Domanda e consumi*. Florence, 1978. P. 247–259; Given-Wilson C. *The English Nobility in the Late Middle Ages*. London, 1987; Peck L. *Court Patronage and Corruption in Early Stuart England*. London, 1993; Northampton: *Patronage and Policy at the Court of James I*. London, 1982.

С. Е. Фёдоров

«Domus regis» и «familia regis» в раннее Новое время

Традиционно вторая половина XV в. считается периодом существенных перемен в истории английского королевского двора. Под влиянием целого комплекса причин прежняя военно-административная организация королевского хаусхолда³¹ утрачивает конституирующую этот институт функцию, уступая место сугубо «гражданским» принципам его внутренней консолидации. Подобные сдвиги в организации королевского двора максимально формализируются в первом «стационарном» регламенте – «Черной книге Эдуарда IV», определяющем иерархию королевских слуг в рамках двух его основных подразделений – «domus providencie» и «domus magnificencie», соответственно обеспечивавших хозяйственные и представительские функции. При этом механизмы, определявшие отношения монарха и его слуг как верхнего, так и низшего звена, сохраняя свои прежние ресурсы, иницируют новые формы взаимной компенсации. Сам государь, оставаясь в идеале основным и наиболее надежным источником милости, продолжает «стягивать» на себе все линии теперь уже придворного патроната, расточая среди постоянно растущих придворных клиентов не столько материальные блага, сколько право на их получение, а те воспринимают новизну приобретаемого как одно из преимуществ, определяемых исключительно «гражданской», а не военной службой своему суверену. Вся последующая эволюция придворных служб связана с последовательным совершенствованием именно такой формы взаимоотношений с государем, обусловившей, в конечном счете, их корпоративную, а затем и групповую идентификацию. В обновляющихся таким образом условиях королевский двор не только не теряет былого значения в управлении принадлежавшими английской короне территориями, но и становится своеобразным центром, где вершилась «высокая» политика.

Оформление организационной структуры «нового» хаусхолда отражало результаты двух взаимосвязанных процессов, протекавших внутри и за пределами придворного пространства. С одной стороны, речь идет о разрастании традиционных служб королевского домохозяйства, известного с конца XII в. под термином «domus regis»³². С другой стороны, сказываются последствия постепенного размывания наиболее привилегированной части королевской свиты, так называемых «familiares», инфильтрированных в состав периферийных территориальных сообществ и обязанных своей инфеодацией исключительно военной службе государю³³. Под влиянием этого процесса исчезает ранее независимое в административном плане подразделение королевского двора, обозначавшееся по аналогии с входившими в его состав членами королевской свиты термином «familia regis».

Укрупнение различных служб и ведомств, структурно объединявшихся в пределах королевского домохозяйства, сопровождалось их закономерным «исходом», способствовавшим образованию системы центрального исполнительного аппарата. Формировавшиеся в результате этого автономные от «дворцовой» администрации органы, обеспечивавшие в первую очередь финансовый, фискальный и судебный контроль на территории всего королевства, тем не менее, сохраняли свои исходные «матричные» формы, продолжавшие регулировать соответствующие сферы жизнедеятельности королевского хаусхолда, указывая на

³¹ Впервые понятие «военный хаусхолд» было введено Т. Таутом: Tout T. Chapters in the Administrative History of Medieval England: In 6 vols. Manchester, 1937. Vol. II. P. 133, 138.

³² Constitutio Domus Regis // Dialogus de Scaccario and Constitutio Domus Regis/Ed. by C. Johnson. Edinburgh, 1950. P. 128–135.

³³ О начальных стадиях этого процесса: Prestwick J. The Military Household of the Norman Kings//English Historical Review. 1981. Vol. 96. N 378. P. 1–35; Frame R. The Political Development of the British Isles, 1100–1400. Oxford, 1990. P. 169–188.

наличие пусть обратной, но генетически опосредованной связи с системой «государственного» управления³⁴. Подобная связь, поддерживая институциональное единство придворных и «государственных» ведомств, способствовала распространению практики межведомственного совмещения должностей, сохраняя тем самым известное «кадровое» единство всего центрального исполнительного аппарата. В расширяющемся и совершенствующемся таким образом властном пространстве английской монархии так или иначе просматривалась его изначально значимая придворная доминанта, и в этом смысле каждый причастный этому пространству индивид оставался королевским слугой.

Практика совмещения придворных и «государственных» должностей³⁵ указывала на весьма характерную уже для правления Нормандской династии закономерность, отражавшую определенную зависимость сначала военной, а затем и любой другой службы государю от доступных материальных благ старого и нового королевского доменов. На протяжении XI–XII вв. королевская власть активно перераспределяла «реальные» ресурсы старого и нового доменов среди наиболее лояльной части своей придворной свиты, используя распространенные к тому времени формы инфеодации³⁶. Вплоть до конца XIII в. среди всех возможных комбинаций преобладающим типом компенсации за военную службу правящему дому оставались традиционные земельные фьефы. Так называемые денежные фьефы, подразумевавшие различные формы выплат из королевской казны или право на получение дохода от развивавшихся в пределах новых домениальных земель короны промыслов («*dona*», «*vadia*» или «*liberaciones*»), носили до начала XIV в. лишь вспомогательный характер и, как правило, использовались для привлечения иностранцев в состав королевской свиты³⁷. По мере постепенного истощения земельных ресурсов старого королевского домена – его практически полной инфеодации – денежная форма фьефа приобретает доминирующий характер и начинает активно использоваться для поощрения той части ближайшего окружения короля, которая формировалась из слуг, совмещающих придворные посты с должностями в центральном исполнительном аппарате. Поскольку источником выплачиваемых или извлекаемых сумм по-прежнему остаются принадлежащие правящей династии наследственные и конфискованные у мятежной знати земельные комплексы, верховная власть, сохраняя свою патримониальную природу, распространяет свои домениальные интересы на все территориальные владения монархии.

Исчезновение постоянной королевской свиты, определившее «демилитаризацию» хаусхолда, являлось результатом глубоких процессов, протекавших в английском обществе на протяжении XI–XIII вв.³⁸ Известно, что еще короли Нормандской династии инфеодировали значительную часть своей придворной свиты, используя для этого принадлежавшие короне домениальные земли. Инфеодация сопровождалась форсированной инфильтрацией придворных слуг в состав элиты территориальных сообществ, располагавшихся в непосредственной близости, но за пределами старого королевского домена³⁹. Уже в начале правления Плантагенетов просматривались очертания субструктуры, уравновешивавшей характерный для таких сообществ политический сепаратизм. Несмотря на то что процесс внедрения королевских слуг протекал волнообразно, меняя по воле монархов свои конечные объекты и

³⁴ Хачатурян Н. А. Власть и общество в Западной Европе в средние века. М., 2008. С. 231.

³⁵ Такая тенденция останется доминирующей вплоть до начала гражданских войн середины XVII в. – См. об этом: Фёдоров С. Е. Раннестюартовская аристократия. 1603–1629. СПб., 2005.

³⁶ Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 94–103.

³⁷ Lyon D. The Money Fief under the English Kings, 1066–1485 // *English Historical Review*. 1951. Vol. 66. N 259. P. 161–193; Harvey S. The Knights and Knight's Fee in England // *Past & Present*. 1970. Vol. 49. P. 3–43; Church S. The Rewards of Royal Service in Household of King John: A Dissenting Opinion // *English Historical Review*. 1995. Vol. 110. N 436. P. 277–303.

³⁸ Prestwick J. Anglo-Norman Feudalism and the Problem of Continuity // *Past & Present*. 1963. Vol. 26. P. 39–57.

³⁹ Coss P. Lordship, Knighthood and Locality. A Study in English Society, c. 1180–1280. Cambridge, 1991. P. 305–327.

сферу внедрения (от создания военно-охранных до административно-судебных структур на уровне отдельных графств и сотен), его позитивные результаты были очевидны.

Инфеодация ближайших сподвижников династии и связанная с ней инфильтрация, в известной мере консолидируя центр и периферию в пределах старого и нового королевского доменов, тем не менее, не избавили верховную власть от неминуемых негативных последствий именно такого вмешательства во внутреннюю жизнь локальных сообществ, лежавших за границами непосредственных владений английской монархии. Не столько королевские выдвиженцы, сколько их потомки, включавшиеся в систему местных поземельных связей, со временем перенимали или же были вынуждены перенимать сложившуюся на местах практику. Значительная часть принадлежавших им реальных владений (старый королевский домен) из-за их небольших размеров и как следствие – хозяйственной нерентабельности подвергалась дроблению и отторгалась, как правило, изменяя свою владельческую структуру не по вертикали, а по горизонтали⁴⁰.

Инфеодация внушительной доли земель старого королевского домена в пользу ближайшего окружения монарха, таким образом, оставаясь экономически выгодной верховной власти, с течением времени лишала королевскую свиту необходимых источников к существованию и теряла свою политическую составляющую, лишая монархию желаемой опоры на местах. После издания знаменитого статута *Quia Emptores*, как известно, узаконившего земельную субституцию⁴¹, преемники получивших земельные лены королевских слуг, оставаясь лояльными короне, вынужденно искали поддержки среди более обеспеченных и влиятельных местных лордов и подчас становились активными участниками их свит, благо такие связи вполне допускались.

Первоначально эти связи, хотя и основанные на личных контрактах, носили вторичный характер. Отношения с короной для большинства преемников продолжали оставаться приоритетными: по мере необходимости они несли военную службу государю. Однако со временем и по мере распространения практики коммутации рыцарской службы они постепенно становились доминирующими. Такие отношения оказывались более гибкими как с точки зрения предполагаемой за них компенсации, варьировавшейся от разовых выплат до пропорционально поступавших в течение определенного срока сумм, так и с точки зрения их возможного прекращения, означавшего либо возврат еще некомпенсированной службой суммы, либо обычную терминацию последующих выплат. При этом полагавшееся за такую службу вознаграждение с легкостью обеспечивало им уплату щитовых денег, разрушая тем самым надежду монарха на персональное присутствие преемника в составе королевской свиты⁴².

В свою очередь местные лорды, объединяя вокруг себя, помимо прочего, потомков инфеодированных в свое время королевских слуг, именно таким образом подчиняли своим интересам не только создававшуюся с тенденцией к независимости от территориального сообщества местную администрацию, но и значительные элементы выстраиваемой короной земельной субструктуры. При этом людские ресурсы подобных свит, во многом превосходя возможности титульного домена самого лорда, создавали дополнительные условия для еще более глубокого размыwania создаваемой короной владельческой структуры. Так или иначе, но уже на исходе XIII в. создававшаяся на протяжении столетий опора монархии на местах заметно переместилась в направлении самих локальных сообществ, а сама система наследственного рекрутирования королевских свит перестала быть достаточно эффектив-

⁴⁰ См. дискуссию: Coss P. *Bastard Feudalism Revised*//*Past & Present*. Vol. 125. 1989. P. 27–64; Crouch D., Carpenter D. *Bastard Feudalism Revised* // *Ibid*. 1991. Vol. 131. P. 165–189; Coss P. *Bastard Feudalism Revised: A Replay*//*Ibid*. P. 190–203.

⁴¹ Bean J. *The Decline of English Feudalism, 1215–1540*. Manchester; New York, 1968. P. 306–309.

⁴² Waugh S. *Tenure to Contract: Lordship and Clientage in Thirteenth Century England*//*English Historical Review*. 1986. Vol. 101. N 401. P. 811–839.

ной⁴³. Монархия все чаще и чаще использовала для своих военных походов профессиональных наемников, а институт традиционной королевской свиты закономерно распадался.

Процесс разрастания и последующего исхода различных служб королевского домохозяйства сопровождался структурными сдвигами в составе его отдельных ведомств и в первую очередь Королевской курии. В конце XIII в. значительная часть слуг, занятых обеспечением широкого круга потребностей традиционной королевской свиты, вливается в состав уже достаточно дифференцированных к этому времени хозяйственно-административных служб двора, оккупируя внутреннее и внешнее пространство Королевской курии и вытесняя тем самым внушительную по размерам группу слуг-клириков за архитектурные пределы дворцового пространства. Став частью «гражданской» придворной организации, она сохраняет за собой определенные должностные преимущества, связанные с предшествующим родом деятельности.

Оформившаяся таким образом группа придворных слуг составит «кадровую» основу для Королевской палаты, которая не позднее начала XIV в. окончательно обособится от Королевской курии, а затем и поглотит значительную часть ее основных функций. Обретя независимость, штат Палаты сохранит определенные административно-хозяйственные обязанности, но в его деятельности будут преобладать особые представительские полномочия, наглядно демонстрирующие отличия королевского окружения и собственно монаршего двора от свит и дворов английской знати. Последующая ритуализация этих отличий, по всей видимости, определит не только их дальнейшую специализацию, но и эволюцию этого подразделения в направлении, финальная стадия которого и была зафиксирована в «Черной книге Эдуарда IV»⁴⁴.

Несмотря на появление уже в конце XV в. пока еще полуавтономного подразделения – Королевской конюшни, сложившаяся при Йорках бинарная структура распределения полномочий внутри придворного пространства продолжает доминировать и при Тюдорах, подчеркивая изначальное архитектурное единство «дворцовой» администрации. Ведомство шталмейстера, располагавшееся в стороне от резиденции монарха, пока лишь только «физически» объединялось с другими службами двора, когда, передвигаясь по стране или за ее пределами, король нуждался в особых инструментах, способных визуализировать в доступных формах величие принадлежавшей ему власти. Но в повседневном, ограниченном дворцовыми стенами пребывании он довольствовался ресурсами Королевской палаты.

Помимо репрезентативных полномочий, Палата объединяла все функции «матричного» управления и контроля, унаследованные от Королевской курии. Она оставалась основным депозитарием королевских драгоценностей, в ее ларцах хранились многочисленные малые печати; она была местом, где король держал совет, куда стягивались все нити придворных клиентел. Казначей Палаты был по-прежнему главным лицом в королевстве, на которого ложилось бремя управления домениальными финансами; ее секретарь не только выполнял функции связующего звена с Канцелярией и Хранилищем свитков (позднее – архивом), но и во многом инициировал центральное делопроизводство. Кроме того, Палата продолжала играть заметную роль в назначении местной администрации и сохраняла доступные к тому времени формы юстиционного контроля над прерогативными судами короны⁴⁵. Объем функций мог с течением времени расти или сокращаться, но при этом Палата продолжала оставаться важнейшим звеном в системе центрального управления.

⁴³ Lyon D. The Feudal Antecedent of the Indenture System// *Speculum*. 1954. Vol. 28. N 3. P. 503–511; Carpenter C. The Beauchamp Affinity: A Study of Bastard Feudalism at Work//*English Historical Review*. 1980. Vol. 95. N 376. P. 514–532.

⁴⁴ См. главу, написанную для этого издания Е. В. Бакалдиной.

⁴⁵ Condon M. Ruling Elites in the Reign of Henry VII // *Patronage, Pedigree and Power in Late Medieval England*. Gloucester, 1979. P. 127–129.

Судя по всему, с момента своего возникновения *Camera regis* так и никогда не была замкнутым пространством, способным сохранить известную приватность в жизни государя, и оставалась вплоть до начала XIV в. единым лишенным каких-либо, пусть даже временных, перегородок помещением.

Позднее при Ланкастерах и Йорках в строительстве или перепланировке королевских резиденций заметным становится стремление заказчиков делить обычно отводимое под Палату пространство сначала на две, а затем и на три составляющие. В конце XV – начале XVI века в «номенклатуре» придворных помещений уже заметно выделяется комплекс из трех смежных комнат, по традиции именуемый все той же Королевской палатой, но на деле представляющий собой архитектурно связанные Большую (из-за размеров), Присутственную и Личную палаты.

В ранний период правления Тюдоров начнется растянувшийся почти на столетие процесс сознательного разграничения планировки этих помещений, который будет сопровождаться не только попытками их более частного дробления (сначала от трех к пяти, а затем от пяти назад к четырем), но и обособления приписанного к ним корпуса слуг. Лежавшие в основе этих изменений мотивы могли варьироваться с учетом, к примеру, особенностей женского правления, но в их конечных результатах всегда присутствовала политическая составляющая.

Наиболее существенным решением, окончательно реорганизовавшим внутреннее камеральное устройство, стало учреждение, а затем и значительное преобразование особого штата личных королевских слуг⁴⁶. Появление такой придворной службы свидетельствовало и о начале своеобразной «приватизации» монархом внутреннего пространства одного из пределов Палаты, и о попытках материализации, пусть еще примитивных спекуляций о «физическом» и «политическом» теле короля, и о возможных перспективах или «сценариях» придворного театра власти. Закреплявшееся учреждением должности особого ответственного за их деятельность лица – *грума мантии*⁴⁷, само возникновение института личных слуг короля предполагало их последующее обособление и постепенное превращение в наиболее

⁴⁶ Существуют определенные трудности с датировкой начала этих изменений. Не вызывает сомнений тот факт, что основная часть преобразований, связанных с Личной палатой, так или иначе приходится на период 1485–1526 гг., то есть хронологически совпадает с годами правления Генриха VII и частично – Генриха VIII. Сложности возникают с определением точной даты ордонанса, инициировавшего отделение Личной палаты от прочих камеральных ведомств. В распоряжении исследователей нет точно датированного оригинала. Д. Старки еще в своей докторской диссертации (1973) использовал хранящийся в Коллегии герольдов список (College of Arms. Arundell MS. XVII (2)), датируя его протограф 1495 г. (Starkey D. The King's Privy Chamber, 1485–1547. Unpublished Cambridge Ph. D. dissertation, 1973. P. 18ff) и, следовательно, считал, что Генрих VII был инициатором преобразований. Старки также полагал, что еще одна копия ордонанса, опубликованная Ф. Гроузом и Т. Эстлом, хотя и содержала значительные интерполяции (The Antiquarian Repertory: In 4 vols. / Ed. by F. Grose, T. Astle. London, 1807–1809. Vol. II. P. 184–185 (текст ордонанса); P. 186–209 (интерполяции)), была идентична в своей основной части списку Коллегии герольдов. Копия была изготовлена для Генриха VIII Тюдора его лорд-чемберленом Генри Фитц-Эланом, графом Эранделлом в 1526 г. Поскольку и в опубликованном тексте ордонанса, и в списке Коллегии герольдов нет упоминаний о джентльменах Личной палаты – службе, впервые учрежденной, как известно, Генрихом VIII не ранее 1515 г., то Старки считал это достаточным основанием, чтобы предварительно датировать сам текст ордонанса периодом правления Генриха VII. Далее уже по косвенным свидетельствам он ограничивал время появления ордонанса 1495 г., считая, что его издание должно было последовать сразу же за раскрытием заговора Пурбека (Starkey D. Intimacy and innovation: the rise of the Privy Chamber, 1485–1547//The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War/Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 73–74). При этом в тексте самого ордонанса и сопровождающих его документах отражается, на мой взгляд, та ситуация, которая оставалась, согласно утверждениям самого Старки, более характерной для отношений внутри самой Палаты при Генрихе VIII, а не при его предшественнике: *грумы* упоминаются лишь в веренице прочих должностей и далеко неравнозначно соседствуют с *эсквайрами* и рыцарями Личной палаты короля; для последних даже отводится отдельный титул (P. 185–186). Мнение о связи появления этого ордонанса с последствиями придворного заговора 1495 г., таким образом, весьма спорно.

⁴⁷ Я предпочитаю этот не совсем точный вариант передачи данного термина, исходя из одного возможного перевода английского слова «*stool*», и преследую цель избежать по возможности его исходного бытовавшего в средние века значения («*stool of easy*»), тем не менее, отражавшего набор начальных «служебных» обязанностей его предшественника «*yeoman of the Stool*». – О варианте перевода этого термина с учетом обособления четвертого камерального ведомства – Королевской спальни см.: Англия XVII века: социoproфессиональные группы и общество/Под ред. С. Е. Федорова. СПб., 1997. С. 13.

влиятельный сегмент служилого придворного штата. При этом сама палата обретала если не самостоятельный, то, по меньшей мере, автономный статус, расширяя и преобразуя круг обычно связываемых с нею полномочий, но неизменно и целенаправленно ограничивая возможный доступ к персоне короля.

По своему исходному предназначению личные слуги короля во многом напоминали появившиеся значительно ранее континентальные аналоги. Французский «*valet de chamber*» и бургундский «*valet de corps*», очевидно, служили исходными образцами для «*groom of the body*», но в своем окончательном варианте английский грум, скорее, напоминал известный тип личного слуги государя, описанный Б. Кастильоне. Оставаясь человеком простым, но наделенным от природы способностями безупречно удовлетворять ежедневные потребности своего господина, он сначала по мере своих возможностей дистанцировался, а затем и поддерживал в неизменном виде всю лишнюю необходимую в других случаях театральности повседневную жизнь монарха⁴⁸.

Ее обыденность служила ограничительным механизмом для всего того, что было наполнено излишней церемониальностью и требовало уже специфических навыков. Так или иначе, но штат оставшихся за пределами личного пространства монарха камеральных ведомств, насчитывавший несколько сотен рыцарей и эсквайров, не подходил для исполнения простых, лишенных в общем-то нежелательных в таких случаях условностей, и как следствие предполагал необремененных социальными предрассудками исполнителей. Группа в шесть человек⁴⁹, успешно справлявшаяся с подобными обязанностями, с трудом соперничала с находившимися в попечении лорд-камергера слугами, но, тем не менее, могла рассчитывать на и не снисходительное им снисхождение и преимущества.

Со временем институциональная обособленность Личной палаты могла перерастать отведенные для нее границы. Плотная закрытая и охраняемая с двух сторон массивная дверь, продолжая символизировать наличие особой черты, разграничивавшей приватное и публичное в дворцовом пространстве, ограничивала непосредственное влияние придворных на короля, способствуя своеобразной «камерализации» принимаемых решений. В зависимости от доминирующего стиля правления она могла определять их полную приватизацию или же провоцировать появление особо приближенных личных советников, так или иначе нарушая изначально присущие «высокой» политике курiales черты. В этом смысле любые формы королевского совета обретали второстепенное значение, превращая самих ординарных советников в послушных исполнителей монаршей воли.

Сам факт появления частных советников, так называемых «*privado*» (термин Д. Моргана), не только нарушал, но и создавал связанные исключительно с Личной палатой формы камерального фаворитизма. Противопоставляя их традиционно претендующей на политическую роль социальной элите, верховная власть могла рассчитывать на своеобразное «смягчение» традиционных аспектов политической борьбы, определявшейся противостоянием различных придворных фракций и – как следствие – на известную «централизацию» наиболее значимой части основанных на связях этих группировок придворных клиентов⁵⁰.

⁴⁸ Castiglione B. *The Book of Courtier*. London, 1989. P. 127.—Более подробно об этом: Scaglione A. *Knights at Court. Courtliness, Chivalry, and Courtesy from Ottonian Germany to Italian Renaissance*. Los Angeles, 1991. P. 229–242.

⁴⁹ Их численность можно выяснить по более поздним свидетельствам, относящимся ко второму десятилетию XVI в., когда под влиянием «особых» обстоятельств стали известны имена «новых» грумов Генриха VIII – См.: *Letters and Papers, Foreign and Domestic, of the Reign of Henry VIII, 1509–1547*: In 21 vols. / Ed. by J. Brewer et al. London, 1862. Vol. I. Pt. I. P. 771 (далее – HLP).

⁵⁰ Обычно связанные с высокими наследственными должностями (лорд-камергер и лорд-стюард), такие клиенты, как правило, сохраняли свой потенциал, переживая сменявшиеся на троне династии, и при наличии известного противостояния могли представлять реальную угрозу для стабильности самой монархии. – См.: Morgan D. *The House of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485* // *The English Court from the Wars of the Roses to the Civil War* / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 25–71.

Насколько можно судить, изначально круг таких советников, как правило, замыкался или ограничивался фигурой грума мантии⁵¹. Ситуация начинает заметно меняться с появлением королевских миньонов⁵², которые небольшими группами по 2–3 человека последовательно вводятся в состав палаты. При этом для большинства из них придворная карьера обычно скоротечна: лишь только часть из них добивается серьезных результатов⁵³. В растущем такими темпами составе Личной палаты их позиционируют сначала как грумов, затем под влиянием достаточно курьезных обстоятельств – как джентльменов⁵⁴. Не позднее 1526 г. наступает известный перелом⁵⁵, и должностное пространство палаты обретает законченные черты. Значительно превышающий начальные размеры штат палаты по-прежнему выстраивается вокруг грума мантии, но его служебная структура упорядочивается с общими требованиями всего камерального пространства⁵⁶. Джентльмены, рыцари и эсквайры Личной палаты, сохраняя за собой право на исключительный доступ в приватные покои короля, теперь свободно перемещаются по всему придворному комплексу, составляя своеобразный передвижной механизм, обеспечивающий регулярное и неизменно «персональное» обслуживание монарха. Не трудно предположить, что оттесняя в этом свободном передвижении известную часть других камеральных ведомств, личные слуги короля интегрировались в ранее закрытое для них публичное пространство, закономерно перенимая характерные для него формы театрализованной игры, привнесшие элементы придворного церемониала в личные покои монарха. При этом не менее типичная для такого пространства тенденция к институциональному превосходству образующих его подразделений усложняла основные объекты не только сугубо придворного, но и в целом внутрисистемного противостояния, обеспечивая известный динамизм в становлении «государственного» управления⁵⁷.

Вплоть до конца XIII в. вся система королевских финансов сохраняла куриальный характер. По мере образования Казначейства значительная часть ее патримониальной инфраструктуры обособляется и унифицируется, составляя основу для формирования публичных финансов короны. Камеральная администрация продолжает контролировать,

⁵¹ Таковой была ситуация вплоть до 1515 г., когда на должности грума мантии последовательно находились Хью Денис и пришедший ему на смену в 1510 г. Уильям Комптон (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 94).

⁵² Термин «миньоны» в отношении личных слуг короля был впервые употреблен Э. Холлом (Hall E. The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancaster and York. London, 1809. P. 598).

⁵³ При несомненном лидерстве Уильяма Комптона такую группу образуют Николас Кэрю, Френсис Брайен, Джон Кортни, Генри Гуилфорд, Эдвард Невилл и Уильям Кэрри (HLP. Vol. I. Pt. I. P. 771).

⁵⁴ Речь идет о приеме французского посольства в Лондоне 23 сентября 1518 г. Дело в том, что среди прибывшей на мирные переговоры делегации присутствовали шестеро *gentilhomme de la chambre* Франциска I. При этом, согласно сложившейся традиции, во время официального въезда делегации в Лондон миньоны Генриха VIII должны были гарцевать попарно с их французскими компаньонами, но различия в занимаемых ими придворных должностях не позволяли сделать этого. Сложность была решена путем прямого заимствования французского аналога для учреждения новой придворной должности при английском дворе (HLP. Vol. т. II. Pt. II. P. 4409). – См. также описание процессии у Холла: Hall E. The Union... P. 593–594. – Какое-то время французская формула продолжала использоваться при дворе, но уже в 1621 г. появилась ее привычная английская версия (HLP. Vol. II. Pt. II. P. 4512; Vol. III. Pt. II. P. 2374).

⁵⁵ Такой перелом фиксируется в так называемых Элтэмских ординасах (A Collection of Ordinances and Regulations for the Government of the Royal Household. London, 1790. P. 154–156).

⁵⁶ Carlisle N. An Inquiry into the Place and Quality of the Gentlemen of His Majesty's Most Honourable Privy Chamber. London, 1829. – Состав сформировавшейся вокруг грума мантии службы объединял две различные по статусу группы слуг. Наиболее многочисленными и, как представляется, гибкими в использовании оказывались джентльмены палаты – собственно миньоны, отличавшиеся также высоким социальным положением (сыновья пэров, представители семей старой родовитой знати) и относительной молодостью. Д. Старки полагает, что еще в начале правления Генриха VIII они с успехом формировали так называемую молодежную «субкультуру» двора (Starkey D. Intimacy and Innovation... P. 80). На них лежал круг обязанностей, связанных с постепенно ритуализирующейся внутренней жизнью палаты. Собственно грумы образовывали статичную по составу группу личных слуг короля, по-прежнему не отличавшуюся благородным происхождением и занятую выполнением рутинных обязанностей.

⁵⁷ Hoak D. The King's Privy Chamber, 1547–1553 // Tudor Rule and Revolution/ Ed. by D. Guth, J. McKenna. New York, 1982. P. 87–108.

помимо личных расходов короля, домениальные⁵⁸ и связанные с так называемыми прерогативными правами верховной власти денежные поступления. Не исчезают также известные со времен нормандских королей «замковые» депозитарии, хранившие персональные «сбережения» монархов. Управляемые обычно личными казначеями-кассирами такие депозитарии составляли наиболее подвижную часть в механизме финансового сопровождения различных «приватных» потребностей и начинаний государя. Сохраняющаяся на протяжении XIV–XV вв. система частных королевских финансов не только способствовала сохранению известной свободы верховной власти в условиях ужесточения парламентских методов воти-рования налогов, но и во многом определяла содержание одной из составляющих приходящихся на следующее столетие камеральных реформ⁵⁹.

Регулярно увеличивавшийся в первой половине XV в. объем прямых финансовых операций, связанных с обслуживанием королевского двора, привел к их централизации и образованию так называемого вестминстерского депозитария. Уже к середине этого столетия казначей Королевской палаты, продолжая формально совмещать свою основную должность с обязанностями хранителя королевского кошелька, передает функции обеспечения личных потребностей короля йомену мантии⁶⁰.

В таком частичном разделении двух расходных статей камерального бюджета пока еще не было намека на предстоящее обособление Личной палаты, но тенденция к известному разобщению камеральных казначеев и самого монарха уже намечалась. Если Эдуард IV все еще рассматривал палатных казначеев в качестве основной отвечающей за его личные расходы инстанции, именно при их непосредственной помощи осуществляя необходимые перемещения «депозитных» средств для текущего использования, то Ричард III уже всецело уповал на помощь йомена мантии в мобилизации своих денежных запасов. При этом установившаяся в свое время субординация, подчинявшая все общие камеральные финансовые службы Казначейству, а личных казначеев главе соответствующего палатного ведомства, сохранялась – нарушались лишь необходимые в финансовых операциях короны многочисленные формальности.

Пренебрежение тонкостями необходимой процедуры лишь в большей мере дистанцировало верховную власть и придворного казначея, оставляя саму структуру королевских финансов неизменной. Только в условиях институционального отделения Личной палаты от прочих ведомств нарушаемая формальность приобретала черты более серьезного системного сдвига, определяя соответствующее позиционирование финансовых органов короны. В таких условиях финансовая служба Личной палаты монарха могла противопоставляться или же уподобляться другим финансовым инстанциям, контролировавшим доходную и расходную составляющие всей «экономики» королевского двора. Независимо от форм возникающего на этой почве противоборства грум/джентльмен мантии неизбежно обретал определенные связанные с этой сферой полномочия и нередко становился финансовым экспертом короля.

Механизмы такого противоборства пока еще недостаточно известны, но ранние Тюдоры, судя по всему, предпочитали вариант административного укрепления обособленной Личной палаты. В таком случае ее вновь образуемые службы выстраивались по аналогии и, следовательно, уподоблялись иным финансовым инстанциям двора⁶¹. Такие предпочтения

⁵⁸ Wolffe B. The Crown Lands, 1461–1536. London, 1970. P. 54–96.

⁵⁹ Dietz F. English Government Finance, 1485–1558: In 2 vols. London, 1964. Vol. I. P. 101–113; Vol. II. P. 222–223.

⁶⁰ Судя по всему, объем финансовых полномочий, принадлежавших йомену мантии, был достаточно велик уже в последнее десятилетие правления Генриха VI. Иначе трудно объяснить, как Уильям Гримбси, занимавший этот пост более 15 лет, стал в последние годы своей жизни сначала камеральным казначеем, а затем и вторым лицом в самом Казначействе: и тот и другой пост требовали серьезных навыков практической работы (A Collection of Ordinances and Regulations... P. 18).

⁶¹ Об этом более подробно см.: Starkey D. Court and Government//Revolution Reassessed. Revisions in the History of Tudor

могли определять структурное перераспределение и частичную автономизацию уже известных полномочий⁶² и лишь затем – усовершенствование уже существовавших к тому времени альтернативных органов финансового управления и контроля. Вариант перераспределения – так называемая «реформа Комптона» – не дала результата, поскольку нарушила желательную в таких случаях субординацию финансовых служб и характерную для Тюдоров тенденцию к централизации основных доходов короны. Вариант усовершенствования – «реформа Норриза»⁶³, мобилизуя финансовый потенциал свободных от камеральной опеки королевских депозитариев, способствовала их последующей деавтономизации⁶⁴. Это означало, что контролируемые личными казначеями «депозиты» английских государей не только встраивались в существовавшую к тому времени систему королевских финансов, но и становились важнейшим источником ее внутреннего кредитования. Сохранявшаяся при этом автономия платежных средств Личной палаты не исключала их последующей централизации⁶⁵.

Финансовому усилению Личной палаты во многом сопутствовали административные преобразования, связанные главным образом с центральным делопроизводством⁶⁶. Известно, что уже во второй половине XV в. с развитием практики использования королевской печатки (*signet*), заменившей многочисленные к тому времени малые печати, основным «рабочим» местом королевского секретаря становится Личная палата монарха. Начиная с Эдуарда IV английские государи весьма неохотно носили ее, как требовал того обычай, на указательном пальце и предпочитали держать ее среди прочих драгоценностей в специально отведенном для этого сундуке. Как правило, ключ от небольшого ларца, в котором в бархатном мешочке лежал сам перстень с эмблемой монарха, хранился сначала у йомена, а затем и у грума мантии. Судя по всему, именно он извлекал печатку из ларца и передавал ее секретарю, а тот с согласия короля скреплял ею необходимые документы⁶⁷.

Уже в начале XVI в. подобная практика санкционирования государственных бумаг вытесняется использованием личной подписи монарха (*sign manual*)⁶⁸. Первоначально в новых условиях секретарь по-прежнему отвечал за их подготовку и сам, возможно, при помощи клерков доставлял их в Личную палату, переправляя затем подлежащие скреплению Большой королевской печатью бумаги обратно в Канцелярию. При этом грум мантии не только сортировал доставленные документы, но и в определенной последовательности подносил их на подпись монарху.

Значительный рост объемов официального делопроизводства при Генрихе VIII способствовал перераспределению полномочий между секретарем и грумом мантии. Из-за известной неприязни короля к «бумажной работе»⁶⁹ значительная часть государственных документов стала визироваться без его непосредственного участия. Для этого был учрежден пост специального клерка палаты, который, владея навыками каллиграфии, воспроизводил на официальных бумагах образцы подписи монарха, которые хранил на отдельных листах

Government and Administration/Ed. by C. Coleman, D. Starkey. Oxford, 1986. P. 29–59.

⁶² Так, Генрих VII ограничился изъятием поступлений от прерогативных прав короны, восстановив тем самым известный водораздел между доменальными и всеми прочими доходами монарха. При Генрихе VIII, напротив, финансовая деятельность Королевской палаты настолько истощилась (реформа Комптона), что потребовалась срочная реформа (Норриз). – См.: Starkey D. *Intimacy and Innovation...* P. 83–87.

⁶³ HLP. Vol. IV. Pt. I. P. 2002.

⁶⁴ *The Privy Purse Expenses of King Henry VIII* / Ed. by N. Nicolas. London, 1827.

⁶⁵ Elton G. *The Tudor Constitution*. Cambridge, 1960. P. 142–143. – О сохранении тенденции при «малых» Тюдорах см.: Hoak D. *The History of Tudor Court: the King's Coffers and the King's Purse, 1542–1553* // *The Journal of British Studies*. 1987. Vol. 26. N 2. P. 208–231.

⁶⁶ Elton G. *The Tudor Revolution in Government*. Cambridge, 1953. P. 56–59.

⁶⁷ Otway-Ruthven J. *The King's Secretary and the Signet Office in the Fifteenth Century*. Cambridge, 1939. P. 39.

⁶⁸ Starkey D. *Court and Government...* P. 46–48.

⁶⁹ HLP. Vol. III. Pt. II. P. 1399.

групп мантии. При этом отбор соответствующих бумаг и предназначавшихся для них вариантов подписи осуществлялся совместно секретарем и грумом. При Кромвеле такие клише были заменены факсимильной печатью (dry stamp). Оставшаяся на хранении у грума мантии, она оперативно использовалась одним из двух деливших должностные обязанности секретаря клерком (chef de chamber)⁷⁰. Тот не только визировал ею предназначавшиеся для этого бумаги, но и вносил подтверждающую такое действие краткую запись в учрежденный для этих целей регистр Личной палаты (docket book)⁷¹. Наличие такой записи считалось необходимым условием для их передачи в Канцелярию и, следовательно, являлось обязательной формальностью для инициирования любого центрального делопроизводства.

Развитие различных форм внутрикамерального администрирования в системе центрального управления не только мобилизовало оставшийся нерастроченный потенциал придворных «матричных» институтов, но и свидетельствовало о сохранении патримониальных основ верховной власти и о известных недостатках ее публично-правовых проявлений⁷². Солидарные механизмы использования внутрикамеральных методов администрирования, как правило, могли переплетаться с ограничивающими и персонифицирующими их инструментальную базу стратегиями. При этом реанимировались характерные для куриальной стадии развития королевского двора варианты прямого делегирования полномочий, заменявшие или оттеснявшие любые опосредованные самой системой центрального управления должностные назначения. Содержание таких стратегий усложнялось формирующимися представлениями о «физическом» и «политическом» теле короля, определяя оттенки складывавшихся таким образом предпочтений верховной власти.

Отношение к титулам знати как частицам корпоративного титула короны⁷³ позиционировало отличавшихся благородным происхождением джентльменов Личной палаты как «жемчужин», украшавших «естественное» тело короля. В повсеместно присутствующем акценте на их почти «интимной» пространственно-физической близости к государю угадывались черты, определявшие особую форму доверительных связей с монархом. При таком подходе занимаемые джентльменами должности могли восприниматься как атрибуты, а с учетом популярных в то время неоплатонических спекуляций и как акциденции «политического» государева тела, выражавшие полноту и непосредственный характер связанных с ними полномочий. Оставаясь одновременно необходимым и достаточным условием, подобные близость и полнота определяли отношение к джентльменам палаты как особому королевскому «manrede»⁷⁴ – особому сообществу верных слуг и единомышленников.

Возрождение ушедших в прошлое традиций королевской свиты накладывало известный отпечаток на всю систему должностных назначений джентльменов за пределами придворного пространства. Очевидно, можно говорить о существовании некой градации, влиявшей на характер большинства «первичных» некамеральных продвижений. Наиболее частым было использование джентльменов в качестве стюардов домениальных владений короны, а затем и конфискованных церковных земель⁷⁵. При этом, как правило, особая привлека-

⁷⁰ HLP. Vol. IX. P. 905.

⁷¹ Ibid. Vol. XI. P. 227; Vol. XII. Pt. I. P. 1315; Vol. XIII. Pt. I. P. 332; Vol. XIV. Pt. II. P. 201.

⁷² Впервые такие наблюдения были сделаны на французском материале (Хачатурян Н. А. Сословно-представительная монархия во Франции XIII–XV веков. М., 1989. С. 169–181), а затем вписаны в более широкий историко-культурный контекст (Она же. Власть и общество... С. 8–14, 169–178).

⁷³ Фёдоров С. Е. Пэрское право: Особенности нормативной практики в Англии раннего Нового времени // Правоведение. 1996. № 2. С. 112.

⁷⁴ HLP. Vol. XIII. Pt. I. P. 505. – Весьма показательно, что учрежденный в ходе камеральных реформ 1539–1540 гг. институт королевских гвардейцев также воспринимался как особая часть королевского «manrede» и формировался в основном из ресурсов Личной палаты монарха (HLP. Vol. XIX. Pt. II. P. 524).

⁷⁵ HLP. Vol. XI. P. 580; Vol. XIII. Pt. I. P. 505; Vol. XIX. Pt. I. P. 275; Bernard G. The Rise of Sir William Compton, Early Tudor Courtier // English Historical Review. 1981. Vol. 96. P. 759–762.

тельность таких должностей определялась потенциальными возможностями формировать за счет местных ресурсов ливрейные свиты короля и обеспечивать тем самым любые формы прямого военного или «полицейского» контроля⁷⁶. Генрих VIII активно использовал таких стюардов для активизации различных звеньев крайне не развитой местной администрации, назначая их мировыми судьями и шерифами в графства⁷⁷, развивал характерные для ренессансных дворов Европы формы «камеральной» дипломатии⁷⁸.

При всем многообразии известных вариантов привлечения джентльменов для службы вне двора начальная и конечная ступень их политической карьеры заведомо ограничивались внутренним пространством Личной палаты короля, составлявшей социальное ядро ранне-тюдоровской придворной организации. Тенденция к укрупнению социальных и административных функций палаты будет сохраняться вплоть до кончины Эдуарда VI⁷⁹, затем в условиях женского правления она заметно ослабеет⁸⁰, но уже при Якове I Стюарте обретет ранее неизвестные, но не менее выразительные формы⁸¹.

⁷⁶ HLP. Vol. I. Pt. II. P. 1948, 2051, 2301; Vol. XI. P. 580.

⁷⁷ Starkey D. *Intimacy and Innovation*... P. 85–86.

⁷⁸ Известны имена по меньшей мере шести джентльменов, участвовавших в «камеральном» обмене между английским и французским дворами. Каждый из них, пребывая достаточно длительное время в ближайшем окружении иностранного государя, как правило, становился членом его ближайшего окружения и наравне с другими исполнял различного рода обязанности, оставаясь при этом посланником своего монарха (HLP. Vol. III. Pt. I. P. 111, 246; Vol. III. Pt. II. P. 641, 3360, 3434). Помимо этого, джентльмены успешно внедрялись в состав дипломатических миссий, зачастую оттесняя юристов и клириков, по обыкновению, доминировавших в посольствах, или же образуя совместно с ними очень эффективные тандемы. — Об этом более подробно: Starkey D. *Representation through Intimacy // Symbols and Sentiments* / Ed. by I. Lewis. London, 1977. P. 82.

⁷⁹ Об этом более подробно: Loades D. *Intrigue and Treason. The Tudor Court, 1547–1558*. London, 2004. P. 1–81; Murphy J. *The Illusion of Decline: The Privy Chamber, 1547–1558 // The English Court*... P. 71–119.

⁸⁰ Wright P. *A Change in Direction: the Ramification of a Female Household, 1558–1603 // The English Court*... P. 119–147.

⁸¹ См. об этом раздел, написанный В. С. Ковиным.

Морфология власти: королевский двор в институциональном пространстве английской монархии

Е. В. Бакалдина Департаменты, службы и должности в хаусхолде Эдуарда IV

Оформление четких представлений о функциональной значимости королевского двора в его английском варианте совпадает со временем правления Эдуарда IV и материализуется в первом сохранившемся до наших дней регламенте двора, широко известном под названием «Черная книга Эдуарда IV». Данный регламент служит источником для реконструкции структуры королевского хаусхолда, его департаментов и обязанностей слуг.

Регламент «Черная книга Эдуарда IV»

Несмотря на то что регламент «Черная книга Эдуарда IV» дважды издавался (в 1790 и 1959 гг.), он практически не изучен; до сих пор не выяснено, кто является его автором или составителем, а также точная дата его написания. Главная трудность для ответов на эти вопросы — это отсутствие протографа⁸², которое частично компенсируется наличием двенадцати более поздних списков, среди которых на данный момент историками не выявлено четкой преемственности. Общепринято считать, что протограф регламента исчез еще в 1610-х гг.⁸³

Большая часть списков (из изученных нами семи⁸⁴ — пять) имеет название «Черная книга», написанное либо в английском варианте — «*Black Book*», либо в латинском — «*Liber Niger*»⁸⁵. Термин «*Liber*» имел два значения: интеллектуальное (*liber* = работа, труд) и кодикологическое (*liber* = кодекс, переплет)⁸⁶. Скорее всего, в данном случае речь идет о втором значении, так как прилагательное «черный» указывает на материал, из которого сделан переплет. Очевидно, придворный регламент получил свое название от черного цвета переплета, что было достаточно распространенным явлением в средние века (известно о «Черной книге Казначейства», «Черной книге Ордена Подвязки» и др.)⁸⁷.

⁸² Один из переписчиков упоминает, что видел оригинал (или слышал от кого-то о нем): «*Certaine Latine Sentences with a picture of the King of England sitting at his Table, placed before the Black Booke of the Kings Household, as they are found placed at the beginning of the Originall Booke it selfe*». — См.: British Library. Harley. Manuscripts. 642. f.1v.

⁸³ Myers A. R. Introduction // *The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478* / Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1959. P. 52.

⁸⁴ The National Archives. Public Record Office. Exchequer. Treasury of receipt. Miscellany Book. 36/230; The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/278; British Library. Additional Manuscripts. 21/993. ff. 55-130v; British Library. Harley Manuscripts. 293. ff. 1-18 v; British Library. Harley Manuscripts. 369. ff. 1-55; British Library. Harley Manuscripts. 610. ff. 1-50; British Library. Harley Manuscripts. 642. ff. 1-129.

⁸⁵ *The Black Book of Household of Edward IV* // *The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1418*. P. 16. (Далее — BB).

⁸⁶ Dolbeau F. Noms de Livres // *Vocabulaire du livre et de l'écriture au Moyen Age. Actes de la table ronde Paris 24–26 septembre 1981* / Ed. par O. Weijers. Turnhout, 1989. P. 83.

⁸⁷ Barkly H. Remarks on the *Liber Niger*, or *Black Book* of the Exchequer // *Transactions of the Bristol and Gloucestershire Archaeological Society*. Vol. XIV. 1889–1890. P. 285–320; Antis J. The register of the Most Noble Order of the Garter, usually called the *Black Book*. London, 1124.

Скорее всего, такое название было дано одному из последующих списков рукописи, а не протографу. Одним из доказательств этого может служить отсутствие какого-либо названия в ряде списков, которые нам удалось изучить. Так, в одном из них текст регламента сразу начинается словами «*Domus Le magni...*»⁸⁸, а в другом текст называется «*Domus Regis Angliae I E 4.*»⁸⁹. Сомнительно, что переписчик просто пропустил слова «Черная книга» по невнимательности или специально, и, вероятнее, само название появилось позже. Косвенным свидетельством этого является рукопись *British Library. Harley Manuscripts. 293*, имеющая фразы, в которых фигурирует название «*Liber niger domus Regis in custodia...*» в начале текста и «*Hactenus exLibro nigro domus Regis*» – в конце, вписанные другим почерком и другими чернилами⁹⁰. Речь идет не о рубриках, а именно о вписанных позднее словах. Места под эти вписывания не было, и они были сделаны мелким убористым почерком. Схожая ситуация наблюдается с более поздним дописыванием названия в рукописях *British Library. Harley Manuscripts. 369* и *British Library. Harley Manuscripts. 610*. Как представляется, название «Черная книга» появилось позже, когда один из списков был переплетен черным материалом. Более того, этот кодекс содержал не только список текста регламента, но и другие документы, относящиеся к хаусхолду, среди которых – провизии 1471 и ордонанс 1478, а также ордонанс Генриха VII. Тот факт, что в списке *British Library. Harley Manuscripts. 610* рядом с добавленным названием стоит дата «1623», написанная тем же почерком, позволяет предположить, что название «Черная книга» для текста регламента двора Эдуарда IV уже с этого времени стало распространенным, и именно под этим названием регламент известен сейчас.

Все из изученных нами семи списков являются не единственными текстами в переплетенных кодексах. В четырех случаях⁹¹ в кодексы вместе со списками регламента включены другие документы, связанные с деятельностью хаусхолда, – ордонансы Эдуарда IV 1478 г. и Генриха VII. Данная подборка текстов говорит о заинтересованности заказчика в сохранении собрания придворных текстов для последующего использования. Один из кодексов⁹² содержит очень разные по своему содержанию тексты – регламент, описания процедур парламента и пр.

Значимым вопросом является выяснение того, что собой представляет «Черная книга Эдуарда IV». Некоторые историки полагают, что это трактат. В Англии XV в. слово «*treaty*» еще не употреблялось, но использовались несколько однокоренных слов. Во-первых, «*trete*», происходящее от французского слова «*traite*» – «трактат, научное сочинение», употреблялось с XIII в.⁹³ Во-вторых, «*tretis*» – тоже известное с XIII столетия слово, означавшее либо трактат, либо короткую поэму⁹⁴. В-третьих, «*tretying*» – «трактат», получило распространение в течение XV в.⁹⁵ Все перечисленные термины берут начало от латинского слова «*tractatum*», «дидактическое произведение, в котором автор рассматривает предмет

⁸⁸ The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/218. fol. 1.

⁸⁹ British Library. Additional Manuscripts. 21/993. fol. 55v.

⁹⁰ British Library. Harley Manuscripts. 293. ff. 1.r. 18.v.

⁹¹ The National Archives. Public Record Office. Exchequer. Treasury of receipt. Miscellany Book. № 230. E 36/230; The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/278; British Library. Harley Manuscripts. 610; British Library. Harley Manuscripts. 642.

⁹² British Library. Additional Manuscripts. 21/993.

⁹³ Stratmann F. H. A Middle-English Dictionary containing words used by English writers from the twelfth to the fifteenth century / Ed. by H. Bradley. Oxford, 1891. P. 620.

⁹⁴ Ibid.

⁹⁵ The Promptorium patvulorum. The first English-Latin Dictionary. C. 1440 A.D. / Ed. by A. L. Mayhew. London, 1908 (EETS. extra ser., Vol. CII). P. 502.

или группу предметов в систематической манере»⁹⁶. В русской традиции «*tractatum*» имеет несколько другое значение – «это научное сочинение в форме рассуждения, часто полемически заостренного, ставящего своей целью определить подход к предмету»⁹⁷.

Необходимо отметить, что регламент состоит из рассказов о двух департаментах—*Domus Regie Magnificencie* и *Domus Providencie*⁹⁸. При публикации А. Р. Майерсом текст был разделен на 92 параграфа, содержащие каждый отдельный сюжет: историю становления английского королевского хаусхолда (§ 2–1), теорию предпочтения титулов и их иерархию (§ 11–28), а далее перечень должностей с пояснениями к ним (§ 29–92). Однако речь идет не о сплошном повествовании, поскольку включены целые фрагменты старых ордонансов хаусхолда и расчеты довольствий. Именно последнее и заставляет историков сомневаться в правомерности именованного «Черной книги» трактатом.

То же самое обстоятельство позволило французской исследовательнице С. Кассань-Броке предложить называть «Черную книгу» «компиляцией ордонансов английского королевского хаусхолда»⁹⁹. «Ордонансом – от латинского слова *ordination*—называется акт власти, имеющий общий и торжественный характер»¹⁰⁰. В самом тексте «Черной книги» то, что называется сейчас ордонансами, именуется статутами: «*by the statute of noble Edward*» или «*old statutez or new of Ingland*»¹⁰¹. Редакторы одного из современных словарей предлагают такое толкование этого понятия: «статут – это письменный акт, определяющий общество, ассоциации, имеющий определяющий характер, средства и правила функционирования»¹⁰², а в русской традиции – «название закона в Англии и ряде других стран»¹⁰³. Таким образом, термины «статут» и «ордонанс» были близки по своему значению, по крайней мере, не для специалистов, а для простых обывателей XV столетия. Тем не менее, как бы ни было заманчиво называть книгу «компиляцией ордонансов» (статутов), это не вполне корректно, так как в нее включены еще и другие фрагменты, не имеющие отношения к законодательным актам. Речь идет о цитатах из различных трудов авторов античности или из произведений Отцов Церкви. При этом иногда эти цитаты достигают нескольких страниц, как в случае с Фомой Аквинским и его определением термина «*domus*» в параграфе 68. Вследствие этого зачастую историки предпочитают не говорить о «Черной книге» как о цельном произведении, а характеризуют ее как «документы и наброски с предложениями по обустройству хаусхолда, скомпилированные в 1471–1472 годах»¹⁰⁴.

Другие историки, такие как К. Мертес, вообще предпочитают не давать конкретное определение жанра «Черной книги». Она предлагает подразделять все документы, касающиеся хаусхолда, на три группы: расчеты, ордонансы и описания, в результате «Черная книга» попадает в последнюю категорию¹⁰⁵.

Что касается более ранней традиции, то там использовались несколько терминов для определения статуса «Черной книги». Издатели XVII в. предпочитали говорить о «Прави-

⁹⁶ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabetique et analogique de la langue française. Paris, 2004.

⁹⁷ Словарь иностранных слов. М., 1988. С. 502.

⁹⁸ BB. § 8–66. P. 86–141; § 61–92. P. 141–191.

⁹⁹ Cassagnes-Broquet S. Edouard, Richard et Marguerite: les princes de la maison d'York et les artistes flamands en Angleterre // PCEEV. Vol. XLIV. 2004. P. 145.

¹⁰⁰ Vocabulaire international de la diplomatie / Ed. by M. Carcel. Valencia, 1991. P. 102.

¹⁰¹ BB. § 21. P. 100; § 64. P. 140.

¹⁰² Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire...

¹⁰³ Словарь иностранных слов. С. 411.

¹⁰⁴ Chibnall M. Review: The Household of Edward IV: The Black Book and the Ordinance of 1478/ Ed. by A. R. Myers. Manchester, 1959// ECHR. 1960. Vol. XX. № 2. P. 341.

¹⁰⁵ Mertens K. The "Liber Niger" of Edward IV: A New Version // BIHR. 1981. Vol. LIV. № 129. P. 29.

лах и порядке для управления хаусхолдом»¹⁰⁶. Оба эти термина отсутствуют в средневековых словарях. Однако известно, что термин «*ordre*» означает норму, соответствие закону, а английское слово «*rule*»¹⁰⁷ соотносится с французским «*regle*», и именно этот корень используют в XVIII в. издатели «Черной книги», называя ее «*regulation*»¹⁰⁸. Так появился корень «*regl-*», от которого впоследствии вывели производное «*reglement*», означающее «свод правил, который определяет круг вопросов, относящихся к какой-либо группе и уточняет функционирование ее организации»¹⁰⁹. Этот термин достаточно широкий и включает в себя не только описание чего-либо, но и фрагменты других произведений. В основном, данное понятие используется в отечественной историографии, в английской для XV в. его не применяют, во французской лишь у Ж. Геро, главного хранителя Национального архива, встречается замечание о том, что документы двора подразделяются на ордонансы, регламенты и счета¹¹⁰, а так как «Черная книга» не является ни ордонансом, ни счетом, то она автоматически относится к категории регламентов.

Кроме термина «регламент», отечественные историки говорят также о «служебных инструкциях для обладателей придворных должностей, о всевозможных “правилах” придворной жизни, “журналах”, куда заносили имена принятых ко двору лиц с указанием положенных им окладов»¹¹¹. М. А. Бойцов предпочитает называть такого рода документы «придворными распорядками» (оставляя словосочетание в кавычках), переводя с немецкого принятое в историографии понятие «*Hofordnungen*»¹¹². Нам кажется, что термин «распорядок» также хорошо подходит для характеристики «Черной книги Эдуарда IV», как и понятие «регламент».

Одним из самых существенных вопросов при изучении регламента является его целостность. Очевидна незавершенность текста регламента: наиболее полная версия содержится в списке *Society of antiquaries. Manuscripts. 211*, которая, тем не менее, обрывается на параграфе о службе прачечной. Другие списки обрываются на параграфах о пекарне¹¹³, о Счетной палате¹¹⁴. Кроме того, переписчики порою меняли последовательность параграфов: так, в рукописи *British Library. Harley. Manuscripts. 293* параграф о прачечной записан ранее параграфов о кладовой свеч и кондитерской, которые в других рукописях расположены до него. В-третьих, копиисты могли, очевидно, по своему желанию или же по велению заказчика опускать параграфы или их части. Так, в списке *Cambridge County Record Office. at Huntingdon. Manuscripts. DDM 64* начальные строки параграфа о королевском враче и параграфа о пекарне опущены. Возможно, в каждом конкретном случае переписывались только те части, которые считались необходимыми на тот момент. В связи с подобной выборочностью возникает вопрос: существовали ли параграфы о других службах, которых на данный момент нет в найденных списках. Например, рассказы о службах Холла или кухни: на протяжении всего текста они достаточно часто упоминаются¹¹⁵, что дает возможность предпо-

¹⁰⁶ British Library. Harley. Manuscripts. s. 642. f. 1a.

¹⁰⁷ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire...

¹⁰⁸ A Collection of the Ordinances and Regulations for the government of the Royal Household; made in diverse reigns from king Edward III to king William and queen Mary, also receipts in ancient cookery. London, 1790.

¹⁰⁹ Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire... – См.: Словарь иностранных слов. С. 422: «правила, регулирующие порядок какой-либо деятельности, например регламент собрания».

¹¹⁰ Guerot J. L'hotel du roi au palais de la Cite a Paris sous Jean II et Charles V // Vincennes: aux origines de l'etat moderne: Actes du colloque scientifique sur les Capetiens et Vincennes au Moyen Age / Ed. by J. Chapelot, E. Lalau. Paris, 1996. P. 267.

¹¹¹ Бойцов М. А. Порядки и беспорядки при дворе графа Тирольского // Двор монарха в средневековой Европе: Явление, модель, среда / Под ред. Н. А. Хачатурян. М., СПб., 2001. Вып. 1. С. 93.

¹¹² Бойцов М. А. Порядки и беспорядки... С. 93.

¹¹³ British Library. Harley. Manuscripts. 293. f. 18 v.

¹¹⁴ Ibid. 369. f. 56 v.

¹¹⁵ Церемониймейстеры Холла (BB. § 86. P. 183), привратники Холла (Ibid. § 30. P. 110). Упоминания кухни: BB. § 34.

ложить, что далее им были посвящены отдельные части. Вследствие этого остается нерешенным вопрос о том, была ли «Черная книга» не закончена или же некоторые ее части и само окончание были утеряны со временем.

Вопрос об авторстве регламента также остается нерешенным, поскольку отсутствует информация об авторе (авторах) или составителе (составителях). Нет достоверных сведений и о том, кто являлся инициатором составления книги – монарх и высшие придворные чины с целью регламентации порядков в хаусхолде или кто-нибудь из ординарных слуг хаусхолда, чтобы обозначить или оговорить свое место в придворных структурах и очертить круг обязанностей и полагающееся довольствие.

В самом регламенте есть строчки, где перечислены люди, названные советниками при составлении регламента: «По совету лордов церковных и светских, кардинала и архиепископа Кентербери, Джорджа, герцога Кларенса, Ричарда, герцога Глостера, мудрых и честных судей, и других знающих, разумных и образованных людей Англии»¹¹⁶. Названные поименно лица входили в родственный круг короля. Пост архиепископа Кентербери в это время занимал Томас Бушье (1411–1486), младший брат Генри Бушье, графа Эссекса, дяди короля, благодаря своему браку с Изабеллой Йоркской. Таким образом, с одной стороны, кардинал входил в йоркскую королевскую семью, а с другой – долгое время был советником предшественника Эдуарда Генриха VI, занимая должность канцлера Англии с 1454 г. Томас Бушье сделал многое для возвращения Эдуарда после кратковременного восстановления династии Ланкастеров на английском престоле, чем, несомненно, заслужил как доверие короля, так и честь быть занесенным в список ближайших советников. Появление фигуры Джорджа (1449–1478), герцога Кларенса, в списке советников тоже легко объяснимо: он был не только братом короля, но и человеком, который разбирался сам или имел советников, сведущих в вопросах придворной жизни: в 1469 г. были составлены ордонансы его герцогского двора¹¹⁷. Третий персонаж, Ричард (1452–1485), герцог Глостер, младший брат короля, являлся все время верным сторонником Эдуарда, сопровождал его в изгнании и считался одним из самых талантливых полководцев.

Можно предположить, что все трое могли принимать участие в подготовке составления «Черной книги». Тем не менее, нельзя отвергать возможность того, что указание их имен было просто данью традиции, согласно которой родственники короля априори должны были привлекаться к королевским делам. Примером подобного служит хартия 1461 г., дарованную Лондону Эдуард IV и его «советниками» Кларенсом и Глостером, которым было в то время по 13 и 8 лет соответственно¹¹⁸.

Поэтому есть основания предположить, что именно «другие знающие, разумные и образованные люди Англии» писали сам текст. Говоря о них, необходимо отметить два момента: во-первых, вероятно, они не занимали высокого положения, а, во-вторых, их можно скорее назвать не авторами, а составителями текста, так как «Черная книга» была скомпилирована из различных более ранних источников. Не вызывает сомнения тот факт, что эти люди принадлежали к королевскому двору, поскольку они знали во всех подробностях функционирование хаусхолда. Кроме того, как правило, подобные вещи составлялись слугами двора, например, церемониймейстер герцога Бургундского Оливье де ла Марш стал автором трактата по функционированию двора. Конкретные имена нам не известны, поэтому историки могут лишь строить предположения.

Р. 113–114; § 75. Р. 154–156; § 79. Р. 165–169.

¹¹⁶ ВВ. § 9. Р. 86–87.

¹¹⁷ A Collection of the Ordinances.... Р. 89.

¹¹⁸ The Historical charters and constitutional documents of the City of London/Ed. by W. Birch. London, 1887. Р. 84.

Так, А. Р. Майерс полагал, что эти должностные лица были связаны с областью финансов королевского двора, поскольку в тексте затронуто слишком много финансовых вопросов. В качестве возможных составителей Майерс называет слуг Счетной палаты – Ричарда Биндвина, Ричарда Дженни, Питера Бопье и Джона Элрингтона¹¹⁹. Ричард Биндвин, служивший сначала клерком кухни, стал гофмаршалом в 1463–1468 гг.¹²⁰ Ричард Дженни был долгое время сержантом кладовой мяса¹²¹. Питер Бопье (? —1480) числился при дворе с 1463 г., будучи клерком Гофмаршальской конторы, а затем клерком Счетной палаты. Джон Элрингтон (? —1483), известный как верный соратник Эдуарда IV и его брата Ричарда Глостера, занимал последовательно посты секретаря кухни, кассира и казначея королевского хаусхолда¹²².

Э. Кроуфорд считает, что регламент совместно составили уже упомянутый Джон Элрингтон и Джон Говард, причем работу они начали еще в конце 1460-х годов, и «это сотрудничество кассира-казначее и одного из ведущих должностных лиц могло вылиться в составление регламента»¹²³. Отметим, что в это время Говард был казначеем хаусхолда, а Элрингтон стал кассиром-казначеем в 1471 г. Кроме того, историкам известны «Книги хаусхолда Джона Говарда» за 1462—1471 и 1481–1483 гг.¹²⁴, что говорит об интересе Говарда к вопросам функционирования хаусхолда.

Французская исследовательница С. Кассань-Броке предложила другую кандидатуру на роль автора «Черной книги»¹²⁵. По ее мнению, составил книгу помощник герольда, занимавший пост персеванта Голубого плаща. Информации об этой должности немного. Она была создана Генрихом V и входила в штат ордена Подвязки, герольд носил одежду голубого цвета, откуда и произошло название – *bleau monteau* (голубой плащ). Обладатель этой должности упомянут в названии манускрипта «Записи персеванта Голубого плаща» (*Record of Bluemantale Pursuivant*)¹²⁶. За время правления Эдуарда IV персевантами Голубого плаща были Томас Холлингзуэрт, Ричард Чампниз, Генри Франк, Рожер Бромли, Джон Брайс, однако неизвестны точные даты, когда они занимали этот пост, поэтому не только нельзя назвать конкретного имени, но и нет уверенности, что текст писал именно кто-то из персевантов, так как Кассань-Броке не приводит никакого доказательства своего предположения. Не зная, кто конкретно был составителем регламента слуги Счетной палаты или герольды, можно с достаточной долей уверенности сказать, что они не являлись профессиональными переписчиками из-за обилия орфографических ошибок и помарок.

Точная дата создания «Черной книги» Эдуарда IV также неизвестна, и этот вопрос породил дискуссии в историографии, хотя историки и сошлись во мнении, что речь все же идет о второй половине правления короля—1471–1483 гг. Это связано с тем, что нет ни одного упоминания о регламенте в период 1461–1470 гг. Есть лишь факт заявления, сделанного в 1467 г. перед палатой общин, в котором король пообещал при финансировании

¹¹⁹ Myers A. R. Introduction... P. 33–34.

¹²⁰ Calendar of the Patent Rolls preserved in the Public Record Office, 1461–1467. London, 1897. P. 264. (Далее – CPR).

¹²¹ Ibid. 1461–1467. P. 93, 263–323.

¹²² Ibid. 1467–1477. P. 441; Rotuli Parliamentorum; ut et Petitiones et Placita in Parlamento / Ed. by J. Starhey. (Rolls of Parliament). 1272–1503. London, 1767. Vol. VI. P. 221.

¹²³ Crawford A. Yorkist Lord: John Howard, Duke of Norfolk, c. 1425–1485. London, New York, 2010. P. 56.

¹²⁴ The Howard Household Books / Ed. by A. Crawford. Stroud, 1992.

¹²⁵ Cassagne-Broquet S. 1) Edouard, Richard et Marguerite: les princes de la maison d'York et les artistes flamands en Angleterre // PCEEB. Vol. XLIV, 2004. P. 145; 2) L'art en famille. Les milieux artistiques à Londres à la fin du moyen Âge (1350–1530). Turnhout, 2005. P. 115.

¹²⁶ Record of Bluemantle Pursuivant // Kingsford C. L. English Historical Literature of the Fifteenth Century. New York, 1913. P. 379–388.

двора рассчитывать только на «свои собственные средства»¹²⁷. В качестве дополнительного доказательства А. Р. Майерс указывает на то, что при упоминании должности кардинала Кентербери имелся в виду Томас Бушье, бывший советником при составлении книги; а он, как известно, стал кардиналом только в 1467 г.¹²⁸, а в первый раз упомянут в качестве такового в английских источниках лишь в 1469 г.¹²⁹ Что касается 1469–1471 гг., времени смуты и отстранения Эдуарда от английского престола, то кажется маловероятным, что регламент был составлен в этот период.

В то же время после возвращения Эдуарда из изгнания вопрос об устройстве двора стал актуальным. Во-первых, возникли финансовые проблемы, поскольку после войны у короля не было необходимых финансов для содержания большого количества придворных слуг. Во-вторых, выявилась и стала особенно актуальной во время гражданской войны проблема лояльности. Оба вопроса проходят лейтмотивом через весь текст «Черной книги». В-третьих, во время изгнания Эдуард посетил двор своего шурина, герцога Бургундского, и, несомненно, находился под впечатлением от его великолепия и организационной системы, вследствие чего король обратился к бургундской стороне с просьбой предоставить возможность изучить их опыт. Эта миссия была возложена в 1471 г. на Ричарда Уэтехилла, бывшего контролером в Кале, который скопировал ордонансы¹³⁰, посвященные двору, и на Оливье де ла Марша, который по просьбе Эдуарда IV написал трактат о функционировании двора герцога Карла Бургундского¹³¹.

Верхним пределом для составления книги считается 1478 год, при этом историки ссылаются на два обстоятельства. С одной стороны, ордонанс хаусхолда, опубликованный в 1478 г., содержит многое из текста «Черной книги», а, с другой стороны, после мая 1477 г. имя герцога Кларенса вряд ли могло войти в список советников¹³², так как с этого времени он был в опале, а в 1478 г. казнен. А. Р. Майерс еще больше сужает временные границы возможного создания книги – до 1473 г., говоря об октябре 1472 г. Он объясняет это отношением короля к тому же Кларенсу, считая, что их взаимоотношения стали портиться с 1473 г.¹³³ Однако, скорее всего, говорить об исключении герцога Кларенса из числа советников Эдуарда IV можно лишь с момента полного разрыва их отношений, а до этого сохранялась видимость братских родственных связей.

«Черная книга» состоит из множества параграфов, в издании А. Р. Маейрса их 92. Этот историк соединил в один текст все параграфы, найденные в различных списках, ни один из которых не является полным.

В изданном Майерсом тексте проставлены номера параграфов, но в рукописях их нет; в них параграфы разделяются по-разному значками «./.»¹³⁴ и «/»¹³⁵ в конце фразы. Кроме того, возможны и отступления на две или три строчки перед следующим абзацем, и, наконец, в некоторых иллюминированных списках, каждый блок текста начинается на новой странице, и, даже если он занимает всего четыре-пять строк, новый параграф помещается на следую-

¹²⁷ English Historical Documents, 1327–1485 / Ed. by A. R. Myers. London, 1969. Vol. 4. P. 525.

¹²⁸ Myers A. R. Introduction... P. 28.

¹²⁹ CPR. 1467–1477. P. 177.

¹³⁰ Armstrong C.A.J. The Golden Age of Burgundy//The Courts of Europe: politics, patronage and Royalty, 1400–1800. London, 1977.

¹³¹ Marche O. L'Etat de la Maison du duc Charles de Bourgogne dit le Hardi // Memoires/Ed. par H. Beaume, J. Arbaumont. Paris, 1883–1888. Vol. IV. P. 1–94.

¹³² BB. § 9. P. 87.

¹³³ Myers A. R. Introduction... P. 30–31.

¹³⁴ British Library. Harley. Manuscripts. 293. ff. 1–18v.

¹³⁵ The National Archives. Public Record Office. Treasury of receipt. Miscellany Book. 36/230. f. 33.

щей странице¹³⁶, а в других списках несколько коротких параграфов размещены на одной странице¹³⁷. Зачастую первые буквы слов в параграфах выделены цветом и жирным шрифтом¹³⁸. Только в одной рукописи есть нумерация параграфов, но она не совпадает с нумерацией, введенной Майерсом. В данном случае номера записаны на полях тем же почерком, что и весь текст¹³⁹.

Параграфы могут состоять как из нескольких строк, так и из нескольких страниц, как, например, параграф о лорд-камергере. Кроме подразделения на небольшие параграфы, «Черная книга» разделена на две основные части: «*Domus Regie Magnificencie*» и «*Domus Providencie*». В данном случае ситуация такая же, как и с параграфами: либо переписчик отделял новую часть с помощью знака «/», либо начинал ее с новой страницы¹⁴⁰. Этому может быть множество объяснений: отсутствие или наличие большого количества бумаги, а также предназначение рукописи.

В текст «Черной книги» вставлено множество фрагментов из других разнообразных источников, которые можно разделить на две подгруппы – надписи на полях и вставки в тексте. Из-за того что оригинал «Черной книги» утрачен, перед историками возникает вопрос об уместности собственных комментариев переписчиков на полях страниц. В том, что это именно их надписи, а не последующих читателей, нет никаких сомнений, так как они написаны одним и тем же почерком. Встречаются три вида подобных записей: объяснения, своеобразные резюме параграфов, а также дополнения. Так, иногда переписчик объяснял то или иное слово или выражение: «*Edwardes houshold pages were none officers, nor yet long sene*» и на полях «*Pages noe officers but ayde*»¹⁴¹ или же «*whan as often as them nedith till the king hath youen or sold their lands*», при этом на полях «*this fale must bee understood to bee, noe other butt a merge grant of ther bodies & lands in warde during ther nomage*»¹⁴². Случаи резюмирования параграфа встречаются чаще. Также копиист иногда уточнял количество слуг определенной службы или условия пользования транспортными средствами¹⁴³. Были случаи, когда переписчик цитировал какие-либо сведения из другого источника: «*euery man stuffed and renned at the kinges costes of suche defence as he coude best deale with all. This noble Liandex reigned thus in England 32 years*», добавляя при этом сноску на полях: «*This last claufe is not in the black booke, but I found it in a copie of it written in an hunde of about H. 7th. time*»¹⁴⁴.

Более того, можно предположить, что некоторые из подобных записей на полях впоследствии теряли статус ссылки на полях и включались в состав основного текста, и лишь изредка переписчик в самом тексте уточнял происхождение данной цитаты «*what grete astate ellez that be present; as for his cupe, cupbourde, and disshes with doubell seruise, but none assaye*» и на полях «*all this is to bee added and was part of the booke*»¹⁴⁵.

Итак, кроме множества записей на полях, имеются и вставки в тексте, при этом иногда они занимают несколько строчек и состоят из нескольких предложений. В тех случаях,

¹³⁶ British Library. Additional Manuscripts. 21/ 993. ff. 55-114.

¹³⁷ British Library. Harley. Manuscripts. 369. ff. 1-55.

¹³⁸ Ibid.

¹³⁹ The National Archives. Public Record Office. Lord Steward's Department. 13/278. f. 7a.

¹⁴⁰ British Library. Harley. Manuscripts. 369. ff. 1-55.

¹⁴¹ British Library. Harley. Manuscripts. 642. ff. 44v-45.

¹⁴² Ibid. f. 54.

¹⁴³ Ibid. ff. 45v, 42, 35v, 40v.

¹⁴⁴ British Library. Harley. Manuscripts. 642. f. 13v.

¹⁴⁵ Ibid. f. 72.

когда вставлялась лишь небольшая фраза на латинском или французском языках, переписчик выделял ее¹⁴⁶.

Можно разделить подобные фрагменты на две категории. Во-первых, речь идет о цитатах с точным указанием источника и автора. Например, в тексте «Черной книги» есть много вставок из различных более ранних текстов, фразы подобно этой «...called by the noble king Edward the iijd. statutez ‘clerkpurueour...’»¹⁴⁷. При этом необходимо отметить, что вставки на французском языке обозначались знаками «[...]», в то время как латинский текст выделялся жирным шрифтом. Впрочем, далеко не всегда переписчики склонны были указывать точно место, откуда была взята цитата, или имя автора, иногда такое указание отсутствовало вовсе, в редких случаях приводятся неточные или даже фальшивые сведения.

Вставки и цитаты заимствованы из различных ранних текстов, начиная с эпохи античности и до работ XV в.; они взяты как из официальных документов, так и из литературных трудов, написанных и языческими авторами, и христианскими теологами. Однако в первую очередь необходимо обратить внимание на использование в «Черной книге» ордонансов предшествующих королей. Некоторые из них имеют отсылки к оригинальному источнику, другие же идентифицируются как вставки и цитаты по своей структуре и схожести с другими ордонансами, но не имеющие определенной отсылки к эпохе их составления.

Первая группа включает в себя ордонансы («statutes» согласно тексту) королей Эдуарда II и Эдуарда III. Эдуард II «сделал многое для утверждения добрых традиций хаусхолда»¹⁴⁸, в его время было издано два ордонанса в 1318 и 1323 гг. Что касается Эдуарда III, то его хаусхолд служил моделью королевского двора для авторов «Черной книги», ибо его двор был «домом церемониальным и цветущим»¹⁴⁹. Следует упомянуть, что при цитировании того или иного ордонанса Эдуарда III составители регламента не указывали дату его опубликования, но историки считают, что речь все время идет преимущественно об одном документе – ордонансе 1338 г.¹⁵⁰ Кроме того, в тексте есть множество вставок из ордонансов без указания даже имени короля, их издавшего, а также представлены счета об оплате, использованные в более ранних документах о хаусхолдах (§ 9–10, 16–20, 25–26, 28–29, 50), также без указания даты.

Вторую группу цитированных источников составляют нарративные материалы, такие как хроники, например, Матвея Парижского (?–1259), написавшего хронику Англии за 1167–1253 гг. и Великую хронику (*Chronica Majora*). Другой отрывок повествует о секретарях службы торговли эпохи Иоанна Безземельного¹⁵¹. Еще один фрагмент представляет собой пятнадцать строчек поэмы¹⁵² XII в., считающейся поэмой Генриха де Блуа, клюнийского монаха, историка и автора, достаточно часто цитируемого в XIV и XV столетиях¹⁵³. Параграф 6 о великолепии двора заимствован из произведения Эгидия Коломны «Книга о принципах управления»¹⁵⁴.

¹⁴⁶ The National Archives. Public Record Office. Treasury of receipt. Miscellany Book. 36/230. f. 99.

¹⁴⁷ BB. § 35. P. 114.

¹⁴⁸ BB. § 7. P. 84.

¹⁴⁹ Ibid.

¹⁵⁰ The Ordinance of 1338 // Tout T. F. Chapters in the Administrative History of Mediaeval England: In 6 vols. Manchester, 1920–1937. Vol. 3. P. 143–150.

¹⁵¹ BB. § 64. P. 140.

¹⁵² Ibid. § 2. P. 82.

¹⁵³ The Household of Edward IV: The Black Book... P. 234. № 25.

¹⁵⁴ Эгидий Коломна (1246/1247–1316) или Эгидий Римский, он же Жиль де Ром – теолог, обучался в Парижском университете, архиепископ Буржский с 1295 г. Основным источником и опорой рассуждений Эгидия в «Книге об управлении» (*De Regimine Principum Libri*) служат «Никомахова этика», «Большая этика» и «Политика» Аристотеля, нередко прямо цитируемые или пересказываемые. В отрывке, цитируемом составителями придворного регламента *De Regimine Principum Libri* (II pars, Liber I, Cap. XXI) вставки из «Никомаховой этики» Аристотеля. (Nicomachean Ethics, IV. II.2). – См. кн.: The

Цитаты из произведений авторов античности также включены в текст «Черной книги», однако ее составители не всегда точно указывают авторов и не точно воспроизводят цитаты. Так, фраза Публия Теренция Афры¹⁵⁵ «*vt homo est, ita morem geras*»¹⁵⁶ была несколько изменена по сравнению с оригиналом в пьесе «Братья» (*Adelphoe*), в которой она звучит как «*vt homost est, ita morem geras*»¹⁵⁷.

В данном случае, скорее всего, невнимательность одного из переписчиков повлекла за собой эту ошибку, закрывшуюся во многие списки рукописи. Зачастую автор цитаты назван не правильно, например, в случае со словами «*Minor est quam seruus dominus qui seruos timet*»¹⁵⁸ автором назван Сенека, а не Публий Сирий (*Publii Syri*) (I в. н. э.)¹⁵⁹, что является верным в действительности. Подобное можно объяснить как невнимательностью, так и невежеством составителей или последующих переписчиков «Черной книги».

В то же время авторы регламента старались использовать в тексте и произведения богословов, самое большое внимание привлекают выдержки из трудов Фомы Аквинского, например, его размышления о понятии *Domus Providencie*¹⁶⁰. Помимо этого его труд «Сумма теологии» цитируется многократно. Однако в «Черной книге» представлены только те цитаты из произведений Фомы Аквинского, которые подкрепляют основную линию повествования; в то же время как другие его рассуждения, например, рекомендации не использовать инструментальную музыку в литургии¹⁶¹ (что было распространено в Королевской капелле), полностью игнорировались.

Произведения менее известных авторов также привлекаются составителями «Черной книги», например, некоего Бернарда, написавшего *Epistola de cura et modo rei familiaris utilius gubernandae*¹⁶², фраза из сочинения которого «*Famulum alti cordis repelle vt inicum*»¹⁶³ встречается в тексте.

Такое большое количество цитат закономерно вызывает вопрос, каким критериям следовали составители «Черной книги», выбирая и цитируя те или иные фрагменты древних текстов, которые не всегда были уместны. С одной стороны, возможно, что они желали показать свою образованность, например, не было никакой необходимости использовать латинскую вставку в английской фразе «*laborers takyth hit precio vesture*»¹⁶⁴ вместо перевода ее на английский. Хотя, не исключено, что составители просто переписали источник, из которого и взяли такое словосочетание.

С другой стороны, доподлинно неизвестно, знали ли авторы регламента все цитируемые ими произведения. Это представляется сомнительным, учитывая путаницу в именах авторов и ошибки в цитатах; подобная ситуация, как правило, говорит о некомпетентности,

Household of Edward IV: The Black Book... P. 235. № 38; Гаврюшин Н.К. «Непогрешимый богослов». Эгидий Римский и его трактат «Ошибки философов» // Труды Минской духовной академии. 2002. № 1. С. 71–105.

¹⁵⁵ Публий Теренций Афр (195–158 до н. э.), римский комедиограф.

¹⁵⁶ BB. § 36. P. 115.

¹⁵⁷ Brepolis. Library of Latin Text. URL: <http://domino-ip2.univ-paris1.fr:2598/clt/start.asp?sOwner=menu> (TERENTIUS. Adelphoe. Teuber (A. Fleckeisen. 1898). P. 280).

¹⁵⁸ BB. § 78 (xvii). P. 162–163.

¹⁵⁹ Brepolis. Library of Latin Text. URL: <http://domino-ip2.univ-paris1.fr:2598/clt/start.asp?sOwner=menu> (PUBLII SYRI. Sententiae. Teubner. W. Meyer. 1880. P. 40) Teubner (W. Meyer. 1880). P. 17–59. – В I в.н. э. Сенека или кто-нибудь другой из его окружения составил сборник поговорок или сентенций. В Средние века в этот сборник было внесено много пословиц и поговорок, заимствованных из других источников, а в новейшее время туда же прибавлено немало вновь открытых, бывших доселе неизвестными изречений.

¹⁶⁰ Thomas Aquinas. Summa theologiae. Pt. II. Q. II. art. 2.

¹⁶¹ Thomas Aquinas. Summa theologiae. Pt. II. Q. 91.

¹⁶² Brepolis. In principio. URL: <http://domino-ip2.univ-paris1.fr:2597/inpr/inpr.exe>

¹⁶³ BB. § 78 (xvii). P. 163.

¹⁶⁴ Ibid. § 39. P. 118.

незнании того или иного предмета, а также об использовании часто цитированных в средневековые фраз по поводу и без повода, фраз, возможно, взятых из специальных сборников цитат.

Еще одним моментом, объясняющим наличие в тексте большого количества разнообразных цитат, может быть желание составителей придать определенный вес и значимость тексту регламента в глазах читателей, которые воспринимали такого рода вещи как доказательства правильности тех или иных утверждений и позиций авторов и составителей.

После подробного анализа регламента хаусхолда видно, что это достаточно сложный и многогранный источник, позволяющий изучить огромное количество вопросов, касающихся не только видения функционирования королевского хаусхолда, но и менталитета людей XV столетия, а также терминологические вопросы.

Понятия, употреблявшиеся для обозначения королевского окружения в XV веке

Основополагающими для данного анализа являются термины «двор» и «хаусхолд», а также различные наименования придворных слуг. Для того чтобы избежать неясностей в исходном толковании терминов, обратимся к тому, как употребляли эти понятия люди XV столетия.

В «Черной книге Эдуарда IV» встречается большое количество слов, обозначающих окружение короля – «*curia*», «*domus*», «*court*», «*housellyng*», «*house*», «*household*», «*familia*», «*hostiel*»¹⁶⁵. Такое обилие терминов было связано, в первую очередь, с тем, что текст регламента включал в себя фрагменты на нескольких языках: английском, французском и латинском. Выбор английских и латинских терминов обусловлен исходным следованием традиции раннего средневековья, которая основана на употреблении латинских терминов для характеристики придворных институтов и двора в целом. С помощью переводов значений основных латинских терминов, содержащихся в толкованиях словарей *Promptorium Patvulorum* и *Catholicon Anglicum*, возможно определить различные латинские и английские понятия, которые потенциально могли использоваться для описания институциональной природы английского двора. Ниже в таблице 1 обобщены зафиксированные в словарях XV столетия латинские термины и их английские эквиваленты, не только соответствующие, но и отличные от понятийных реалий «Черной книги»¹⁶⁶.

Из латинских терминов в регламенте хаусхолда Эдуарда IV были использованы только три – «*domus*», «*curia*» и «*familia*»; большая вариативность наблюдалась в употреблении понятий на английском языке. Анализ словарей XV в. показал, что латинское значение «*curia*» переводится на английский язык в обоих словарях как «*court*», а понятие «*domus*» как «*house*», а также как «*house*» и «*menze*» в другом словаре. Кроме вышеперечисленных понятий, в словаре *Catholicon Anglicum* упоминается термин «*court*», однако без перевода на латинский язык¹⁶⁷.

Таким образом, выясняется, что составители регламента употребляют два варианта терминов «*curia*» и «*domus*» с их переводами на английский язык «*court*» и «*house*».

¹⁶⁵ BB: *Infra curiam Regis* (P. 94), *ad curiam per annum* (P. 87), *domus Regis anglie* (P. 89), *Domus Providencie* (P. 141), *offences of court* (P. 144), *he is present in court* (P. 145), *for the hinges housellyng* (P. 137), *the bookes of the house* (P. 152), *the honour of this house* (P. 195), *of the householde yoman* (P. 196), *astatz and degrees of householde* (P. 81), *rex cum familia* (P. 80), *familiam et domum suam secundum* (P. 147).

¹⁶⁶ Латинские варианты помещены в центральный столбец, а в крайних столбцах – их значения в двух словарях с указанием страниц, выделенные жирным шрифтом термины были использованы авторами в тексте «Черной книги».

¹⁶⁷ *Catholicon Anglicum*... P. 79.

Таблица 1. Данные словарей *Promptorium Patvulorum* и *Catholicon Anglicum*¹⁶⁸

Английский вариант <i>Promptorium patvulorum</i>	Латинский термин	Английский вариант <i>Catholicon Anglicum</i>
—	<i>Communicacio</i>	<i>Houselinge</i> (P. 190)
<i>Cowrt</i> (P. 97)	<i>Curia</i>	<i>Cowrte</i> (P. 79)
<i>Of howsholde</i> (or dwellynge in howshold) (P. 311)	<i>Domestica, -ce</i>	—
<i>Howse</i> (P. 250)	<i>Domus</i>	<i>howse</i> (P. 190), <i>menze</i> (P. 235)
<i>Hows-hold</i> (P. 228)	<i>Ffamilia, -e</i>	<i>menze</i> (P. 235)
<i>Of howsholde</i> (or dwellynge in howshold) (P. 311)	<i>Mancionarius, ij,</i>	—

В то же время один раз составители регламента используют выражение «*familiam et domum suam*»¹⁶⁹, говоря о дворе Генриха IV. Исходя из данных словаря *Promptorium patvulorum*, термин «*familia*» означает «*household*», а термин «*domus*» – «*house*». Таким образом, зримым становится дистанцирование понятий «дом» и «хаусхолд». Как видно из анализа истории употребления этих двух терминов, проведенного Д. Херлихи, на протяжении античности и средневековья понятия то становились синонимами, то их разделяли как сказано выше¹⁷⁰, вследствие чего в историографии эти понятия смешались. Так, например, Л. Стоун считает, что «*familia*» – это «представители одной семьи, которые живут под одной крышей», а «*household*» – «люди, живущие под одной крышей»¹⁷¹. То есть понятие «семьи» уже, чем «хаусхолд», так как исключает не связанных родственными узами людей из своего круга. Однако, скорее всего, авторы «Черной книги» употребляли их как синонимы и, говоря о «*rex cum familia*»¹⁷², имели в виду короля и его хаусхолд, а не только семью.

От практики, зафиксированной словарями XV в., переходим к анализу частоты употребления этих понятий – «*curia*», «*domus*», «*court*», «*houselling*», «*house*», «*household*», «*familia*», «*hostiel*» – в тексте самой «Черной книги». Наиболее употребляемыми понятиями являются «*household*» и «*court*» (363 и 332 раза соответственно). Остальные – «*curia*», «*domus*», «*house*», «*housellyng*», «*familia*», «*hostiel*» – упомянуты 11, 59, 50, 1, 2 и 1 раз соответственно. Латинские термины «*curia*» и «*domus*» встречаются либо в латинских фрагментах, что легко объяснимо, а также в названиях некоторых англоязычных параграфов – «*Domus regis Edwardi tercij*» или «*Domus regis Salamonis*»¹⁷³, в которых с помощью латинского языка подчеркивается значимость названия и дальнейшего текста. Стоит заметить, что понятие «*curia*» ориентируется на пространственные очертания («*infra et extra curiam*»¹⁷⁴) и человеческие отношения («*Pro 1 personis suis infra curiam regis*»¹⁷⁵), а «*domus*» – на институциональные («*domus Regis anglie*»)¹⁷⁶.

¹⁶⁸ The *Promptorium patvulorum*...; *Catholicon Anglicum*: an English-Latin wordbook dated 1483 / Ed. by S. J. H. Herrtage. London, 1881.

¹⁶⁹ BB. § 70. P. 147.

¹⁷⁰ Herlihy D. 1) *Medieval Households*. Harvard, 1985. P. 2–3; 2) *Family* // AHR. 1991. Vol. XCVI. № 1. P. 1–16.

¹⁷¹ Stone L. *The Family, Sex and Marriage in England, 1500–1800*. London, 1977. P. 21–30.

¹⁷² BB. § 10. P. 88.

¹⁷³ BB. P. 76.

¹⁷⁴ Ibid. § 10. P. 88.

¹⁷⁵ Ibid. § 17. P. 94.

¹⁷⁶ Ibid. § 11. P. 89.

Из английских понятий термин «*housellyng*» в одном из списков «Черной книги» использован в сочетании «*for the kinges housellyng*», при этом в некоторых других списках он был заменен словом «*household*»¹⁷⁷. Неизвестно, по какой причине один из переписчиков решил заменить один термин на другой, однако возможно, что слово «*housellyng*» просто вышло из употребления.

Что касается достаточно часто употребляемого термина «*house*», то обратимся к подсчетам, основанным на данных текста регламента, и проанализируем, какие слова употреблялись в сочетании с этим понятием. В данном случае были упущены союзы и предлоги, а полученные данные обобщены в таблице 2.

Таблица 2. Слова, употребляемые в сочетании со словом «*house*»¹⁷⁸

Русский вариант	Английский вариант	Количество употреблений
Лорд	<i>Lord</i>	1
Каждый	<i>Chacon</i>	1
Кувшин	<i>Picher</i>	1
Бокал	<i>Cup</i>	1
Принц	<i>Prince</i>	1
Собственный	<i>Propyr</i>	1
Королева	<i>Queen</i>	1
Новый	<i>New</i>	3
Драгоценности	<i>Jewel</i> * ¹⁸¹	3
Король	<i>Kyng</i> *	5
Счетная	<i>Counting</i>	20

Как видно из приведенных данных, в большинстве случаев речь идет об использовании устойчивых выражений наподобие «*counting-house*»¹⁷⁹ или «*jewel house*»¹⁸⁰—данные словосочетания писались очень часто раздельно. Таким способом подчеркивалась обособленность, в том числе и архитектурная, служб Счетной палаты и сокровищницы Королевской палаты.

Кроме того, составители регламента употребляют понятие «*house*» в значении «*household*»: например, «*new house of houses principall of Ingland.*»¹⁸¹. Достаточно распространены такие выражения, как «*king's house*», «*prince s house*» или «*queen s house*» — «королевский дом», «дом принца», «дом королевы». Французский эквивалент термина для определения окружения короля или принца «*house*» — «*maison*» часто использовался и на континенте; наиболее ярким примером такого употребления может служить название трактата Оливье де ла Марша *L'Etat de la Maison du duc Charles de Bourgogne dit le Hardi*¹⁸². Таким образом, стоит обратить внимание на формирование двух тенденций в употреблении понятия «*house*». С одной стороны, это определение всего института двора (*king's house*), а

¹⁷⁷ Ibid. P. 137. Note j.

¹⁷⁸ Слова со звездочкой (*) представляют собой лемму от всех производных слов, например, lord = lordes.

¹⁷⁹ Ibid. § 62. P. 148.

¹⁸⁰ Ibid. § 84. P. 178.

¹⁸¹ ВВ. § 9. P. 86.—В одном из списков переписчик заменяет слово «*house*» словом «*housoldis*» (Ibid. § 9. P. 86. Note m).

¹⁸² Marche O. *L'Etat de la Maison...* Vol. IV. P. 1–94.

с другой – указание на отдельную, архитектурно обособленную часть двора (*counting house*, *jewel house*).

Кратко проанализировав использование менее распространенных терминов для определения окружения короля, перейдем к часто встречающимся понятиям, использованным в регламенте, то есть к понятиям «двор» и «хаусхолд». Сразу же надо отметить, что в тексте «Черной книги» нет единого общепризнанного графического написания этих слов, поэтому для упрощения дальнейшего анализа сначала обратим внимание на встречающиеся различия. Речь идет о наличии или отсутствии буквы «e» на конце слова, использовании буквы «w» вместо «u» и других незначительных графических разночтениях. Слово «двор» имеет три графических начертания в тексте «Черной книги»: «*corte*» (72 раза), «*court*» (203) и «*courte*» (55). Что касается термина «хаусхолд», то здесь наблюдается большая вариативность: по одному разу встречаются написания «*householdes*», «*housholdez*», «*householding*», «*housholding*», «*howsold*», по два раза—«*howsolde*» и «*housolde*», по три раза—«*howsholde*», «*housold*», «*housholdes*», 25 раз—«*householde*», 54 – «*household*», 83—«*housholde*» и, наконец, 183 раза «*houshold*». Скорее всего, такое разнообразие графических написаний каждого термина является следствием того, что переписчик или составитель записывали слова так, как они их слышали. Очевидно, они не задумывались над какими-либо нормами орфографии, поскольку даже в одном предложении можно встретить различные написания одного и того же слова¹⁸³.

Для понимания использования слов «двор» и «хаусхолд» были проанализированы фразы регламента, содержащих эти два понятия. В данном случае применим тот же метод, что и в случае со словом «*house*», с той лишь разницей, что параллельно в таблице 3 были приведены данные о словосочетаниях как с термином «хаусхолд», так и со словом «двор». В данном случае можно выделить три группы возможных вариантов – с преобладанием какого-либо из этих двух терминов, а также равного употребления. Вторым отличием этого анализа стала более тщательная выборка словосочетаний, так как эти термины слишком часто употреблялись – 363 и 332 раза соответственно, были опущены артикли и предлоги, а также использованы лишь те слова, которые встречались больше двадцати раз.

Исходя из полученных данных, обобщенных в таблице 3, можно сделать вывод, что все вышеперечисленные слова в равной мере используются составителями регламента как в сочетании с термином «двор», так и со словом «хаусхолд». Тем не менее, отметим две особенности. С одной стороны, это доминирование фраз, содержащих слово «хаусхолд», в словосочетаниях, касающихся либо сферы финансирования придворных служб («Счетная палата», «казначей»), либо администрирования («часть» или «делить», «назначать»). С другой стороны, термин «двор» больше связан с сюжетами, включающими человеческий фактор («человек», «честный», «слуга», «грум»). В то же время оба термина одинаково часто используются с различными прилагательными.

Таблица 3. Слова, употребляемые в сочетании с терминами «хаусхолд» и «двор»

¹⁸³ «MASTYR SURGEOUNE sitting in the hinges chaumbre, but most party in the hinges hall, with a person of lihe seruyce, as hnyztes lyuerey, taping at nyzt j lofe, j quarte wyne, j gallon ale; and for wynter season j percher wex, ij candelles wex, iij candelles peric, j. dim. talwood; russhes and litter all the yere of the sergeaunt vssher of the hall and chambyr» (BB. § 45. P. 124).

Словосочетания		Количество упоминаний	
Русский вариант	Английский вариант	Двор	Хаусхолд
1. Преобладание термина «хаусхолд»			
Счетная палата	<i>countinghouse</i>	7	14
Подарок	<i>gift</i>	6	17
Часть (или разделить)	<i>part</i> ^{*103}	6	17
Большой	<i>Greete</i>	5	19
Должностное лицо	<i>officer</i>	8	19
Должность	<i>office</i>	16	23
Назначать	<i>charge</i>	4	24
Одежда	<i>cloth</i> *	17	31
Казначей	<i>thesaurer</i>	6	42
Король	<i>king</i>	31	65
2. Преобладание термина «двор»			
Королевская палата	<i>chamber</i>	15	5
Реестр	<i>roll</i>	18	4
Грум	<i>grome</i>	18	14
Человек	<i>person</i>	20	3
Хранить	<i>kepe</i>	21	5
Оплата	<i>wages</i>	27	10
Ливрея	<i>lywery</i>	27	15
Честный	<i>honest</i>	28	3
Слуга	<i>servaunt</i>	28	7
Давать	<i>Take</i>	32	24
Настоящий	<i>present</i>	38	12
День	<i>day</i> *	40	24
3. Примерное равенство числа употреблений			
Подобный	<i>Like</i>	12	11
Каждый	<i>Every</i>	18	18
Йомен	<i>Yoman</i>	22	22

Слова со звездочкой (*) представляю собой лемму от всех производных слов, например, day = days, daily.

Полученные результаты уточняет график 1, в котором содержится информация о преобладании того или иного термина в различных частях «Черной книги», которую мы поделили на семь смысловых фрагментов, в соответствии с их значением, то есть на части, посвященные рассказам 1) о Королевской палате, 2) о Королевской капелле, 3) о Королевском гардеробе, 4) о финансировании, 5) о Холле, а также 6) прологу и 7) параграфам об английской титулатуре.

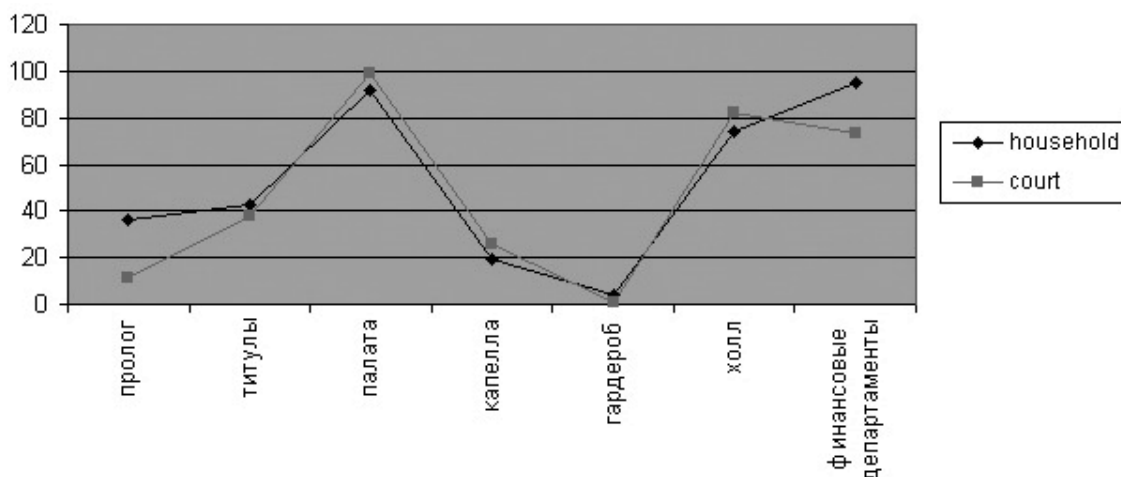

Рис. 1. Использование терминов «court» и «household» в различных частях «Черной книги»

При рассмотрении данного графика обращает на себя внимание то обстоятельство, что линии, отражающие использование обоих терминов, практически совпадают, за исключением лишь двух небольших отклонений. В первом случае это относится к прологу регламента, в котором отдается предпочтение слову «хаусхолд». Это отклонение объясняется тем, что в прологе излагаются история и традиции придворной жизни, преемственность в развитии этого института в историческом контексте. При этом именно слово «хаусхолд» употребляется во всех более ранних источниках, воспроизводимых в регламенте, за одним известным нам исключением, когда цитируется ордонанс Эдуарда I, в котором встречается слово «*hostiel*» «*Senesshall tenez la baton du nostre hostiel*»¹⁸⁴.

Второе отклонение связано с доминированием термина «хаусхолд» в параграфах, повествующих о финансировании двора. Таким образом, приведенные на рисунке 1 и в таблице 3 результаты дают основание утверждать, что авторы регламента не дистанцировали кардинально два термина («двор» и «хаусхолд»), а использовали их как синонимы с небольшим уклоном в институциональную сферу при использовании понятия «хаусхолд» или в сферу человеческих отношений, если речь шла о термине «двор».

По отношению к придворным слугам авторы регламента «Черная книга» употребляли семь терминов, обозначавших различные категории людей, так или иначе связанных со службой в королевском хаусхолде (*domestici officarius, minister, laborers, officer, seruanes* – 9, 1, 9, 2, 107 и 61 раз соответственно). Частота употребления этих понятий в тексте «Черной книги Эдуарда IV» зафиксирована на рисунке 2.

¹⁸⁴ ВВ. § 42. Р. 168.

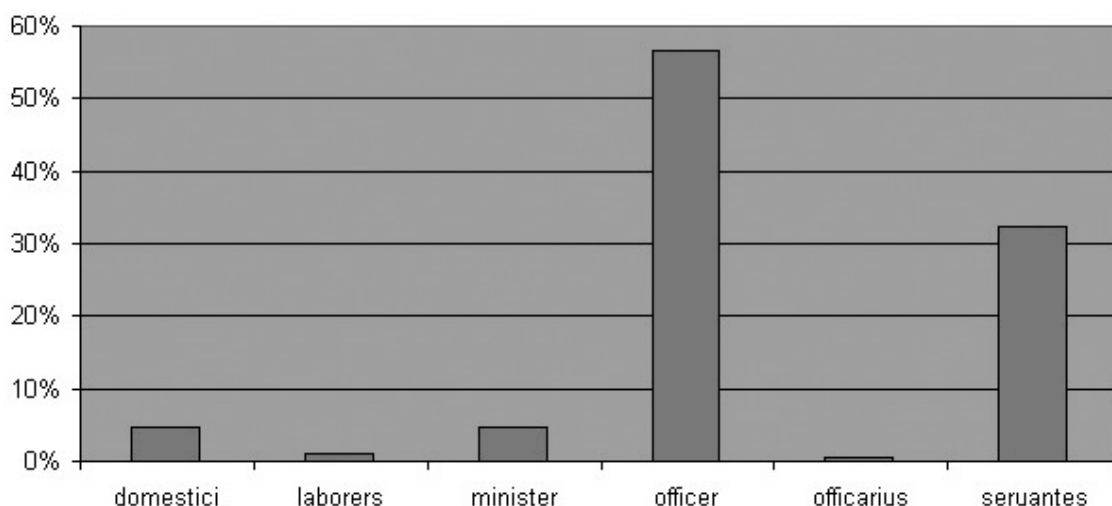

Рис. 2. Наименование служивших людей

Приведенные данные свидетельствуют об употреблении как латинских (*domestici*, *minister*, *officiarius*), так и английских терминов (*laborers*, *officer*, *seruanes*). Корреляция этих понятий со значениями, встречающимися в англо-латинских словарях XV в., дает следующие результаты, представленные в таблице 4.

Таблица 4. Данные словарей *Promptorium Patvulorum* и *Catholicon Anglicum*¹⁸⁵

Английский вариант <i>Promptorium patvulorum</i>	Латинский термин	Английский вариант <i>Catholicon Anglicum</i>
—	<i>Laborosus</i>	<i>Travelor</i> (P. 392)
<i>Travaylowre</i> (P. 499)	<i>Laborator, trix</i>	—
<i>Serwaunt</i> ¹⁸⁶ (P. 338)	<i>Mynister,</i>	<i>Servande</i> (P. 330),
<i>Minister</i> (P. 338)	<i>Minister</i>	<i>Mynester</i> (P. 240)
<i>Officere</i> (P. 363)	<i>Officiarius</i>	—
<i>of Household</i> (P. 362)	<i>Domesticus</i>	—

¹⁸⁵ The *Promptorium patvulorum*...; *Catholicon Anglicum*...

¹⁸⁶ Выделенные жирным шрифтом термины использовались авторами «Черной книги».

Следует отметить, что в имеющихся в нашем распоряжении словарях XV в. нет только термина «*laborer*», который употребляется в тексте регламента два раза, а однокоренное ему слово «*labor*» встречается лишь один раз. Остальные термины достаточно распространены.

Исходя из предположения, что «Черная книга» была скомпилирована из многих источников, попытаемся рассмотреть, в каких частях и параграфах употреблялись зафиксированные нами термины (рисунок 3).

¹⁸⁵ The *Promptorium patvulorum*...; *Catholicon Anglicum*...

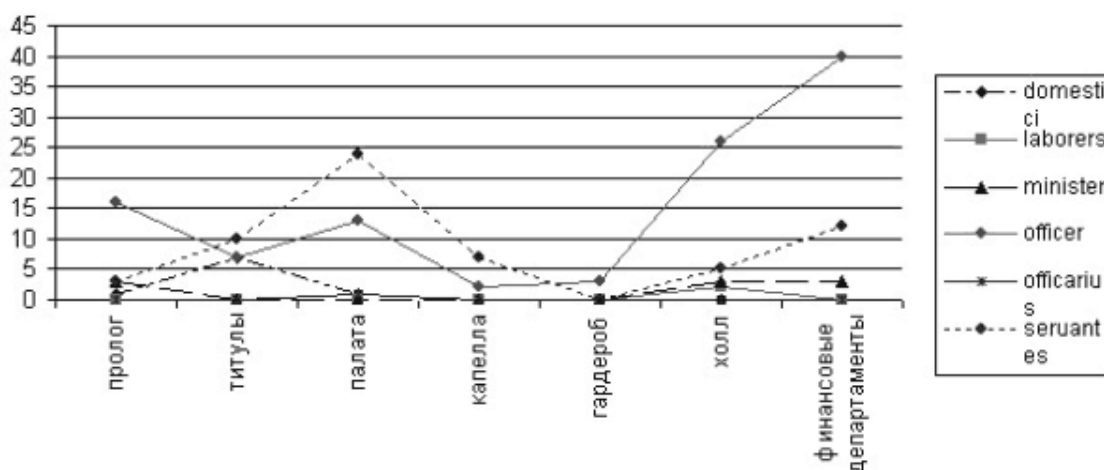

Рис. 3. Распределение терминов по частям книги

Вполне объяснимо, что латинские термины (*domestici*¹⁸⁶, *officiarius*¹⁸⁷) употребляются в первой части источника, которая скомпилирована из латинских источников. Наличие термина «*minister*»¹⁸⁸ в первой части источника объяснить сложнее. Возможно, оно определялось его сходным написанием как в латинском, так и в английском языках. Другим объяснением употребления термина «*minister*» в регламенте может служить следование традиции – в документах об англо-саксонских хаусхолдах часто встречается именно это понятие, где оно означает человека, принадлежащего ко двору, владеющего землей и проводящего там политику короля¹⁸⁹. Кроме того, очевидно, что английское значение «*minister*» дистанцируется в тексте от термина «*servant*» и окрашивается дополнительным значением, связанным с особыми судебными полномочиями власти.

В отличие от «*minister*», термин «*servant*»¹⁹⁰ применялся для обозначения всех категорий королевских слуг и слуг вообще – в самом широком смысле. Этот термин вошел в употребление в Англии в XIV столетии и часто встречается в текстах завещаний¹⁹¹. Что касается «Черной книги», то в ней «*servant*» больше используется в параграфах о Королевской палате, в отличие от термина «*officer*», который употреблялся чаще в разделе о департаменте *Domus Providencie*.

Слово «должность» (*office*) применялось тогда, когда подразумевалась какая-либо функция или обязанности, которыми господин наделял определенного человека¹⁹². Во французской традиции термином «*officier*» называли того, кто «действовал от имени короля и осуществлял часть его функций»¹⁹³. Более того, с нашей точки зрения, термин «*officier*»¹⁹⁴ используется в том случае, когда речь идет о своеобразном контракте между господином и слугой, связанным с выполнением того или иного поручения. В отношении слуг хаусхолда

¹⁸⁶ «Vt omnes domestici eius se occuparent...» (BB. § 6. P. 84); «Pro cxxl domesticis ultra...» (Ibid. § 18. P. 96).

¹⁸⁷ «Vnius officii pistrine...» (BB. § 2. P. 81).

¹⁸⁸ «...to kepe the ministres thereof any breche...» (BB. § 29. P. 110); «Ministres of chamber...» (Ibid. § 22. P. 101, note a).

¹⁸⁹ Larson L.M. The king's Household before the Norman Conquest//Bulletin of the University of Wisconsin. 1904. № 100. History series. Vol. I. N 2. P. 103.

¹⁹⁰ «He may haue in this court ii seruantez...» (BB. § 33. P. 113); «...to rewarde his household seruantes...» (Ibid. § 7. P. 85)

¹⁹¹ Golberg P.J.P. What was a servant?//The Fifteenth Century. Vol. I. Concepts and patterns of service in the later Middle Ages / Ed. by A. Curry, E. Matthew. Woodbridge, 2000. P. 3.

¹⁹² Gabourdin G., Viard G. Lexique historique de la France d'Ancien regime. Paris, 2005. P. 243.

¹⁹³ Цатурова С. К. Офицеры власти: Парижский Парламент в первой трети XV века. М., 2002. С. 24.

¹⁹⁴ «...euery officer shall mowe sufficiently be of power...» (BB. § 9. P. 87); «...to all officers in this householde...» (Ibid. § 12. P. 89).

это выражалось в принесении клятвы, так, например, лорд-камергер должен был «принести клятву королю и его совету»¹⁹⁵. Впрочем, королю приносили клятву также некоторые государственные служащие и советники.

Среди королевских слуг, служивших при дворе Эдуарда IV, нами найдены в различных источниках, в основном в Календарях патентов и «закрытых писем»¹⁹⁶, 65 человек, должности которых никак не обозначены в документах. В этих случаях авторы документов использовали выражения наподобии «*of household*», «*officer of household*» и «*servant of household*», встречающиеся по 36, 25 и 4 раза соответственно. Таким образом, видно, что составители текстов патентов предпочитали избегать использования «*servant of household*» и употреблять термин «*officer*».

Кроме вышеупомянутых терминов, в тексте «Черной книги» два раза встречается слово «*laborer*» в параграфах об одном из подразделений департамента *Domus Providencie* – пекарне. Уже в XV в. попытки определить значение этого термина сводились к указанию на определенную близость по значению с «*servant*», поскольку каждый человек, который служит, по определению может называться «*servant*»¹⁹⁷. Отметим, что близость «*laborer*» с «*servant*» не была буквальной, так как «*laborer*» мог, помимо обычного смысла, означать еще и того, «кто работает на земле, то есть крестьянина»¹⁹⁸. Очевидно, употребленный в регламенте только дважды, этот термин мог означать королевского слугу низшего ранга. Подтверждением этого может служить фраза из регламента – «другие семь грумов, именующихся “*laborers*”, должны были быть назначены для уборки, ношения воды, поддержания огня и других необходимых вещей»¹⁹⁹. Известно, что грумы в XV в. занимали низшую ступень в придворной иерархии, то есть стояли после клерков, секретарей и йоменов. Предположение, близкое к вышеизложенному, было выдвинуто П. У. Флемингом, согласно которому все слуги подразделялись на две категории: в одну входили камергеры, йомены, привратники, в другую – грумы и работники (*laborers*)²⁰⁰.

Департаменты и службы королевского хаусхолда

Благодаря регламенту «Черная книга Эдуарда IV» известно о делении королевского хаусхолда на два департамента—*Domus Regie Magnificencie*²⁰¹ и *Domus Providencie*²⁰². Слова «*magnificencie*» и «*providencie*» в англо-латинских словарях XV в. имеют несколько переводов, представленных в таблице 5.

Таблица 5. Данные словарей Promptorium Patvulorum и Catholicon Anglicum²⁰³

¹⁹⁵ BB. § 27. P. 105.

¹⁹⁶ CPR, Calendar of the Close Rolls preserved in the Public Record Office, 1461–1468. London, 1949. (Далее – CCR).

¹⁹⁷ Morgan D. The household retinue of Henry V and the ethos of English public life // The Fifteenth Century. Vol. I. P. 64.

¹⁹⁸ Le Nouveau Petit Robert....

¹⁹⁹ BB. § 79. P. 169.

²⁰⁰ Fleming P W Household Servants of the Yorkist and Early Tudor Gentry//Early Tudor England. Proceeding of the 1987 Harlaxton Symposium/Ed. by D. Williams. Woodbridge, 1989. P. 22.

²⁰¹ BB. § 8-66. P. 86–141.

²⁰² Ibid. § 67–92. P. 141–197.

²⁰³ The Promptorium patvulorum...; Catholicon Anglicum...

Английский вариант <i>Promptorium patvulorum</i>	Латинский термин	Английский вариант <i>Catholicon Anglicum</i>
—	<i>Magnificencia</i>	<i>A boste (best)</i> (P. 37) <i>A gretnes (greatness)</i> (P. 165) <i>A pryde (pride)</i> (P. 291)
<i>Purvyance</i> (P. 417) <i>Chevesauce</i> (P. 74)	<i>Providencia</i>	<i>Purvyance</i> (P. 295)

Исходя из употребления слов в XV в., словосочетание *Domus Regie Magnificencie* означало «лучший, великолепный, бывший предметом гордости королевский дом», а *Domus Providencie* – «дом, отвечающий за снабжение и поставки [продовольствия]». В современном нам словаре «*magnifentia*» означает «великолепие», «пышность»²⁰⁴. В. С. Ковин в своей диссертации «Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625» термин *Domus Regie Magnificencie* переводит как «Департамент Королевской Палаты», а *Domus Providencie* – как «Департамент Дворцового Хозяйства». Если второе понятие, в целом, отражает действительность XV в., то *Domus Regie Magnificencie* при Эдуарде IV включал в себя наравне с Королевской палатой большое количество других придворных служб, которые, согласно регламенту «Черная книга», не входили непосредственно в состав палаты²⁰⁵. Из-за этого несоответствия и громоздкости вышеуказанного перевода мы предлагаем использовать в дальнейшем латинские варианты для названия обоих департаментов.

Таким образом, департамент *Domus Regie Magnificencie*, и, в особенности, одна из его служб – Королевская палата, служил средством демонстрации великолепия королевского окружения, а департамент *Domus Providencie* (и его центр – Холл) отвечал за хозяйственные вопросы²⁰⁶. Как показывает Т. Ф. Таут, первоначально *Domus Providencie* и *Domus Regie Magnificencie* были известны как «*aula regia*» (Холл) «*camera regia*» (Королевская палата) еще в эпоху Меровингов, но не были кардинально дистанцированы до начала XIV в.²⁰⁷ Историки отмечают, что такое деление основывалось на архитектурных особенностях жилищ, так как средневековые дома имели два основных помещения – палату и холл. К. Гивен-Уилсон так описывает эту структуру: «каждая резиденция лорда в Средние века имела два помещения, в которых были построены камин, – палату и холл». Они символизировали собой «высшие» и «низшие ступени» хаусхолда, то есть слуг, которые находились либо в холле, на первом этаже, либо в палате – на втором²⁰⁸. Такое деление отвечало представлениям об иерархии: должности департамента *Domus Regie Magnificencie* были более привилегированными по сравнению с постами в департаменте *Domus Providencie*.

Однако далеко не все историки согласны с подобным делением хаусхолда на две части. Так, например, Д. Морган, тоже следуя архитектурно-пространственной теории, выделяет еще и третью часть двора – конюшню, которая, как правило, имела отдельное помещение. Служба конюшни занимала важное положение при хаусхолде, так как, с одной стороны, двор оставался кочевым, а с другой, конюшня была связана с устройством охоты, одного из

²⁰⁴ Латинско-русский словарь / Под ред. И. Х. Дворецкого. М., 1976. С. 611.

²⁰⁵ Ковин В. С. Королевские слуги и яковитский двор в Англии 1603–1625: Дис... канд. ист. наук. СПб., 1999.

²⁰⁶ Newton A. P Reforms in the Royal Household // Tudor Studies presented to A.F. Pollard. / Ed. by R. W. Seton-Watson. New York., 1969. P. 232.

²⁰⁷ Tout T. F. Chapters in the Administrative History... Vol. II. P. 248.

²⁰⁸ Given-Wilson C. The Royal Household and the King's Affinity: Service, Politics and Finance in England, 1360–1413. New Haven; London, 1986. P. 29.

самых распространенных развлечений знати²⁰⁹. Кроме трехчастного деления пространства дома, можно встретить и деление помещений на пять групп. Так, в трактате Александра Некама (1157–1227) *De Utensilibus* (около 1190 г.) разграничивается пять частей хаусхолда: холл (*corpus aule, cors le sale*), палата (*camera, la chaumbre*), погреб (*celarium, celer*), кладовая (*dispensa, dispensatorium*) и кухня (*coquina, quisine*)²¹⁰. В «Черной книге Эдуарда IV» все вышеперечисленные службы, за исключением палаты, относятся к департаменту *Domus Providencie*.

Королевская палата (*Kinges chamber*) при Эдуарде IV возглавлялась лорд-камергером (*Lord chamberlain*). Его многочисленные обязанности можно разделить на группы: с одной стороны, он был главой всех слуг департамента *Domus Regie Magnificencie*, назначал, судил и снимал их с должностей²¹¹, а с другой – обладал государственными обязанностями – был членом Королевского совета, с третьей – имел церемониальные обязанности, например, при встрече послов. В непосредственном подчинении у лорд-камергера находились королевские рыцари (*knight of the body*), королевские оруженосцы (*squire of the body*), камергер-привратники (*gentleman usher*), оруженосцы хаусхолда (*squire of household*), йомены короны (*yeoman of crown*), врач (*doctoure of physyque*), хирург (*surgeoune*), цирюльник (*barber*), камергеры (*gentlemen*), грумы-привратники (*groom porter*). При этом многие должности Королевской палаты были привилегированными, предназначенными только для церемоний: так например тафельдекер (*king's sewer*) и форшнейдер (*king's carver*) прислуживали только королю, а остальную работу выполняли должностные лица из службы Холла.

В Королевской палате существовала своя иерархия должностей: на вершине служебной лестницы располагались королевские рыцари и королевские оруженосцы, далее йомены, грумы и пажи, а на низших ступенях – слуги вышеперечисленных должностных лиц. Каждой из этих должностей в «Черной книге» посвящено по параграфу, абзацу или его части, в которых четко регламентированы обязанности слуг, приводятся сведения о довольствиях как денежных, так и вещественных (топливо – *russhes, tallwood* и еда – *messe, gallon [of ale]*).

Кроме Королевской палаты, под руководством лорд-камергера находились службы Королевского гардероба (*Kinges Wardrobe*) и Королевской капеллы (*Kinges Chapell*). Ранее они обособились из структуры Королевской палаты. Этот процесс был назван Т. Ф. Таутом «*go out of court*»²¹² и подразумевал, что каждая из служб, ставших впоследствии государственными, выделилась из хаусхолда; в самом хаусхолде таким же образом происходило образование новых подразделений.

Гардероб выделился из Королевской палаты лишь в начале XIV столетия, что нашло свое отражение в ордонансе 1324 г.²¹³ Это было связано тем, что с того момента гардероб был разделен на две части. Основная часть вещей, постоянно остававшаяся в помещениях Тауэра, которую не брали во все разъезды все еще кочевого королевского двора, называлась «*privy wardrobe within the Tower of London*»²¹⁴; в то время как меньшую часть, необходимую королю в обозримом будущем, перевозили вместе с переезжающим с места на место двором. Возможно, что служащие гардероба в Тауэре рассматривали свои должности как номинальные, так как они зачастую имели еще и другие посты в хаусхолде, обязывающие их переезжать вместе с королем, а не оставаться на месте своей службы. Так, Роберт Аллертон,

²⁰⁹ Morgan D.A. L. The house of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household, 1422–1485 // *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War*/Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 31–32.

²¹⁰ Blair J. Hall and chamber: English domestic planning 1000–1250//*Anglo-Norman Castles*/Ed. by R. Liddiard. Woodbridge, 2002. P. 312.

²¹¹ BB. § 27. P. 104–106.

²¹² Tout T. F. Chapters in the Administrative History... Vol. IV. P. 181.

²¹³ Ibid. Vol. III. P. 53.

²¹⁴ CCR, 1461–1468. London, 1949. P. 25.

привратник королевской палаты, начиная с 1476 г. был также смотрителем гардероба в Тауэре²¹⁵. Кроме этого деления существовало еще одно разделение внутри гардероба – гардероб одежды (*wardrobe of robes*) и гардероб постельного белья (*wardrobe of beddes*). Среди должностных лиц Королевского гардероба числились хранитель гардероба (*keeper of the great wardrobe*), портные (*tailor of the great wardrobe*), скорняк (*skinner of the great wardrobe*), а также грумы и пажи.

Функции слуг Королевского гардероба не объяснены детально в регламенте «Черная книга Эдуарда IV», но есть информация об их оплате и о довольствиях, выраженных в раздаче ливрейной одежды. По цвету ливреи можно было определить хозяина хаусхолда, а из одного пункта ордонанса 1478 г. видно, что «каждый рыцарь, оруженосец, в том числе и королевские оруженосцы, а также и другие слуги хаусхолда должны были носить ливреи тех цветов, которые им распределили от имени короля. Те же слуги, кто нарушал это правило, должны были заплатить штраф»²¹⁶. Ливреи выдавались секретарями-контролерами Счетной палаты²¹⁷ или слугами гардероба²¹⁸. Некоторым категориям слуг наряду с ливреями выдавалась и другая одежда. Так, пажи Королевской палаты могли рассчитывать на получение рубашек и дуپлетов²¹⁹. Вполне вероятно, что подобного рода дополнительная одежда предоставлялась наименее имущим слоям слуг. Распределение одежды происходило два раза в год – зимой, в канун Рождества, и летом²²⁰, скорее всего, в его начале, и ее хватало для ношения в течение полугода. Однако иногда осуществлялись и внеплановые раздачи одежды, считавшиеся подарками и приуроченные к каким-либо знаменательным событиям, вроде приезда в Англию в 1480 г. Маргариты, герцогини Бургундской, сестры Эдуарда IV, когда многочисленные придворные слуги короля, обязанные ее встречать и сопровождать в королевский хаусхолд, премировались новыми одеждой²²¹. Впрочем, служащие при дворе клирики, в силу своего церковного послушания, не нуждались в светской одежде, и поэтому им вместо выдачи ливрей выплачивались суммы компенсирующие стоимость одежды²²².

Клирики занимали посты как в штате Королевской палаты в качестве капелланов, так и в Королевской капелле. В Королевской палате числились капелланы «в количестве четырех человек или более, если пожелает король, двое из которых всегда должны были присутствовать в палате, а остальные – в Холле»²²³. Однако эти капелланы входили в штат Королевской палаты, в отличие от служащих Королевской капеллы.

Королевская капелла, как и Королевский гардероб, выделилась из Королевской палаты за счет разрастания ее штата. Первое упоминание о Королевской капелле датировано правлением Генриха I, окончательное выделение капеллы в отдельную службу произошло при Эдуарде III²²⁴, а при предшественнике Эдуарда IV Генрихе VI за Королевской капеллой закрепилось значение центра английской музыкальной культуры.

²¹⁵ CPR, 1467–1476. P. 590.

²¹⁶ The Ordinance of 1478 from the Queen's College Oxford MS.134//The Household of Edward IV: The Black Book... (Далее – О 1478). § 28. P. 217

²¹⁷ BB. § 46. P. 125.

²¹⁸ Ibid. § 57. P. 135.

²¹⁹ Ibid. § 42. P. 121.

²²⁰ Ibid. § 33. P. 113.

²²¹ The wardrobe Accounts of King Edward the Fourth, from the 18th April to the 29 September 20 Edw.IV, 1480 // Privy Purse expenses of Elizabeth of York: Wardrobe accounts of Edward the Fourth/Ed. by N. H. Nicolas. London, 1973. P. 163–166.

²²² BB. § 56. P. 134.

²²³ BB. § 31. P. 111.

²²⁴ Grattan Flood W. H. The Beginnings of the Chapel Royal: An Unwritten Page of English Musical History//Music & Letters. 1924. Vol. V. N 1. P. 85–90.

Главой Королевской капеллы считался назначаемый епископом декан (*dean*), в подчинении у которого находились двадцать шесть капелланов (*chaplain*), два йомена, девять мальчиков-хористов (*children of chapel*) и два секретаря²²⁵. Королевская капелла, так же как и сам хаусхолд, постоянно переезжала вместе с королем. В этом смысле состав капеллы не следует ассоциировать только с капеллами Святого Георга в Виндзоре или Святого Стефана в Вестминстере, которые являлись лишь одними среди множества церквей, в которых происходили службы, совершаемые капелланами Королевской капеллы при переездах двора.

Кроме того встречались случаи, когда слуги Королевской капеллы обладали еще и другими постами. Так, например, Уильям Дадли, декан Королевской капеллы, в 1471 г. получил в дополнение пребенды капеллы Святого Стефана в Виндзоре и капеллы Девы Марии в Бригнорте²²⁶. Тем не менее, далеко не всегда была такая взаимосвязь: так, декан капеллы Святого Стефана в Вестминстере, Роберт Киркхем, не получил одновременно должность декана Королевской капеллы²²⁷.

Кроме того, в изученных нами источниках много раз упоминается термин «свободные королевские капеллы» (*royal free chapel of the household*)²²⁸, то есть церкви, которые представляли на время место для церковного служения капелле кочевого королевского двора. Большинство «свободных капелл» располагалось в центральных графствах Англии, в которых, главным образом, и кочевал королевский двор; самыми известными из них во времена Эдуарда IV были капеллы Святого Георга в Виндзоре, Святого Стефана в Вестминстере и Святого Петра в Тауэре. Такие церкви имели особый статус, так как их главами являлись, в большинстве своем, королевские клирики, и они не подчинялись напрямую местным епископам, поскольку король имел право производить в этих капеллах все назначения²²⁹. Как замечает Т. Ф. Таут, говоря о начале XIV в., существовала тенденция назначения клириков-слуг хаусхолда на должности в такие «свободные капеллы». Подобная политика наблюдается и век спустя при Эдуарде IV: Питер Кортни, королевский секретарь, стал деканом капеллы Святого Стефана в Вестминстере²³⁰; Эдмунд Элбон, королевский врач, получил пребенду в капелле Солворп в Вустершире²³¹, а Джон Ганторп, распределитель милостыни, – в капелле Святого Стефана в Вестминстере²³².

К департаменту *Domus Regie Magnificencie* примыкали службы, отвечающие за репрезентативные функции. Положение менестрелей при дворе было двояким. С одной стороны, они числились должностными лицами хаусхолда Эдуарда IV²³³, а с другой, образовывали собственную организацию и назывались королевскими менестрелями²³⁴, впоследствии, при Ричарде III, оформившись в гильдию. Вероятно, таким способом разграничивалась их оплата: когда они присутствовали непосредственно при дворе, их довольствие выплачивалось из казны хаусхолда, если же они были заняты другой работой, то хаусхолд уже не оплачивал эту работу. Как правило, менестрели присутствовали на всех торжествах²³⁵, происходящих в хаусхолде, сопровождали короля в его торжественных выездах. В штат мене-

²²⁵ BB. § 56–60. P. 133–137.

²²⁶ CPR, 1467–1476. P. 274, 276

²²⁷ Ibid. P. 150.

²²⁸ CPR, 1476–1485. P. 341.

²²⁹ Jones W R. Patronage and Administration: the King's Free Chapels in Medieval England// JBS. 1969. Vol. IX. N 1. P. 2–3, 10.

²³⁰ CPR, 1467–1476. P. 332.

²³¹ CPR, 1477–1485. P. 163.

²³² CPR, 1467–1476. P. 306.

²³³ BB. § 53. P. 131–132.

²³⁴ CPR, 1467–1477. P. 153.

²³⁵ BB. § 53. P. 131.

стрелей входили глава менестрелей (*marshal of minstrels*), сержант менестрелей (*sergeant of minstrels*), менестрели (*ministrel*), трубачи (*trumpeter*).

Кроме менестрелей за репрезентацию королевской власти отвечали герольды (*herolds*) и их помощники – персеванты (*pursevants*), а также верховные герольды, получившие звание гербовых королей (*kings of arms*). Герольдов можно было узнать по одеянию – далматике, украшенном гербом господина²³⁶. Изначально в задачи герольдов входили функции, связанные с ведением войны (узнавания гербов противников, переговоры о мире, декларирования решений), потом к ним добавились участие в дипломатических миссиях и ведение публичных церемоний, таких как посвящение в рыцари, а также коронации и похороны монархов и знати²³⁷. Герольды и персеванты традиционно входили в королевский хаусхолд. В регламенте Эдуарда IV один из параграфов посвящен этим должностным лицам с подробной информацией об их довольствиях²³⁸. Из других источников известны названия этих должностей: гербовые короли Норрой (*Norroy King of Arms*), Глостер (*Gloucester King of Arms*), Подвязка (*Garter King of Arms*), Марш (*March King of Arms*), Ирландия (*Ireland King of Arms*), Йорк (*York King of Arms*) и Кларенсо (*Clarenceux King of Arms*); персеванты Красного креста (*Rougecroix pursuivant*), Сокола (*Faucon pursuivant*) и Голубой мантии (*Blumantele pursuivant*); герольды Ланкастера (*Lancaster Herald*), Лейстера (*Leicester Herald*), Йорка (*York Herald*), Леопарда (*Leopard herald*), Честера (*Chester Herald*), Ричмонда (*Richmond Herald*), Сокола (*Faucon Herald*), Кларенсо (*Clarenceaux Herald*), Виндзора (*Windsor Herald*).

В департаменте *Domus Regie Magnificencie* также числились посыльные (*messagers*), аптекарь (*apotycary*), личный духовник короля (*clerk of the king's closet*), воспитатель почетных пажей (*maister of henchmen*), учитель грамматики (*master of gramer*) и многие другие службы, такие как служба по организации браков (*At the Wardes Maryages*), служба по раздаче милостыни (*Office of king's alms*), ризница (*Office of Vestuary*).

Второй департамент *Domus Providencie* во главе с лорд-гофмаршалом (*Lord Steward*)²³⁹ отвечал за хозяйственные нужды короля и его окружения; центром этого департамента считался Холл (*Hall*). В его штате числились сержанты (*sergeant*), секретари-контролеры (*clerk*), йомены. Кроме Холла было множество других служб – пекарня (*panetrie*), погреб (*seller*), кухня (*kechyn*) и др. К департаменту *Domus Providencie* примыкала также финансовая служба. К сожалению, дошедшие сведения о Холле достаточно ограничены, так как основной источник «Черная книга Эдуарда IV» неожиданно обрывается на параграфе, посвященном прачечной. В силу этого обстоятельства можно говорить с определенностью только о части его служб.

Необходимо отметить то, что все службы департамента *Domus Providencie* были очень специализированы. Например, существовало разделение на хозяйственные²⁴⁰ и продовольственные службы, и последние, в свою очередь, подразделялись на различные службы напитков и продуктов (*office of buttry*)²⁴¹, мяса (*office of lardere*)²⁴², специй (*office of spicery*)²⁴³, винный погреб (*office of cellar*)²⁴⁴. Каждое из перечисленных отделений обслу-

²³⁶ Медведев М. Ю. Геральдика или истинная правда о гербах. М., 2008. С. 26.

²³⁷ Ailes A. 'You know me by my habit': Herald's Tabards in the Fourteenth and Fifteenth Centuries//Tant d'emprises – So many undertakings: Essays in honour of Anne F. Sutton/The Ricardian. 2003. Vol. XIII. P. 1.

²³⁸ BB. § 51. P. 130–131.

²³⁹ BB. § 68. P. 142.

²⁴⁰ Например, кладовая посуды (BB. § 80. P. 169–172); кладовая свечей (Ibid. § 90. P. 190–192); кастелянская (Ibid. § 91. P. 192–195) и др.

²⁴¹ O 1418. § 68 (xxvi). P. 226.

²⁴² BB. § 68 (xxxvi). P. 228.

²⁴³ Ibid. § 88. P. 186–188.

²⁴⁴ Ibid. § 84. P. 111–180.

живалось назначенными для этого слугами, воспроизводившими ту же унифицированную регламентом иерархию, что и в Королевской палате, – сержанты, секретари, йомены, грумы и пажи.

Кухня (*Kechyn*) также была разделена на несколько специализированных служб: сама кухня²⁴⁵ с разделением на две части – для короля (*for the kings mouth*) и для всех остальных, хлебопекарня (*office of bakehouse*)²⁴⁶, кондитерская по выпеканию вафли (*office of wafers*)²⁴⁷, кондитерская по изготовлению конфет (*office of confeccionarye*)²⁴⁸, кухня для приготовления соусов (*office of salserye*)²⁴⁹ и буфетная эля (*office of butelary of ale*)²⁵⁰. Такая же детальная специализация наблюдается и у других служб департамента *Domus Providencie*: прачечная (*office of lauendrye*)²⁵¹, посудомоечная (*office of squillery*)²⁵², комната для кипячения (*office of scaldinghouse*)²⁵³, котельная (*office of boylers*)²⁵⁴, кастелянская (*office of ewery and napery*)²⁵⁵.

За порядком в хаусхолде следили слуги, занимавшие посты в Холле; в штат входили церемониймейстеры (*marshal of the hall*), сержант (*sergeant*), секретарь-контролер (*clerk*), привратник (*usher*), йомены (*yeoman*) и грумы (*groom*)²⁵⁶, а также коронеры (*coroner*). При Холле была тюрьма (*Marshalsea*), куда помещались арестованные, в том числе и слуги хаусхолда, в основном – за нанесения увечий и за кровопролитие. Приговор выносился главой департамента *Domus Providencie* лорд-гофмаршалом²⁵⁷.

Не только хозяйственные службы относились к департаменту *Domus Providencie*: к XV столетию в королевском хаусхолде обособливаются службы, ведающие финансами – Счетная палата (*Comptinghous*) и Гофмаршальская контора (*Greenclothes*). Официально главой всех этих служб является один человек, лорд-гофмаршал, а казначей остается лишь его помощником и исполнителем обязанностей в случае отсутствия первого²⁵⁸.

Счетная палата при Эдуарде IV приобрела исключительные полномочия. Для того чтобы понять это, необходимо отметить, что до этого времени все доходы поступали в казначейство, которое выделяло средства для содержания королевского двора. Однако при Эдуарде IV произошли кардинальные изменения: с одной стороны, основной службой, ведающей финансированием двора, стала Счетная палата хаусхолда, хотя нижняя палата казначейства продолжала проверять расходы. С другой стороны, верхняя палата казначейства потеряла право контролировать доходы с королевских земель, полностью поступавшие на личные нужды короля²⁵⁹. Подобные изменения являлись только относительными новшествами, так как до правления династии Йорков при дворе существовали другие службы,

²⁴⁵ О 1418. § 68 (xxix). P. 221

²⁴⁶ BB. § 19. P. 165–169.

²⁴⁷ Ibid. § 81. P. 112–114.

²⁴⁸ Ibid. § 89. P. 188–189.

²⁴⁹ О 1418. § 68 (xxxv). P. 221.

²⁵⁰ BB. § 85. P. 181–183.

²⁵¹ Ibid. § 92. P. 195–191

²⁵² О 1418. § 68 (xli). P. 228.

²⁵³ Ibid. § 68 (xxxviii). P. 228.

²⁵⁴ Ibid. § 68 (xxxvii). P. 228.

²⁵⁵ BB. § 91. P. 192–195.

²⁵⁶ О 1418. § 68 (xliii) P. 228.

²⁵⁷ Loades D. The Tudor Court. Bastford, 1986. P. 90.

²⁵⁸ BB. § 68. P. 144.

²⁵⁹ Wolffe B. P The Management of English Royal Estates under the Yorkist Kings // EHR. 1956. January. Vol. LXXI. N 278. P. 11.

отвечающие за финансирование хаусхолда. Например, при Эдуарде I финансовые вопросы решали должностные лица службы Королевского гардероба²⁶⁰.

В целом, несмотря на то что за казначейством оставались некоторые функции, все финансовые поступления переходили к Счетной палате хаусхолда, при этом между двумя финансовыми службами заключается контракт²⁶¹. Значение Счетной палаты можно оценить по данному ей в регламенте названию *Domus Compoti Consilii et Judicii*²⁶². Также, наряду со Счетной палатой, словом «*domus*» составители «Черной книги» определяли два основных департамента двора *Domus Regie Magnificencie* и *Domus Providencie*. Штат Счетной палаты был достаточно многочисленным, его составляли казначей (*treasurer of household*), гофмаршал (*comptroller of household*), кассир-казначей (*cofferer*), секретари (*secretary*), секретари гофмаршала (*clerk of controlment*), секретари Гофмаршальской конторы (*clerk of greencloth*), придворные стражи (*wait*), грумы и пажи²⁶³.

В обязанности персонала Счетной палаты входило ведение трех книг отчетности. Во-первых, книга счетов, в которую ежедневно заносились все расходы двора (данные предоставлялись привратниками разных служб²⁶⁴) и которая ежедневно проверялась сержантом и главой секретарей²⁶⁵, а также подвергалась ежегодной генеральной проверке²⁶⁶. Во-вторых, велась книга остатков (*book of remanentes*), составляемая секретарем гофмаршала²⁶⁷. В эту книгу заносили ранее выданные слугам, но неизрасходованные хозяйственные предметы, такие как свечи, солома и прочие, подлежащие возврату в Счетную палату. В-третьих, секретарь гофмаршала и секретари гофмаршальской конторы вели книгу (*book of remembrance*), в которую записывали расходы на все виды снабжения (еду, освещение, отопление)²⁶⁸. Таким образом, все тщательно фиксировалось, а если выявлялись недоимки, виновный помещался под арест в тюрьму хаусхолда²⁶⁹, а далее его судили должностные лица Счетной палаты²⁷⁰. Кроме этого из Счетной палаты выплачивались все виды довольствия слугам хаусхолда обоих департаментов (суммы на одежду для некоторых категорий слуг, денежные выплаты)²⁷¹.

По установленным регламентом правилам должности казначея, следившего за доходами, и кассира-казначея, отвечавшего за расходы, не должны были совмещаться²⁷²—таким способом надеялись избежать подтасовок счетов.

Кроме Счетной палаты, финансовые вопросы были в ведении казначея Королевской палаты (*treasurer of chamber*), который числился в штате департамента *Domus Regie Magnificencie*. Этот пост до 1483 г. совмещался с должностью хранителя королевских ювелирных изделий. Казначеем Королевской палаты обычно назначался близкий к королю человек. За все время правления Эдуарда IV эту должность занимали лишь два человека: Уильям Порт в 1461–1465 гг. и сэр Томас Воэм с 1465 по 1483 г. Об Уильяме Порте почти ничего

²⁶⁰ Tout T. F. Chapters in the Administrative History... Vol. I. P. 67–71.

²⁶¹ O 1478. § 2. P. 213.

²⁶² BB. § 77. P. 158.

²⁶³ Ibid. P. 158–160.

²⁶⁴ The draft of Ordinance of 1478. Harleian MS. 642 // The Household of Edward IV: The Black Book... § 19. P. 206. (Далее – The Draft of O 1478).

²⁶⁵ BB. § 78 (ii). P. 160–161.

²⁶⁶ The Draft O 1478. § 23. P. 207.

²⁶⁷ BB. § 75. P. 154.

²⁶⁸ Ibid. § 75. P. 155.

²⁶⁹ Ibid. § 78 (vii). P. 161.

²⁷⁰ Ibid. § 78 (xvii). P. 162–3.

²⁷¹ Ibid. § 63. P. 139–140; BB. § 37. P. 117.

²⁷² O 1478. § 2. P. 213.

неизвестно, а сэр Томас Воэм до того, как стать казначеем, был некоторое время королевским оруженосцем. Помимо казначея, в штат сокровищницы Королевской палаты входили секретарь, йомен, грум и два стража²⁷³. Деятельность сокровищницы, в том числе и все доходы, должна была фиксироваться и впоследствии проверяться либо лорд-камергером, либо же самим королем²⁷⁴.

Из сокровищницы Королевской палаты выплачивались суммы, необходимые для экстраординарных случаев. Во-первых, это деньги для организации срочных миссий²⁷⁵. Во-вторых, оттуда возмещались расходы слуг, сделанные ими вне двора²⁷⁶. В-третьих, из сокровищницы Королевской палаты совершалась оплата закупок вещей, необходимых для слуг департамента *Domus Regie Magnificencie*, например, медикаментов для врачей²⁷⁷, приборов для цирюльника²⁷⁸. В-четвертых, во время торжественных церемоний, когда ко двору приглашались герольды, они снабжались всем необходимым – украшениями и дорогой одеждой, находящимися в ведении казначея Королевской палаты²⁷⁹, так как он являлся одновременно хранителем королевских драгоценностей.

Таким образом, регламент выстраивал четкую систему финансирования двора, в центре внимания которой был жесткий контроль над доходами и расходами. Это отвечало желанию Эдуарда IV сократить расходы. Введенная при нем система финансирования королевского двора применялась и Тюдорами. Известно, что Генрих VII восстановил ее в 1491 г., после того как в первые годы его правления финансирование снова осуществлялось через Казначейство²⁸⁰.

Ни в регламенте «Черная книга», ни в провизиях 1471 г., ни в ордонансе 1478 г. нет информации о структуре Королевской конюшни. Однако благодаря другим источникам сохранились некоторые сведения. В частности, в *Calendar of the Close Roll* есть упоминания о должностях шталмейстера (*master of the horses*), секретаре-контролере конюшни, йоменшорнике (*yeoman saddler*), что позволяет говорить о самостоятельном характере этого подразделения в составе королевского хаусхолда.

Исходя из вышесказанного, можно отметить, что при Эдуарде IV в королевском хаусхолде наметился и реализовывался процесс обособления и детализации различных служб двора. В данном случае речь идет не только о значительных службах, подобно Королевскому гардеробу или Королевской капелле, так и о более мелких, сугубо хозяйственных подразделениях, например, о кладовых тех или иных продуктов и предметов. Подобное вычленение отдельных придворных служб приводило к конкретизации должностных обязанностей, к определению точного числа необходимых постов, что, в свою очередь, открывало возможность для внедрения четкой системы функционирования королевского хаусхолда.

Должности королевского двора

При королевском дворе существовала своя иерархия должностей, основанная на принципе наличия определенных обязанностей, которые должен был выполнять каждый нанятый слуга. Согласно этому принципу, все посты можно разделить на три основные катего-

²⁷³ ВВ. § 43. Р. 121–123.

²⁷⁴ ВВ. § 43. Р. 123.

²⁷⁵ Ibid. § 37. Р. 117.

²⁷⁶ Ibid. § 38. Р. 117.

²⁷⁷ Ibid. § 44. Р. 124; § 46. Р. 125.

²⁷⁸ Ibid. § 47. Р. 126.

²⁷⁹ Ibid. § 51. Р. 131.

²⁸⁰ Wolffe B.P. The Management... Р. 23, 25.

рии. Во-первых, это должности, которые не требовали исполнения каждодневной работы и выполнялись лишь изредка. Во-вторых, должности для слуг, у которых не было необходимости постоянно присутствовать в хаусхолде и которые назначались только на определенный срок. В-третьих, существовали придворные посты с каждодневными обязанностями.

Согласно данным регламента, главы двух департаментов английского королевского двора—*Domus Regie Magnificencie* и *Domus Providencie*—лорд-камергер и лорд-гофмаршал должны были постоянно присутствовать при дворе. Однако оба должностных лица имели помощников, выполнявших их обязанности, если они отсутствовали: в случае с лорд-камергером это был специально прикрепленный к нему один из королевских оруженосцев²⁸¹, а с лорд-гофмаршалом – казначей хаусхолда²⁸². Эти обстоятельства дают возможность говорить, что такие должностные лица, как лорд-камергер и лорд-гофмаршал, находились в привилегированном положении по отношению к остальным придворным постам. Однако назвать эти должности только почетными невозможно, поскольку ни в регламенте, ни в ордонансах нет упоминаний о том, что эти должностные лица могли бы избегать своих обязанностей постоянно, а также передавать их по наследству. Эдуард IV намеренно исключал саму вероятность использования практики почетных должностей, хотя подобное существовало при его предшественниках: пост лорд-камергера королевского хаусхолда был закреплен за семьей де Веров²⁸³, и даже в случае малолетства какого-либо из представителей этой семьи, он все же считался придворным слугой и получал все виды довольствий, а его обязанности выполнялись другим человеком²⁸⁴. Таким образом, должность стала восприниматься как почетная, то есть ее обладатель не должен был выполнять предписанные обязанности, разве что во время пышных церемоний. При Эдуарде IV такой ситуации просто не могло возникнуть, так как монарх с целью не допустить уклонения слуг от выполнения своих обязанностей приказал в регламенте четко все прописать. Поэтому, даже если учитывать, что многие должностные лица имели в своем распоряжении личных помощников, они не могли уклониться от выполнения большинства возложенных на них функций. Следовательно, речь идет о соединении обязательных функций и тех заданий, которые могли быть переданы помощникам. В связи с этим можно говорить лишь о привилегированном положении лиц, занимающих высшие придворные должности.

Обязанности, которые нельзя было передать заместителю, относились в первую очередь к участию в различных церемониях. Все высшие должностные лица должны были присутствовать на торжественных приемах, таких как коронации, мессы по большим религиозным праздникам²⁸⁵, приемы почетных гостей. Поэтому неудивителен тот факт, что в воспоминаниях многих посетивших хаусхолд гостей воспевалось величие английского королевского двора. Одно из подобных прославлений двора Эдуарда IV было написано спутником Людовика Буржского, сеньора Грютоза и графа Уинчестера, во время его пребывания в Англии. Автор рассказывает, что именно лорд-камергер прислуживал королю (а не только присутствовал) при обеде и во время переодевания²⁸⁶. Ежедневно же эти процедуры совершали слуги, занимавшие более низкие посты. Таким образом, можно считать подобные действия лорд-камергера показательным спектаклем для иностранных очевидцев, разыгрывае-

²⁸¹ BB. § 27. P. 105; The Provisions of 1471 //The Household of EdwardIV: The Black Book... § 5. P 199 (Далее – Pr 1471).

²⁸² BB. § 69. P 144.

²⁸³ Пост лорд-камергера был наследственным владением семьи де Веров с 1133 по 1526 гг. Единственный перерыв произошел во время правления династии Йорков.

²⁸⁴ Tout T. F. Chapters in the Administrative History... Vol. IV. P. 48.

²⁸⁵ При английском королевском дворе праздновались пять основных религиозных праздников: День всех святых, Рождество, Пасха, день Святого Георга (23 апреля) и Троица (BB. § 51 P. 130–131).

²⁸⁶ Narratives of the Arrival of Louis de Bruges, Seigneur de la Gruuthuyse, in England, and of his Creation as Earl of Winchester, in 1472 / Ed. by F. Madden // Archaeologia: or miscellaneous, tracts, relating to Antiquity. 1836. Vol. 26. P. 265–286.

мым с целью создания общественного мнения о великолепии двора и особом преклонении перед персоной монарха. В другом источнике, повествующем о церемонии приготовления постели для короля, рассказывается, что «все стадии этой церемонии не совершались постоянно, а только в случае, когда король приказал сделать это»²⁸⁷.

Описываемые выше должности можно разделить на две категории. Во-первых, посты, получившие статус привилегированных благодаря тому, что они принадлежали к верхней части иерархии должностей. В департаменте *Domus Providencie* к таким постам относилась должность лорд-гофмаршала, поскольку его обязанности, согласно регламенту, могли выполняться и казначеем хаусхолда²⁸⁸, и кассиром-казначеем²⁸⁹. В департаменте *Domus Regie Magnificencie* почетных должностей было сравнительно больше. Можно предположить, что это было связано с более привилегированным положением слуг этой части хаусхолда. Кроме того, обязанности слуг департамента *Domus Regie Magnificencie* могли выполняться как слугами этого же департамента²⁹⁰, так и второго²⁹¹, в противоположность департаменту *Domus Providencie*, в котором функции слуг не могли исполняться должностными лицами из департамента *Domus Regie Magnificencie*²⁹², так как это не соответствовало их более высокому статусу и принижало бы их положение.

В то же время среди должностей королевского хаусхолда были и другие, которые также можно считать привилегированными. Держатели этих должностей назначались только на время торжественных церемоний, таких как коронации, свадьбы или похороны. Так, например, сэр Роберт Финнз был назначен церемониймейстером Холла только на время коронации Елизаветы Вудвилл (в мае 1465 г.), а сэр Томас Монтгомери, сэр Уильям Парр, Уильям Миддлетон, Томас Тирелл, Джон Сапкот, Джон Рислей стали участниками похоронной процессии Эдуарда IV²⁹³. Большинство из перечисленных лиц и так занимали должности хаусхолда Эдуарда, но на время его похорон они получили дополнительные почетные посты. Однако необходимо отметить, что подобные привилегированные обязанности поручались только наиболее близким к королю лицам, что, несомненно, было связано с особым признанием таких добродетелей, как лояльность и верность в эпоху войны Роз с ее постоянными войнами и сменами королей.

С понятием и признанием верности связана и другая возможность получения привилегированной должности. Речь идет о людях, отдавших многие годы служению династии Йорков, в частности, еще отцу короля Эдуарда IV, герцогу Ричарду Йоркскому. Так, Джону Кендалу, который «дни своей юности провел на службе у отца короля и самого короля, но сейчас стал старым и немощным», была дарована номинальная должность смотрителя за королевскими работами с соответствующим довольствием²⁹⁴.

Между тем, должностей только с «синекурными» обязанностями было при Эдуарде IV не так уж и много, скорее это были исключения из правил. Основная же масса должностей

²⁸⁷ Brooke M. The ceremonial of making the king's Bed // *Archaeologia: or miscellaneous, tracts, relating to Antiquity*. 1786. Vol. IV. P. 312.

²⁸⁸ BB. § 69. P. 145–146.

²⁸⁹ Ibid. § 78 (xvii). P. 162–163.

²⁹⁰ Например, руководитель строительных работ был обязан замещать отсутствующих королевских оруженосцев, то есть носить факелы перед королем (BB. § 34. P. 114), или королевские рыцари обслуживали короля при обедах в отсутствие тафельдекера (BB. § 29. P. 108–110).

²⁹¹ Например, группы департамента поставки эля могли прислуживать при обедах короля, если число слуг было недостаточно (BB. § 85. P. 183).

²⁹² В службах департамента *Domus Providencie*, если отсутствовали слуги, занимающие более высокие посты, их заменяли нижестоящие (BB. § 80. P. 170; § 84. P. 179; § 85. P. 183; § 86. P. 183).

²⁹³ Astle T. An extract relating to the Burial of King Edward IV. From a MS of the late Mr. Anftis, now in the possession of Thomas Astle // *Archaeologia: or miscellaneous, tracts, relating to Antiquity*. Vol. I, 1804. P. 375–381.

²⁹⁴ CPR, 1476–1485. P. 544.

имела целью исполнение реальных обязанностей. Однако и такие посты не были однородны, так как ими приписывались либо каждодневные обязанности, либо лишь периодическое присутствие при дворе.

Эдуард IV стремился уменьшить количество постов хаусхолда, и одной из мер стало лишь редкое привлечение дополнительной рабочей силы, которую не было необходимости оплачивать регулярно. Такие временные посты можно разделить на две группы: с фиксированным сроком найма и с нефиксированным сроком, рассчитанным на выполнение поставленной задачи. В большинстве своем дополнительные посты с фиксированными сроками были связаны со сферой церемониала и развлечений. Более того, некоторые ученые, такие как К. Мертес считают, что артисты вообще не включались в число слуг хаусхолдов²⁹⁵, но эти выводы основаны на ее исследовании дворов лордов, а не королевского двора, в котором, согласно регламенту двора «Черная книга Эдуарда IV», менестрели числились на постах хаусхолда, хотя они и приглашались туда лишь изредка. Кроме менестрелей, в эту категорию слуг входили и близкие к ним по призванию герольды, персеванты и гербовые короли. Они призывались ко двору во время больших экстраординарных событий и пяти самых чтимых религиозных праздников – в День всех святых, в Рождество, в Пасху, в день Святого Георгия и в Троицу²⁹⁶. Таким способом король значительно экономил свои расходы, поскольку оплачивались только проведенные при дворе дни²⁹⁷. Схожее расписание службы было и у менестрелей, созываемых на время пиров и праздников²⁹⁸ и получавших оплату только за эти дни²⁹⁹. По данным регламента, лишь двое из тринадцати менестрелей постоянно присутствовали в хаусхолде³⁰⁰, однако историки сомневаются в том, что подобное предписание выполнялось, и Дж. Марш утверждает, что одновременно при дворе находилось большее число менестрелей³⁰¹. Также для пиров временно пополнялся и штат поваров: в регламенте встречается упоминание о том, что персонал кондитерской по выпеканию вафель на время праздников увеличивался³⁰².

Другим примером должностей с фиксированными сроками является найм лиц для поставки тех или иных предметов и продуктов в хаусхолд. Практически всегда эти задания давались на шесть месяцев. Так, Генри Форт получил приказ от 12 марта 1464 г. «доставлять рогатый скот, соленную и свежую рыбу, а также другие необходимые продукты для хаусхолда до 12 сентября 1464 года»³⁰³. Или Роберт Грегори должен был в течение шести месяцев «взять и доставить сено, овес, солому и другие необходимые вещи...»³⁰⁴.

Кроме дополнительных постов с фиксированными сроками найма, существовали также должности с неопределенными временными рамками для случаев, когда все зависело от решения поставленной перед должностным лицом задачи. Наиболее симптоматичным примером могут служить посты секретарей службы королевских работ. Эти должности были несколько обособлены от основной массы придворных постов благодаря тому, что занимающие их слуги получали оплату из казначейства Англии³⁰⁵. Второй особенностью был тот

²⁹⁵ Mertes R.G.K.A. The English Household, 1250–1600. Oxford, 1988. P. 41.

²⁹⁶ BB. § 51. P. 130.

²⁹⁷ Ibid. § 51. P. 130.

²⁹⁸ BB. § 53. P. 131.

²⁹⁹ Ibid. § 53. P. 132.

³⁰⁰ Ibid. § 53 P. 131–132.

³⁰¹ Marsh J. H. Job descriptions, nepotism, and part-time work: the minstrels and trumpeters of the court of Edward IV of England (1461–1483) // *Plainsong and Medieval Music*. 2003. Vol. XII. N2. P. 175.

³⁰² BB. § 81. P. 172.

³⁰³ CPR, 1461–1467. P. 323.

³⁰⁴ CPR, 1476–1485. P. 39.

³⁰⁵ BB. § 65. P. 141.

факт, что этот пост, как правило, совмещался с другими должностями как государственными, так и придворными. В связи с этим такие посты могли считаться синекурами, но данное утверждение было бы верно для более ранней эпохи, ибо при Эдуарде III они были достаточно прибыльными³⁰⁶ и не требовали выполнения большого объема работы, однако Эдуард IV ограничил оплату и увеличил обязанности таких слуг.

В то же время большинству придворных должностей приписывались каждодневные обязанности, которые следовало тщательно выполнять. Как отмечается в регламенте, «король желает, чтобы старинные и современные правила, статуты, обычаи и предписания выполнялись»³⁰⁷. В случае же невыполнения накладывались санкции: «при первом нарушении слугу предупреждали, при втором – удерживали часть оплаты, при третьем – помещали в тюрьму, при четвертом – лишали поста без возможности когда-либо занимать должности в хаусхолде»³⁰⁸. С помощью таких мер Эдуард IV надеялся установить жесткую дисциплину при выполнении слугами своих обязанностей.

Между слугами департаментов *Domus Regie Magnificencie* и *Domus Providencie* было существенное различие в расписании должностных обязанностей. Более конкретные инструкции были прописаны для постов департамента *Domus Providencie*, для которых устанавливалось четкое расписание службы, которое, главным образом, касалось обязательного присутствия слуг при дворе. «Все слуги обязаны находиться в Холле», – говорилось в ордонансе, – «а, если кто-либо отсутствовал, то он наказывался в размере его оплаты за шесть дней»³⁰⁹. Тем не менее, существовали и исключения: во-первых, слуги, командированные куда-либо королем³¹⁰; во-вторых, заболевшие, которые были обязаны покинуть пределы двора в целях предотвращения эпидемий (при этом им сохранялись довольствия)³¹¹; в-третьих, получившие специальное разрешение на отъезд из хаусхолда от лорд-камергера или лорд-гофмаршала³¹².

Присутствующие при дворе слуги департамента *Domus Providencie* должны были начинать работать в восемь часов утра³¹³. Что касается точного времени окончания работы, то об этом нет конкретных сведений, однако, возможно предположить, что одна из фраз регламента касательно закрытия королевского хаусхолда в семнадцать часов³¹⁴, когда никто уже не мог ни войти, ни выйти за пределы двора без специального разрешения, может служить свидетельством того, что это время (или немного позднее для obsługi) было временем завершения работы для подавляющего большинства слуг. Скорее всего, столь раннее окончание рабочего дня было связано с коротким световым днем и имело целью экономию средств, в частности, на приобретение свеч и факелов. Однако некоторые категории слуг не отправлялись на покой в семнадцать-восемнадцать часов. Так секретарь гофмаршала хаусхолда не отдыхал ночью, а должен был подготавливать на следующий день сметы и планы³¹⁵, в которые входили сведения о том, сколько человек будут находиться при дворе, сколько порций нужно готовить для них, и другую информацию.

Представители департамента *Domus Regie Magnificencie* имели более свободное рабочее расписание, чем слуги другого департамента, – у них не было точно фиксированного

³⁰⁶ The Household of Edward IV: The Black Book... P. 250. N 258.

³⁰⁷ The Household of Edward IV: The Black Book... § 78 (xxvi). P. 164.

³⁰⁸ Ibid.

³⁰⁹ The Draft of O 1478. § 2. P. 203.

³¹⁰ BB. § 78 (xxvi). P. 164.

³¹¹ Ibid. § 37. P. 117.

³¹² The Draft of O 1478. § 34. P. 209.

³¹³ O 1478. § 50, P. 220.

³¹⁴ BB. § 78 (xii). P. 162.

³¹⁵ BB. § 75. P. 154.

рабочего дня. Так, каждый из числа должностных лиц был обязан находиться в Королевской палате лишь до тринадцати часов³¹⁶, а после они дежурили по очереди. Как говорится в тексте «Черной книги», «король желает, чтобы лорд-камергер присутствовал во время приема пищи короля один раз в день, королевские рыцари и оруженосцы – по два раза в день»³¹⁷. Таким образом, видно, что хотя бы от присутствия на одном приеме пищи королем некоторые должностные лица могли быть освобождены. Так как ни в регламенте, ни в ордонансах не уточнялось точное время присутствия для каждого слуги, то вероятнее всего оно согласовывалось особо между королем, лорд-камергером и слугами. Между тем, отсутствие какого-либо слуги департамента *Domus Regie Magnificencie* при приеме пищи королем не означало его отсутствия в хаусхолде, ибо в случае такового он был бы наказан по той же схеме, которая приводилась при рассказе о слугах департамента *Domus Providencie*³¹⁸.

Время окончания ежедневной службы для держателей постов департамента *Domus Regie Magnificencie*, скорее всего, было тем же, что и для слуг департамента *Domus Providencie*³¹⁹ – пять-шесть часов после полудня. При этом многие не покидали своих мест и позже. Так, стражи (*waits*) отвечали за безопасность двора в течение всех суток – они подразделялись на три смены в летнее время и на четыре в зимнее³²⁰. Кроме стражей, королевские рыцари и королевские оруженосцы охраняли персону короля по ночам³²¹. Королевские рыцари и оруженосцы были подразделены на две «смены»: пока одни присутствовали непосредственно при короле, другие выполняли поручения короля за пределами двора. Каждая смена длилась шесть месяцев: по данным провизий 1471 г., в первую группу королевских рыцарей входило шесть человек, во вторую – пять³²².

Таким образом, хаусхолд включал в себя как привилегированные должности, так и посты с обязательным выполнением каждодневных обязанностей. Однако для обеих категорий было две общие тенденции: во-первых, Эдуард IV установил четкие обязанности, и, во-вторых, король старался уменьшить число синекур и стремился как можно больше нагрузить работой слуг хаусхолда. Последнее находит подтверждение в практике поощрения совместительства нескольких постов в хаусхолде.

Совмещение должностей для слуг хаусхолда Эдуарда IV было характерно не только для внутриворотового пространства, но и за его пределами. Можно выделить возможные варианты совмещения в одном и том же учреждении, то есть в королевском дворе, а также совмещения функций придворных слуг с экстраординарными поручениями и с государственными постами.

Увеличение числа совмещений обязанностей объясняется выгодой, получаемой обеими сторонами – как хозяином хаусхолда, так и слугами. Так, Эдуард IV позволял и даже поощрял совмещения, но за небольшим исключением: не могли совмещаться посты лорд-камергера и лорд-гофмаршала, так как король боялся сосредоточения слишком большой власти в одних руках. Другим примером невозможности совмещения должностей служит запрет на занятие одним лицом постов в службе финансов, таких как кассир-казначей и казначей³²³. С помощью подобного запрета надеялись избежать подтасовки счетов, ибо казначей

³¹⁶ Pr 1471. § 15. P. 201.

³¹⁷ Ibid. § 16. P. 201.

³¹⁸ The draft of O 1478. § 2. P. 203.

³¹⁹ BB. § 78 (xii). P. 162.

³²⁰ Ibid. § 54. P. 132–133.

³²¹ Ibid. § 29. P. 108; § 32. P. 111.

³²² Pr 1471. § 6. P. 199.

³²³ O 1478. § 2. P. 213.

следил за доходами хаусхолда³²⁴, а кассир-казначей был ответственен за расходы³²⁵. В то же время менее значимые должности могли совмещаться, чтобы, главным образом, сократить общее количество слуг хаусхолда. Именно поэтому король даже настаивал на совмещении некоторых постов, например, глава секретарей был зачастую оруженосцем хаусхолда³²⁶, а королевский врач был одним из йоменов Королевской палаты³²⁷: вероятно, считалось, что у врача могло быть немного работы. Вторым стимулом поощрения совместительства для королевской власти была уверенность в лояльности слуг хаусхолда, чувство доверия. Поэтому, если совмещение не слишком усиливало власть какого-либо конкретного слуги, то оно позволялось монархом.

Придворные слуги также ратовали за практику совмещения должностей, так как это существенно увеличивало их доходы, поскольку каждый пост имел свои довольствия. Кроме материальной выгоды, слуги получали также возможность значительно усилить свое влияние, что, в свою очередь, порождало nepотизм и увеличение дополнительных материальных доходов от тех, кто использовал придворных слуг как инструмент для получения доступа к персоне монарха.

Существовало несколько категорий придворных постов, которые можно было совмещать. В первую очередь речь идет о совмещении постоянных должностей с временными. Наиболее типичным примером может служить совместительство какого-либо поста с должностью секретаря королевских работ. Так, Жервас Клифтон наряду с постом королевского оруженосца был секретарем королевских работ, а сэр Джон Кендал совмещал этот пост с должностью кассира-казначея хаусхолда в 1462, 1475 и 1481 гг. Не было противодействия и совмещению постов, которые подчинялись одному и тому же главе: снова обратимся к примеру совместительства постов королевского врача и йомена Королевской палаты, подчинявшихся лорд-камергеру³²⁸, который и решал, какую именно службу должен был выполнять в тот или иной момент слуга, занимавший эти два поста. Тем не менее, иногда совмещались должности, подчинявшиеся разным начальникам: Джон Чейни был в одно и то же время воспитателем королевских воспитанников, то есть почетных пажей, и подчинялся лорд-камергеру, а также главой Королевской конюшни, находившейся в ведении лорд-гофмаршала. Кто из этих двух начальников решал, что должен делать в какой-нибудь момент (день) Чейни, неизвестно. Вероятно, данный слуга имел заместителей и помощников, которые за него выполняли основную работу. Однако, несмотря на приведенные примеры, совмещение должностей в самом хаусхолде было реже, чем совмещение придворных постов с дополнительными не придворными. Таковых насчитывалось множество, однако можно выделить несколько категорий.

Одним из важнейших моментов является использование королем придворных слуг как проводников своей политики в графствах. Такой подход к использованию приближенных уже встречался с англо-саксонской эпохи; также известно, что нормандские короли назначали придворных слуг на должности шерифов³²⁹. Есть сведения о том, что Ричард II ввел новые функции для королевских рыцарей; он постарался установить традицию, согласно которой его приближенные занимали посты на местах в графствах в качестве своеобразного противовеса местным магнатам³³⁰ для проведения политики, необходимой королю. В то же

³²⁴ BB. § 69. P. 144–146.

³²⁵ Ibid. § 73. P. 150–151.

³²⁶ Ibid. § 64. P. 140–141.

³²⁷ Ibid. § 45. P. 124–125.

³²⁸ BB. § 45. P. 124–5.

³²⁹ Morris W. A. *The Medieval English Sheriff to 1300*. Manchester, 1968.

³³⁰ Tout T. F. *Chapters in the Administrative History...* Vol. IV. P. 41–2.

время нет сведений о порядке службы придворных при дворе и вне его. Лишь известно из биографии Альфреда Великого, что после истечения своего срока службы, а служили они месяц через три, придворные разъезжались по домам³³¹. Пять веков спустя схема служения королевских рыцарей и оруженосцев оставалась той же, лишь изменилось количество смен (при Альфреде – три, при Эдуарде IV – две) и срок дежурства (месяц и два месяца соответственно)³³².

Таким образом, при Эдуарде в свободное от придворной службы время рыцари были нагружены также дополнительными обязательствами. Следовательно, он продолжил выгодную для королевской власти политику своих предшественников, чем заслужил похвалу одного из современников, так как «ни одна попытка восстания не была совершена его подданными в графствах королевства, ибо он [Эдуард] был хитрым, он назначил повсеместно своих верных людей на места, где когда-то были волнения»³³³. Речь идет о втором периоде правления Эдуарда IV.

Вышеупомянутые должности можно подразделить на три категории. Во-первых, это посты хранителей замков, лесов и парков. В одной их хроник встречается фраза: «Он [Эдуард] распределил наиболее верных ему людей во все края королевства, он назначил их на должности хранителей замков, маноров, парков»³³⁴. Все вышеперечисленные домены можно отнести к хаусхолду, ибо словосочетание «королевский хаусхолд»³³⁵ подразумевало место, где живет король, а так как двор был кочевой, он останавливался (или мог остановиться) в любом из своих замков. Обычно королевское пребывание в одном месте длилось от двух недель до двух месяцев³³⁶; среди любимых резиденций Эдуарда IV наиболее известен Элтем и Шин, часто упоминаемый в рассказах герольда Томаса Уайта³³⁷. Каждая резиденция управлялась наместником, которого называли стюардом, однако к XIV–XV вв. эта должность постепенно превратилась в синекурную, что, тем не менее, не означает, что стюарды не были в курсе основных насущных проблем во вверенных им владениях³³⁸. Многие придворные слуги получали должности смотрителей и хранителей королевских лесов, при этом в понятие «королевский лес» включались не только лесные массивы, но и пустоши, луга и заболоченные территории. Эти лесные территории охранялись Лесными хартиями; таким образом, хранители и смотрители парков и лесов должны были контролировать их выполнение: они должны были следить, чтобы никто не рыбачил и не охотился на королевских территориях без специального разрешения короля, а браконьеров должны были ловить и штрафовать³³⁹. Если бы эти функции выполнялись непосредственно слугой хаусхолда, то у него бы не оставалось времени на присутствие при дворе, поэтому идеальным выходом, по мнению короля, были назначения королевских рыцарей и королевских оруженосцев на эти посты на время после окончания их смены при дворе.

Другой возможностью для использования придворных слуг на локальных должностях являлись должности шерифов и судей. При этом как люди уже имевшие посты в графствах могли стать придворными слугами, так и наоборот. Так, Гилберт Даубени, королевский ору-

³³¹ English Historical Documents, c. 900-1042/Ed. by D. Whitelock. London, 1979. Vol. I. P. 301.

³³² Pr 1471. § 6–7. P. 199–200.

³³³ Tngulp's Chronicle of Abbey of Croyland with the continuations by Peter of Blois and Anonymous writers/Ed. by H. Riley. London, 1854.

³³⁴ Ibid.

³³⁵ Двор монарха в средневековой Европе... С. 16

³³⁶ Given-Wilson C. The Royal Household... P. 28.

³³⁷ Excerpta Historica/Ed. by S. Bentley. London, 1833. P. 195.

³³⁸ Given-Wilson C. The English Nobility in the Later Middle Ages. The Fourteenth-Century Political Community. London; New York, 1987. P. 109.

³³⁹ BB. § 78 (xxv). P. 164.

женосец и рыцарь³⁴⁰, стал шерифом в графствах Сомерсет и Дорсет в 1480 г. и Девоншир в 1481 г., а сэр Джон Фогг, занявший пост казначей хаусхолда, был уже на тот момент мировым судьей и шерифом Кента³⁴¹. На основании имеющейся у нас информации из 350 найденных патентов о назначениях придворных слуг Эдуарда IV на должности в различных графствах и городах были подсчитаны случаи совмещения постов в хаусхолде и локальных должностей в различных графствах Англии и сведены на рисунке 4.

На графике видно, что в 21 % случаев не представляется возможным идентифицировать регион Англии по названию манора или парка. В остальном, за исключением этого недостаточно ясного момента, видно почти полное отсутствие предпочтения какого-либо региона для назначения придворных слуг, и только в район Лондона было назначено более 5 % придворных слуг. Последнее можно объяснить двумя разными обстоятельствами. С одной стороны, тем фактом, что король старался навязать свою политику в Лондоне. С другой, широко известно, что лондонцы, в том числе и городские должностные лица, которые итак поддерживали Эдуарда в его борьбе с Генрихом VI, могли в награду за это получить придворные должности.

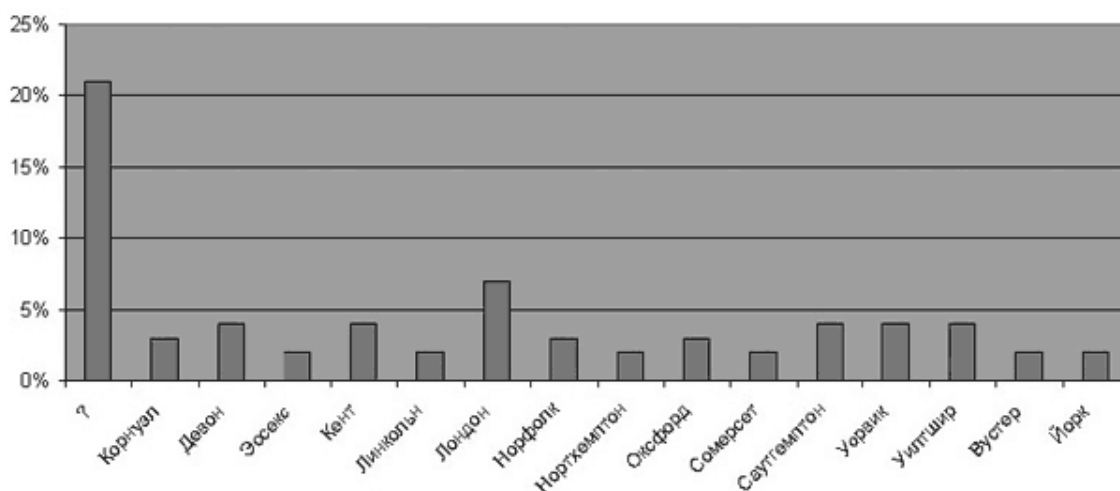

Рис. 4. Регионы, в которых получали назначения слуги хаусхолда

Что касается других графств, то гипотеза о желании Эдуарда IV укрепить свою власть с помощью назначения верных ему слуг полностью подтверждается, при этом он не выделяет так называемые ненадежные области, графства, в которых преобладали сторонники Ланкастеров, а потом Невиллов. Подобные данные немного удивительны, поскольку до сих пор историки придерживались мнения, что короли (в том числе и Эдуард IV) предпочитали назначать наиболее преданных слуг в графства, во главе которых находились их потенциальные или реальные противники, либо же в графства, где освобождались должности после смерти и ухода в отставку или же появлялись новые должности в связи с конфискациями, частыми в эпоху войны Роз. Как правило, виновным в измене признавали главу семейства, и не лишали его наследников прав³⁴², но все владения малолетних попадали под опеку тех или иных сторонников Йорков, в том числе слуг королевского хаусхолда, и последние получали назначения в данные владения.

Представленная на рисунке 5 карта дает наиболее полное представление о географическом расположении графств, в которые назначались слуги хаусхолда. Во-первых, отметим,

³⁴⁰ Ibid.

³⁴¹ Ibid.

³⁴² Hicks M. English Political Culture in the Fifteenth century. London; New York, 2003. P. 34.

что не было найдено ни одного упоминания о назначениях в Нортумберленд, Уэстморленд, Ланкастершир и Дарем. Первые два региона контролировались верными Эдуарду IV людьми на протяжении всего его правления: сначала семьей Невилл, потом Перси. Что касается двух последних графств, то они имели особый статус «королевских земель». Скорее всего, по этим двум причинам не было необходимости дополнительно направлять в них слуг хаусхолда. В остальные графства назначалось примерно равное количество придворных слуг.

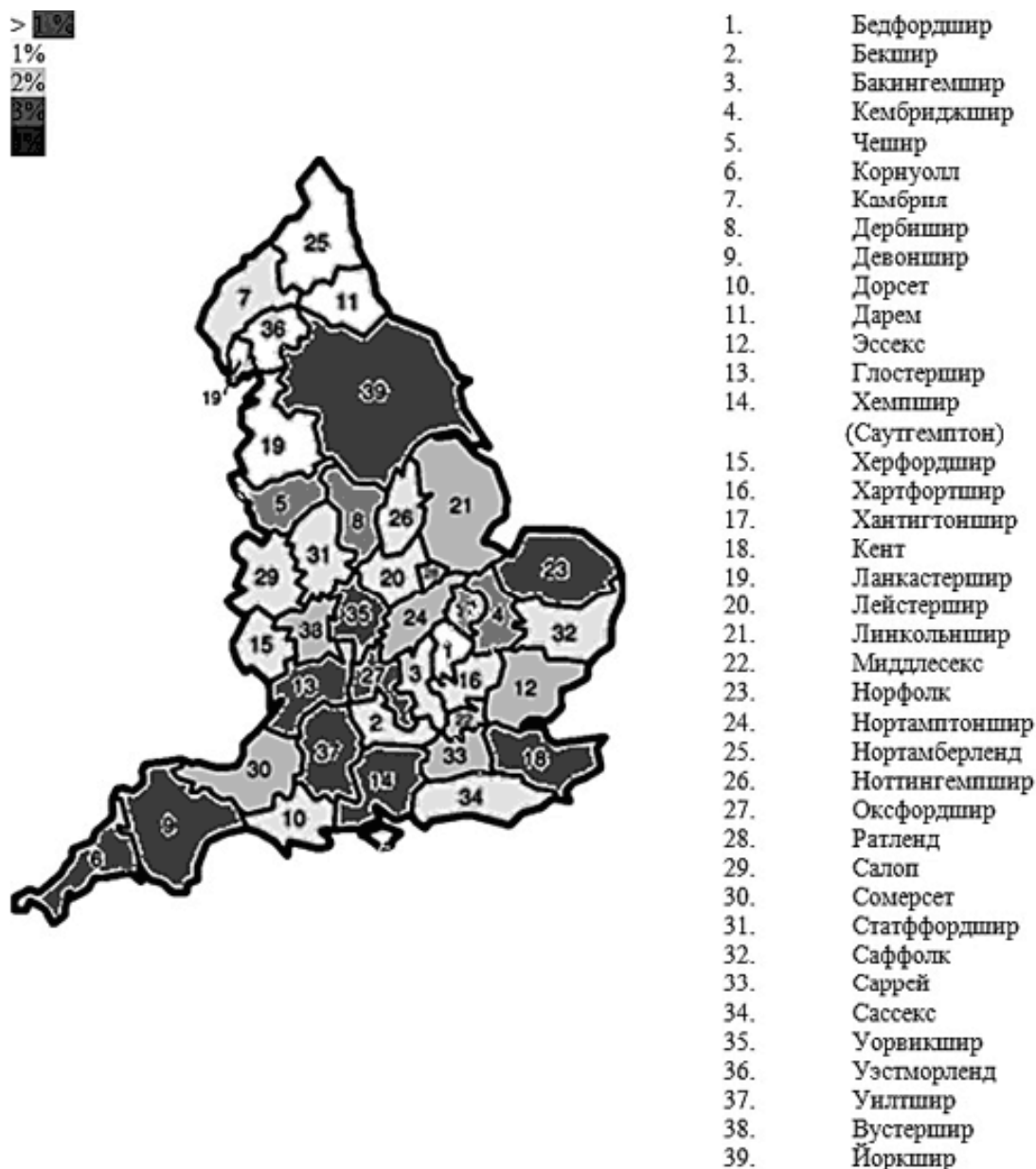

Рис. 5. Процентное соотношение назначений слуг хаусхолда в разных графствах

Отдельно необходимо обратить внимание на назначения придворных слуг на должности, связанные с финансовой сферой. Так, Уильям Хатклифф, королевский врач и секретарь, был назначен на пост контролера таможни в Ипсвиче³⁴³, что давало последнему дополнительный приработок и обеспечивало контроль за работой таможни со стороны королевской власти.

³⁴³ CPR, 1461–1467. P. 189.

Таким способом Эдуард IV установил своеобразную систему контроля за региональными властями с помощью слуг хаусхолда: сэры Джон Фогг и Джон Скотт играли важную роль в графстве Кент³⁴⁴, семья Стенли и Гастингсы доминировали в Чешире и Мидланде³⁴⁵. При этом зачастую семьи слуг получали владения и должности в «неродных» для них графствах и, как следствие, не обладали там безоговорочным влиянием. Благодаря этому королю частично удалось разрушить традиционные связи знати и установить равновесие между наиболее влиятельными семьями регионов. Вторым важным моментом было установление новых региональных коалиций, которые в то же время не были достаточно сильны, чтобы считаться независимыми от королевской власти³⁴⁶.

Кроме назначения на локальные должности, слуги хаусхолда также могли рассчитывать на занятие некоторых государственных постов. Однако заметим, что такая возможность предоставлялась только придворным слугам высших уровней, и нередко служба в королевском хаусхолде воспринималась лишь как ступень для занятия государственных постов. Генри Бушье, бывший некоторое время лорд-гофмаршалом, стал впоследствии казначеем Англии; сэр Джон Говард получил тот же пост казначея после того как несколько лет числился форшнейдером Эдуарда IV. Обратная тенденция также встречается: лорд Джон Типтофт, числившийся в 1452–1454 гг. казначеем Англии, был назначен в хаусхолд Эдуарда IV на пост лорд-гофмаршала; кроме того, он одновременно находился и на государственной должности канцлера Ирландии. Часть придворных слуг входила в состав Королевского совета. Так, в Королевском совете были представлены слуги высших эшелонов хаусхолда – главы департаментов (лорд-камергер и лорд-гофмаршал), казначей и гофмаршал, секретари короля и королевские рыцари³⁴⁷.

Кроме совмещения нескольких должностей, слуги хаусхолда имели и военные обязанности. Все служащие хаусхолда короля без исключения были мужского пола, так как официально при дворе короля не служили женщины. Последние нанимались только на время пребывания при дворе королевы для ее обслуживания³⁴⁸. Таким образом, мужчины и готовили, и убрали, и мыли посуду. Этот феномен был связан с одной из ролей хаусхолда как военного объединения. Английские историки даже используют термин «вооруженный хаусхолд»³⁴⁹, так как он хорошо характеризует тот институт, который выкристаллизовался во время постоянных войн XIV–XV столетий, когда военные действия велись небольшими отрядами, и одним из них являлся королевский хаусхолд. Не только хаусхолд английского короля имел вид военного отряда или нескольких отрядов, это была общеевропейская традиция. В трактате Оливье де ла Марша часто встречается упоминание о герцоге-полководце: «когда принц собирался на войну, все, кто составлял его дом, собирались вместе с ним»³⁵⁰. При этом речь идет не только о рыцарях и оруженосцах, но и «секретари, йомены, грумы... с самых верхних слоев до низших отправлялись в военные походы»³⁵¹. На время правления Эдуарда IV пришлось сразу несколько военных конфликтов. С одной стороны, шла междоусобная война с Ланкастерами, с другой – король продолжал политику своих предшественников в отно-

³⁴⁴ Lander J.R. Council, Administration and councillors 1461 to 1485//BIHR. Vol. XXXII. N 86. 1959. P. 154–155.

³⁴⁵ Morgan D.A.L. The house of Policy... P. 64.

³⁴⁶ Ibid.

³⁴⁷ Бакалдина Е. В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал: Дис... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 313.

³⁴⁸ ВВ. § 92. P. 197.

³⁴⁹ Термин «военный хаусхолд» употреблялся для дворов Нормандской и Анжуйской династий, а также для Плантагенетов. – См.: Prestwick J. O. The Military Household of the Norman Kings//EHR. 1981. Vol. XCVI. N 378. P. 1–35; Ayton A. Knights and warhorses: Military service and the English aristocracy under Edward III. Woodbridge, 1999. P. 11.

³⁵⁰ Marche O. de la. L'Etat de la Maison.... Vol. IV. P. 75.

³⁵¹ Given-Wilson C. The Royal Household... P. 63.

шении королевств Франции и Шотландии, целью которой было их ослабление. Так, Эдуард считал себя законным наследником престола Франции и именовался «Божьей милостью королем Англии и Франции»³⁵², следствием чего стал поход во Францию 1475 г.

Таким образом, Эдуард IV был королем, постоянно ведущим войны, и, конечно, его хаусхолд (или его часть) постоянно сопровождал короля в походах. Такая военная активность слуг щедро вознаграждалась: из рассказа Филиппа Комина известно о том, что в тексте договора в Пикиньи 1475 г. король Франции Людовик XI обязывался выплачивать пансион не только английскому королю, но и его слугам, в числе которых «монсеньор Гастингс (лорд-камергер—*Е.Б.*) получал две тысячи экю в год...; монсеньор Монтгомери (королевский рыцарь—*Е.Б.*) и другие также получали соответствующие суммы серебром...»³⁵³. Желая еще подзаработать, некоторые придворные слуги после 1475 г. остались на военной службе у шурина Эдуарда герцога Карла Бургундского³⁵⁴. Среди них наиболее известен уже упомянутый выше Томас Монтгомери, который при этом сумел не потерять место королевского рыцаря хаусхолда Эдуарда IV.

В условиях продолжавшейся гражданской войны королевский хаусхолд участвовал и в военных кампаниях на острове. Однако король не всегда являлся непосредственным главой этого отряда. Так, Эдуард IV «отправил группу людей из своего хаусхолда для взятия города Ньюкасла»³⁵⁵ в 1463–1464 гг., при этом отряд возглавил человек, не состоящий на службе при дворе, лорд Скроп. Еще один пример касается Джона Старжеона, королевского оруженосца, и Джона Элрингтона, казначея хаусхолда, принявших участие в шотландской кампании 1481–1482 гг., которую возглавлял Ричард, герцог Глостер. Слуги хаусхолда были обязаны королю не только личным присутствием в войске, они должны были возглавлять собственные отряды нанятых ими же людей. Зачастую эти нанятые люди не являлись слугами королевского хаусхолда и имели только личные контракты с главой отряда. Благодаря такой схеме придворные слуги играли роль вассалов, собиравших под свои знамена арьер-вассалов. Возникновение этой практики было вызвано несколькими причинами: 1) уменьшение с XIII в. числа вассалов, так как большое количество англичан не желали становиться рыцарями и иметь соответствующие обязанности³⁵⁶; 2) вассалы служили лишь сорок дней в году, в то время как слуги хаусхолда обязаны были быть при короле постоянно; 3) вассалы нуждались в вознаграждении землями или деньгами, а слуги уже имели оплату и довольствие; 4) вассалы не всегда были лояльны к королю, а слуги хаусхолда набирались из вернейших королю людей, которые впоследствии зависели только от его милости, что являлось немаловажным фактором в эпоху гражданской войны.

За исключением вышеперечисленных функций, не включавших в себя хозяйственные обязанности, король назначал придворных слуг посыльными; хотя, по данным регламента, такая должность в хаусхолде существовала³⁵⁷. Первоначально пост посыльного появился в 1252 г.; число занимавших его лиц варьировалось в зависимости от необходимости³⁵⁸, но во

³⁵² Foedera, conventiones, litterae, et cujuscunque generis acta publica inter reges Angliae et alios quosvis imperatores, reges, pontifices, principes, vel communitates/ dir T. Rymer. Hagae, 1707. Vol. I. P. 486.

³⁵³ Comines P. Memoires de Philippe de Comines. Paris, 1785. P. 288–289.

³⁵⁴ Они вернулись в Англию лишь после гибели Карла Бургундского в 1477 году. – См.: Vaughan R. Charles the Bold: The last Valois Duke of Burgundy. Wood-bridge, 2002. P. 217.

³⁵⁵ Gregory's Chronicle // Historical Collections of the Citizen of London in the Fifteenth Century / Ed. by J. Gairdner. Camden Society. New Series. 1876. Vol. XVII. P. 223.

³⁵⁶ Барг М. А. Исследования по истории английского феодализма в XI–XIII вв. М., 1962. С. 130.

³⁵⁷ BB. § 55. P. 133.

³⁵⁸ Hill M. C. King's Messengers and Administrative Developments in the Thirteenth and Fourteenth Centuries//EHR. 1946. Vol. LXI. N 241. P. 315–316.

время Эдуарда IV оно было четко ограничено четырьмя вакансиями³⁵⁹. Однако этого количества оказалось недостаточно, вследствие чего привлекались и другие слуги хаусхолда. Так, в письме Джона Пастона говорится, что «одиннадцатого октября король сказал, что отправит два приказа, которые должны были доставить два йомена Королевской палаты»³⁶⁰. Скорее всего, король назначал в качестве посланников примерно один и тот же круг людей, что, вероятно, зависело от их личностных качеств и способностей. Кроме простых миссий с посланиями или приказами, король использовал придворных слуг и в дипломатических миссиях. Например, Эдуард IV отправил Александра Ли, распределителя милостыни, в Шотландию³⁶¹, Уильяма Хатклиффа, королевского врача и секретаря, в Бретань³⁶² и к императору Священной Римской империи³⁶³ с дипломатическими миссиями; подобные задания были и у Джона Гантропа, декана Королевской капеллы, в Кастилии³⁶⁴. Однако в большинстве случаев слуги хаусхолда составляли лишь часть дипломатического корпуса, направленного на переговоры: Уильям Гастингс входил в свиту графа Уорвика во время миссии к герцогу Люксембурга³⁶⁵. Более того, иногда под прикрытием дипломатических миссий слуги хаусхолда становились шпионами короля. Известно о Джоне Фрислее, секретаре службы конюшни, который был отправлен в Шотландию, чтобы «узнать правду о ситуации вокруг шотландского короля»³⁶⁶. Дополнительно отметим, что подобные задачи могли быть поручены только близким королю людям, к которым, несомненно, относились слуги хаусхолда.

Таким образом, Эдуард IV все больше и больше нагружал обязанностями слуг своего хаусхолда, используя все свои возможности и их таланты, чтобы создать группу наиболее преданных и вознаграждаемых за это людей. Именно поэтому встречаются совмещения не только должностей хаусхолда с постами местной администрации и государственными постами, но и дополнительные функции, такие как военные.

Подводя общий итог, можно утверждать, что хаусхолд Эдуарда IV не выделяется из череды ему подобных. В данном случае речь идет не о новшествах и реформах, а о новом представлении о функциях придворных служб, их регламентации, соблюдении всех тех норм, которые уже выполнялись или предписывались ранее. Новым представляется лишь более четкое оформление тех служб, которые раньше оставались в тени. Данная тенденция со временем превращалась в доминирующую.

Что же касается самого придворного регламента «Черная книга Эдуарда IV», то он сохранял свою актуальность на протяжении XVI–XVII столетий, многократно переписывался, использовался всеми английскими монархами вплоть до XVII в., когда они утверждали штат своего двора и определяли должностные обязанности королевских слуг. Можно говорить о том, что на достаточно долгую историческую перспективу этот памятник определил структуру английского королевского двора и его основные отличия от европейских аналогов.

³⁵⁹ BB. § 55. P. 133.

³⁶⁰ Paston letters and papers of the fifteenth century. Paston family / Ed. by N. Davies. Oxford, 1971. Vol. I. P. 201.

³⁶¹ Dunlop D. The “redresses and reparacons of Attemptates”: Alexander Legh’s Instructions from Edward IV, march-april 1475 // BHR. 1990. Vol. LXIII. N 152. P. 351, appendix.

³⁶² Foedera... Vol. XI. P. 523.

³⁶³ Ibid. P. 834–835.

³⁶⁴ Ibid. P. 572.

³⁶⁵ Ibid. P. 540–541.

³⁶⁶ Цит. по: Arturson I. Espionage and Intelligence from the Wars of the Roses to the Reformation // Nottingham Medieval Studies. 1991. Vol. XXXV. P. 136.

Приложение

Департаменты и службы двора Эдуарда IV и прикрепленные к ним должности³⁶⁷

Таблица 1. Domus Regie Magnificencie³⁶⁸

Службы	Должности
Королевская палата	Лорд-камергер
	Королевские рыцари стражи
	Королевские оруженосцы
	Йомены Королевской палаты (один из которых по совместительству хирург)
	Камергер-привратник
	Привратник* ²
	Йомен-привратник
	Грумы (из которых 4 стража) один слуга на десятерых
	Паж один слуга на четверых
	Форшнейдер
	Камергер слуги
	Оруженосец хаусхолда
	Йомен хаусхолда*
	Йомен короны
	Камергер хаусхолда
	Привратник хаусхолда*
	Йомен-швейцар*
	Швейцар*
	Знаменосец*
	Королевский жандарм
	Грум-привратник хаусхолда*
	Страж грум

Продолжение таблицы 1

³⁶⁷ Сост. по: BB; O 1478.

³⁶⁸ Должности, отмеченные звездочкой, не значатся ни в регламенте, ни в ордонансах, но встречаются в других источниках – CCR, CPR.

Службы	Должности
Королевская палата	Королевский цирюльник
	Секретарь-контролер короны
Служба королевской артиллерии	Глава королевской артиллерии*
	Секретарь контролер королевской артиллерии*
	Йомен королевской артиллерии*
Псарня	Главный смотритель за собаками*
	Смотритель за охотничьими собаками*
	Йомен-смотритель*
Посыльные	Посыльный, курьер
	Посланник, дипломатический представитель*
	Почетный паж каждый имел слугу
	Воспитатель для почетных пажей
	Учитель его слуга
	Личный духовник короля*
	Придворный капеллан каждый имел по два стража
Сокровищница	Казначей Королевской палаты и хранитель королевских ювелирных изделий
	Секретарь контролер
	Йомен ювелирных украшений*
Врачи	Королевский врач 1 йомен слуги
	Хирург (возможно один из йоменов Королевской палаты) 1 грум 2 слуги
	Аптекарь*
Королевская капелла	Декан Капеллы камергер
	Помощник декана
	Капеллан Королевской капеллы каждый имел по слуге
	Камергер Королевской капеллы*
	Йомен

Продолжение таблицы 1

Службы	Должности
Королевская капелла	Капельмейстер*
	Регент хора*
	Дети-хористы
	Секретарь контролер каждый имел по слуге
Служба по раздаче милостыни	Главный распорядитель милостыни
	Помощник распределителя милостыни*
	Йомен
	Грум
Ризница	Сержант слуга
	Йомен слуга (ребенок)
	Грум
Герольды	Герольд
	Персевант
	Гербовый король
Сокровищница	Казначей
	Секретарь
	Йомен слуга
	Грум слуга
	Страж
Секретариат	Секретари (из них один по переписке на французском языке и один по переписке на латинском)
	Секретарь контролер
	Страж
	Глашатай
	Йомен
Гардероб	Хранитель Большого Королевского гардероба*
Гардероб одежды	Сержант-портной*
	Секретарь-контролер*
	Йомен
	Йомен-портной*
	Йомен-скорняк*

Окончание таблицы 1

Службы	Должности
Гардероб одежды	Привратник королевской одежды*
	Грум
	Паж
Гардероб постельного белья	Йомен
	Грум
	Паж
Служба торговли	Секретарь-контролер (иногда по совместительству оруженосец хаусхолда) слуги
Служба строительных работ	Секретарь-контролер
	Помощник секретаря контролера*
	Руководитель строительных работ*
	Инспектор королевских работ*
	Смотритель за королевскими работами*
	Столяр*
	Стекольщик*
	Плотник*
	Каменщик*
	Кузнец*
	Поставщик королевских работ*
	Поставщик камня*
Служба по устройству браков	Секретарь-контролер
Менестрели	Глава менестрелей*
	Сержант менестрелей*
	Менестрель слуги
	Трубач*

Таблица 2. Domus Providencie

Службы	Должности
Счетная палата	Лорд-гофмаршал
	Казначей
	Гофмаршал
	Кассир-казначей слуги

Продолжение таблицы 2

Службы	Должности
Счетная палата	Помощник Кассира-казначея (? Секретарь-контролер кассира-казначея)
	Секретарь-контролер Счетной палаты 2 слуги
	Секретарь Гофмаршала йомен, грум слуга-ребенок
	Сержант Счетной палаты слуга
	Контролер хаусхолда*
	Йомен слуга
	Грум
	Паж
Холл	Церемониймейстер
	Смотритель королевского холла*
	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомен
	Грум
	Грум-привратник*
	Йомен-привратник
	Сержант-швейцар*
Тюрьма хаусхолда (Marshalsea)*	Маршал тюрьмы*
	Коронер*
Конюшня	Шталмейстер*
	Секретарь контролер конюшни*
	Йомен*
	Йомен-шорник*
	Шорник*
Гужевая служба	Йомен гужевой службы*
	Йомен-извозчик*
	Йомен-поставщик*

Продолжение таблицы 2

Службы	Должности
Кухня	Главный секретарь-контролер
	Помощник секретаря-контролера
	Шеф-повар
	Повар для короля*
	Повар для Холла*
	Йомен
	Грум
Комната для кипячения посуды	Йомен
	Грум
Котельная	Йомен
	Грум
Хлебопекарня	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомен (по совместительству Королевский поставщик)
	Йомен-пекарь
	Грум
Кондитерская по выпеканию вафель	Йомен
	Грум
	Паж
Кондитерская по изготовлению конфет	Сержант
	Йомен
	Грум
Кухня для приготовления соусов	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомен
	Грум
	Слуга-ребенок
Служба тафельдекера (виночерпия)	Тафельдекер
	Помощник тафельдекера
	Йомен*
Служба поставки и хранения еды	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомены (из них один йомен поставщик пшеницы*)

Продолжение таблицы 2

Службы	Должности
Служба поставки и хранения еды	Грум
	Пастух
Птичник	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомен — королевский поставщик
	Грум
	Извозчик
Служба поставки вин	Йомен
Служба поставки эля	Йомен
	Грум
	Паж
Винный погреб	Сержант
	Йомен
	Йомен-буфетчик слуга
	Грум слуги (один из которых ребенок)
	Паж
Буфетная эля	Йомен
	Грум
	Паж
Буфетная кладовая посуды	Сержант слуга
	Йомены (один из них для личного обслуживания короля*) слуга
	Грум
	Паж
Кладовая продуктов и напитков	Йомен
	Грум
Кладовая для мяса	Сержант
	Йомен
	Грумы (из них для личного обслуживания юрора*)
	Секретарь-контролер

Окончание таблицы 2

Службы	Должности
Кладовая для специй	Главный секретарь-контролер
	Помощник секретаря-контролера
	Второй секретарь-контролер
	Сержант*
	Йомен
	Грум
Кладовая для чашек и кувшинов	Йомен
	Грум
	Паж
Кладовая для свеч	Сержант
	Йомен
	Грум
	Паж
Кастелянская	Сержант
	Йомен
	Йомен-поставщик*
	Грум
	Паж
Прачечная	Йомен
	Грум
	Паж
Посудомоечная	Сержант
	Секретарь-контролер
	Йомен
	Грум
	Слуга-ребенок

В. С. Ковин

Королевский двор Якова I Стюарта: королевская спальня, ее слуги и все остальные

Шотландский король Яков VI Стюарт вступил на английский престол под именем Якова I весной 1603 г. Считается, что его воцарение придало новый импульс развитию абсолютистских тенденций в Англии. Хотя вначале, после смерти Елизаветы Тюдор, расстановка политических сил была такова, что Яков I не смог установить контроль ни над Тайным советом, ни парламентом, ни над другими государственными институтами. Основная масса государственных постов осталась в руках елизаветинской знати. На это, видимо, и рассчитывал государственный секретарь Англии Роберт Сесил, лоббируя приглашение короля Шотландии на английский престол. Первоначально современникам даже показалось, что Сесилу и его сторонникам удалось достичь желаемого. Летом 1603 г. наблюдатели считали, что советники «были в большей власти, чем прежде», им удалось победить шотландцев, которые «главным образом, охотились за деньгами». Говорили, что «король в настоящее время совершенно в руках Совета: (он) оставил советникам такую абсолютную власть, что они сделались сильнее, чем прежде»³⁶⁹. В данной ситуации королевский двор стал фактически первой и во многих отношениях единственной опорой власти нового монарха. На практике усиление власти Совета оказалось временным и весьма ограниченным явлением, ибо вне контроля советников оказалась деятельность ближайших королевских слуг. Якову I и его приближенным потребовалось некоторое время на адаптацию к новым условиям. Уже осенью 1603 г. Совет признал свою неспособность ограничить королевскую щедрость и возросшую активность ближайших королевских слуг. Неудачу в установлении контроля над правительственными структурами Яков I компенсировал убедительной победой при дворе.

Королевский двор раннего Нового времени можно рассматривать в трех аспектах: пространственном, институциональном и социальном. Понятие «королевский двор» включает в себя три подсистемы: королевская резиденция, или «дом» (house, palace); «хаусхолд» (household), то есть совокупность придворных служб; а также придворное сообщество или «двор» в узком смысле (court), то есть королевское окружение в целом.

Королевская резиденция создает архитектурно-пространственную основу двора, составляет и организует пространство, на котором разворачивается частная и публичная жизнь монарха и его окружения, определяет его границы, формирует внутреннюю административно-хозяйственную структуру королевского хаусхолда. Королевская резиденция представляет собой комплекс апартаментов (chambers), многие из которых имели статус отдельных королевских служб (offices), формировали собственный церемониал и штат должностных лиц и слуг со специфическим набором функций и полномочий.

Королевский «хаусхолд» представляет собой институциональный аспект феномена двора как совокупности почетных, церемониальных, хозяйственных, охранных, увеселительных, религиозных служб и должностей. Именно в этом смысле двор можно рассматривать в качестве одного из государственных органов, служащие и подразделения которого (департаменты и субдепартаменты) были наделены определенными функциями, обязанностями, полномочиями, действовали на основе установленных норм, правил и традиций. Различные службы «хаусхолда», обеспечивали реализацию повседневных потребностей монарха, придворных и слуг двора, организовывали деятельность всего придворного сообщества.

³⁶⁹ A Jacobean Journal/Ed. by G. B. Harrison. Vol. 1. London, 1946. P. 48.

Само придворное сообщество (то есть высшая и низшая знать, имевшая доступ ко двору, а также высокопоставленные иностранные гости и дипломаты) не было аморфным образованием уже только потому, что, помимо прочих, к нему принадлежала значительная часть королевских слуг и должностных лиц, которых официальный статус обязывал регулярно присутствовать при дворе. Кроме того, при «дворе» складывались различные социальные и политические группы и группировки (так называемые придворные фракции).

Можно предположить, что королевский «хаусхолд» и был «ядром», первоосновой «двора». Яков I со слугами и придворными часто путешествовал по стране и на продолжительное время покидал главную резиденцию – Уайтхолл, но при этом не оставался без «двора». Были периоды, когда почти вся придворная знать и другие присутствующие по каким-либо причинам оставляли монарха (например, Яков I остался «один» на новогодние торжества 1606–1607 гг., что вызвало его крайнее недовольство), но и в этом случае нельзя говорить о том, что «двор» на какое-то время прекращал свое существование. И только тогда, когда Яков I с небольшим количеством самых близких слуг из королевской спальни отправлялся на охоту в один из загородных дворцов, современники сообщали о том, что король оставил свой «двор» (то есть «хаусхолд») и отбыл без остальных слуг и придворных служб.

Вступившему на престол после английской королевы Елизаветы Тюдор, шотландцу Якову I Стюарту пришлось решать несколько непростых задач относительно организации королевского двора. Ему предстояло вновь превратить двор из «женского» в «мужской», из чисто английского по своему составу – в смешанный англо-шотландский, а также укрепить политические позиции и социальный статус своих ближайших шотландских слуг. Благодаря его усилиям, направленным на утверждение персонального правления, в условиях исторически сложившегося и достаточно сложного английского государственно-бюрократического механизма ключевую роль приобрело именно ближайшее придворное окружение нового монарха – королевские слуги.

С восшествием на престол Яков I притягательность двора значительно возросла. После долгих лет елизаветинской экономии и сдержанности в расходах, специфического стиля государственного управления самой Елизаветы ожидалось, что новый король будет более щедр к своим новым подданным. Королевский двор мгновенно наполнился знатью, преуспевающими джентри и амбициозной молодежью, ищущими королевской милости, щедрости и доходных мест. Каждый из претендентов приводил ко двору собственных слуг и клиентов. Сам же Яков I проявил чрезвычайную разборчивость в распределении королевской щедрости, отдавая явное предпочтение приближенным шотландцам и избранным представителям английской знати.

Общая структура английского хаусхолда в основе своей сложилась при Тюдорах. Поэтому некоторые исследователи отвергают значимость нововведений Якова I, считая их формальными и незначительными³⁷⁰. В действительности эти новшества привели к существенному смещению акцентов в расстановке политических сил при яковитском дворе.

Выделение новых служб хаусхолда и изменение сферы деятельности старых департаментов, учреждение новых должностей и восстановление прав, а также более четкое определение обязанностей уже существующих должностных лиц, усовершенствование и усложнение церемониала — все это было направлено на то, чтобы вывести короля и его хаусхолд из-под политико-административного и финансового контроля Тайного совета, государственных ведомств и отчасти Парламента.

³⁷⁰ Newton A. P Reforms in the Royal Household // *Tudor Studies* / Ed. by R. W. Seton-Watson. New York, 1969. P. 233; Aylmer G. E. The Attempts at Administrative Reform, 1625–1640 // *English Historical Review*. 1957. N 72. P. 3, 136; Loades D. *The Tudor Courts*. New Jersey, 1987. P. 78.

Политика Якова I повлияла на персональный и социальный состав двора. Ему удалось сохранить в Англии своих ближайших шотландских слуг³⁷¹. Тюдоровская аристократия постепенно была почти полностью вытеснена из ближайшего королевского окружения и смещена с постов, дающих прямой доступ к монарху. Елизаветинцы, сохранившие места в придворной администрации, испытывали постоянное давление³⁷². Так, например, Яков I настойчиво требовал от лорда Джона Стенхопа передать свой пост вице-камергера королевской палаты одному из шотландцев. Роберту Сесилу стоило больших усилий уговорить Якова I сохранить за лордом Говардом, графом Суффолком, пост лорд-камергера двора³⁷³. Обманулись в своих ожиданиях также и те представители английской аристократии, которые находились в опале при Елизавете Тюдор и, поддерживая кандидатуру Якова Стюарта на английский престол, надеялись на продвижение по службе.

Английский хаусхолд в начале XVII в. имел традиционную для европейских дворов трехчастную структуру. Он состоял из придворных департаментов «королевской палаты» (King's Chamber or Household upper stairs), дворцового хозяйства, или «королевского хаусхолда» (King's Household or Household below stairs), и «королевской конюшни», или службы шталмейстера двора (King's Stables or Office of the Master of the Horse). Каждый из департаментов состоял из различных служб, которые выполняли строго определенные функции по обслуживанию лично монарха или двора в целом. Высшими должностными лицами королевского двора были руководители этих трех главных придворных департаментов: лорд-стюард (Lord Steward) возглавлял «королевский хаусхолд», лорд-камергер – «королевскую палату» и шталмейстер – «королевскую конюшню». Лица, занимающие эти должности, относились к числу высших государственных деятелей и входили в состав Тайного совета.

Претенденты на эти должности назначались лично королем и, как правило, из числа пэров Англии. Они были главным управляющими королевского двора, возглавляли так называемый «белый штат» хаусхолда (White staves) – группу высших придворных слуг, наделенных административной властью на территории двора и соответствующими привилегиями.

Слуги королевской палаты (King's Chamber) – высшего придворного департамента («хаусхолд высших ступеней» – Household upper stairs) были призваны регулировать сложившийся при дворе порядок жизни монарха и церемониал. Именно они обеспечивали выполнение представительских функций монарха как символа государства и нации. Слуги, входившие в состав этого департамента, выполняли важные организационные, церемониальные, повседневные и иные функции и были, безусловно, более приближены к государю, чем слуги других придворных служб. К Службе в королевской палате привлекались лица более высокого положения, чем в других придворных ведомствах. Слуги палаты составляли почетное окружение государя. В силу особой близости к монарху члены королевской палаты могли оказывать влияние на политическую жизнь.

К началу XVII в. внутренняя организация королевской палаты прошла многовековую эволюцию и имела достаточно сложную внутреннюю структуру. Изначально «высший хаусхолд» формировался вокруг архитектурно-пространственного центра двора – собственно королевской палаты (сатера regis), центрального и самого безопасного помещения в резиденции монарха. В период правления Якова I королевская палата состояла из нескольких пространств, имевших статус придворных служб (offices) или субдепартаментов: «королевская спальня» (Bedchamber), «приемная палата» (Presence Chamber), «ближняя или рабо-

³⁷¹ Cuddy N. The Revival of the Entourage: the Bedchamber of James I, 1603–1625 // The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War / Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 174–175.

³⁷² Cuddy N. The Conflict Loyalties of a «Vulgar Counselor»: the Third Earl of Southampton, 1597–1624 // Public Duty and Private Conscience in Seventeenth-Century England / Ed. by J. Morrill. Oxford, 1993. P. 121–150

³⁷³ Akrigg G.P. V. Jacobean pageant, or The Court of James I. Cambridge, 1962. P. 24.

чая палата короля» (Privy Chamber) и ряд других. Каждая из них имела свой штат придворных слуг. Существенное внутреннее разделение королевской палаты произошло еще при первых Тюдорах. В ней выделился закрытый для посторонних мир «личных королевских покоев» (privy lodgings) с центром в так называемой «ближней палате» (Privy chamber). Оставшиеся «внешние комнаты» (outer chambers) стали служить лишь для официальных церемоний, выходов короля к подданным. С выделением «личных королевских покоев» внутри двора фактически была проведена граница между публичной и частной жизнью монарха. Однако при Елизавете штат «королевских покоев» был заполнен фрейлинами и служанками, которые не имели какого-либо значительного политико-административного влияния.

В правление Якова I Стюарта конфигурация служб королевской палаты постепенно трансформируется. На ведущее место в придворных и политических кругах выдвигаются слуги «королевской спальни» (King's bedchamber). Как самостоятельный субдепартамент двора «королевская спальня» получила значительную независимость от высших чинов двора, а обязанности ее слуг постепенно вышли далеко за рамки личного обслуживания короля. Спальня стала центром не только личной, но и политической жизни монарха, церемониальным центром двора. Эта часть пространства двора оказалась как бы «вырезана из остальной палаты»³⁷⁴.

Как уже отмечалось, главой королевской палаты являлся лорд-камергер королевского двора (Lord Chamberlain). В отечественной литературе конца XIX – начала XX в. он нередко именовался, по аналогии с российским императорским двором, министром двора³⁷⁵. Формально это была вторая по своему положению придворная должность после главы «нижнего хаусхолда» – лорд-стюарда. В действительности это был важнейший и влиятельнейший пост в масштабах всего королевства. В качестве главы департамента лорд-камергер выполнял важные административные и церемониальные обязанности. Он осуществлял общее руководство деятельностью служб королевской палаты и контролировал назначение на многие придворные должности. Своим авторитетом лорд-камергер гарантировал права и привилегии королевских слуг. Например, в 1604 г. депутаты сомневались в том, имеют ли они право самостоятельно наказать провинившегося во время церемонии открытия первого стюартовского парламента королевского стражника, или это находится исключительно в полномочии лорд-камергера. Видимо, было признано последнее, поскольку депутаты ограничились лишь устным внушением незадачливому стражнику³⁷⁶.

Кроме того, глава королевской палаты выполнял ряд представительских и церемониальных функций. Лорд-камергер отвечал за проведение особо важных государственных церемоний, таких как коронация, крестины, свадьбы, похороны королевских особ. Он руководил торжественными обедами в присутствии монарха, контролировал соблюдение порядка следования (расположения участников церемоний в соответствии с их рангом) и разбирал возникавшие в связи с этим споры³⁷⁷. Он также руководил организацией приема иностранных представителей, выдавал предписания (orders) на осуществление соответствующих мероприятий службам двора. Кроме того, он мог потребовать от лондонских горожан предоставления жилья иностранным гостям³⁷⁸.

³⁷⁴ Starkey D. Introduction: Court History in Perspective // *The English Court: from the Wars of the Roses to the Civil War*/ Ed. by D. Starkey. London, 1987. P. 4.

³⁷⁵ Кузнецов К.А. Английская палата общин при Тюдорах и Стюартах. Одесса, 1915. С. 313–314.

³⁷⁶ A Jacobean Journal. Vol. 1. P. 117, 120.

³⁷⁷ Finetti Ptiloxenis: Som Choice Observations of Sir John Finet, Knight, and Master of the Ceremonies. London, 1656. P. 9, 26, 28 etc.

³⁷⁸ Loomie A. /Introduction // *Ceremonies of Charles I. The Note Books of John Finet 1628–1641*. New York, 1987. P. 26.

При дворе Якова I основным пространством владений лорд-камергера стала так называемая «приемная палата». Именно здесь лорд-камергер как глава королевской палаты встречал иностранных послов или членов королевской семьи во время разнообразных церемоний, в то время как слуги хаусхолда располагались в различных помещениях дворца согласно «их месту службы» (office)³⁷⁹. Специальной обязанностью лорд-камергера был контроль над деятельностью лондонских театров, их лицензирование и цензура спектаклей, для чего в его подчинении находился небольшой штат цензоров.

Как правило, на должность лорд-камергера назначался один из фаворитов монарха³⁸⁰. В основном это были представители влиятельнейших английских фамилий и придворных фракций (например, Говарды и Хандзоны при Елизавете).

В начале мая 1603 г. Яков I Стюарт, прибыв в дворец Теобальдс, где он принял английский двор и государственное управление, под влиянием Сесила назначил на должность лорд-камергера Томаса Говарда, впоследствии графа Саффолка. Это было одним из ключевых назначений нового двора. Томас Говард был католиком, сыном герцога Норфолка³⁸¹. Говард занимал пост лорд-камергера с 1603 по 1614 гг. В первые годы яковитского правления уже в качестве графа Суффолка он был одним из лидеров происпанской и прокатолической фракции Говардов при дворе. Он принял активное участие в переговорах о заключении мира с Испанией в 1604 г. Являясь руководителем королевской палаты, Саффолк был членом большого количества правительственных комиссий и комитетов, в том числе и по расследованию «Порохового заговора».

В интересах семьи Говардов Саффолк поддержал развод своей дочери с графом Эссексом ради ее брака с шотландским фаворитом Якова I Робертом Карром. В интересах шотландских слуг нового короля Саффолк стал своего рода разменной монетой в отношениях между Яковом I и тюдоровской аристократией. Возглавив королевскую палату, он, тем не менее, был лишен возможности вмешиваться в деятельность шотландских слуг королевской спальни. Ему пришлось играть роль их покровителя при дворе, а позже уступить свою должность тому же Роберту Карру.

Роберт Карр, граф Сомерсет, занимал пост лорд-камергера с 1614 по 1615 гг. Еще в 1603 г. в качестве пажа Карр сопровождал Якова Стюарта в Англию, но быстро потерял место при дворе. Некоторое время Карр находился во Франции, а после возвращения был принят в свиту ведущего тогда королевского фаворита и советника Джорджа Хоума. В 1607 г. Карру удалось обратить на себя внимание короля. Король включил его в состав королевской спальни. В 1609 г. Яков I обеспечил Карра землей, конфисковав имение у Уолтера Рэли. В 1611 г. Карр получил титул виконта Рочестера и кавалера Ордена Подвязки. В 1613 г. он стал графом Сомерсетом и, наконец, в 1614–1615 гг. занимал должность лорд-камергера двора.

Третьим лорд-камергером Якова I – с 1615 по 1625 гг. – был Уильям Герберт, граф Пемброк, лидер «протестантской» фракции при дворе. В первую половину правления Якова I Пемброк активно поддерживал политику государственного секретаря Роберта Сесила. В 1611 г. Герберт был включен в Тайный совет. Таким образом, ему удалось закрепиться при яковитском дворе, где его ярыми соперниками стали члены клана Говардов. Один из Говардов, лорд-адмирал граф Нортгемптон, после смерти Р. Сесила в 1612 г. злорадствовал по

³⁷⁹ Например, церемония креации Генри принцем Уэльским в Уайтхолле. – См.: *The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of the King James the First*: In 4 vols. / Ed. by J. Nichols. London, 1828. Vol. 2. P. 325; в 1615 г. французского посла никто не встретил в приемной палате, так как лорд-камергер Роберт Карр, граф Сомерсет, находился в заключении в Тауэре (Finetti Philoxenis... P. 28).

³⁸⁰ Loades D. *The Tudor Court*. Batsford, 1986. P. 51.

³⁸¹ Персональные данные королевских слуг реконструировались по: *Calendar of State Papers. Domestic Series. The Complete English Peerage* / Ed. by F. Barlow. London, 1775; *The Complete Peerage of England, Scotland, Ireland*: In 8 vols. / Ed. by G. E. Cocks. London, 1887–1898; *The Progresses...*; *Dictionary of National Biography*. Paffim.

поводу того, что кроме Пемброка почти «никто не проронил слезы о смерти Сесила»³⁸². Католики Говарды еще при Сесиле видели своих главных оппонентов не в профранцузски настроенных шотландцах, а в политическом пуританизме, который олицетворял Пемброк и его союзники. Пемброк пытался установить отношения с лидером шотландцев – королевским фаворитом Робертом Карром, но вскоре они стали соперниками из-за должности шталмейстера. Пемброк рассматривал пост королевского конюшего как возвращение части семейной собственности: ранее пост принадлежал его родственникам графам Лейстеру и Эссексу. К тому же Карр вступил в брак с представительницей католического клана Говардов. Обстановка при дворе накалилась, но Пемброк был весьма прагматичным политиком. Он осознал, что в данный момент (1612–1613) открытая конфронтация была бессмысленна, и решил отойти в тень. Это несколько успокоило Якова I и создало видимость согласия при дворе. Король стал подумывать о том, чтобы передать пост лорд-камергера Пемброку, но его опять обошел Карр. Только после падения фаворита и краха семьи Говардов Пемброк получил долгожданный пост. Это была своеобразная уступка со стороны короля. Яков I никогда не оказывал ему особенного покровительства, но считался с графом и уважал.

Возглавив королевскую палату, Пемброк не изменил политические взгляды. Граф попытался восстановить авторитет поста лорд-камергера. В частности, он старался ограничить внешнеполитическую активность слуг королевской спальни, препятствуя их контактам с иностранными послами³⁸³. Кстати, по свидетельству герцога Ньюкасла, Пемброк всю жизнь стремился «войти в спальню»³⁸⁴. Вскоре у него возникли трения с новым королевским фаворитом Джорджем Вилльерсом, герцогом Бэкингемом, из-за прав лорд-камергера на контроль над младшими и средними слугами двора. В последующие годы граф Пемброк вел активную парламентскую деятельность, критикуя внешнюю политику Бэкингема. В последующие годы Пемброк был вынужден примириться с Бэкингемом в интересах своего наследника – племянника Филиппа Герберта, который был женат на дочери фаворита.

Поскольку лорд-камергер принимал активное участие в политической и придворной жизни, он перекладывал значительную часть своих придворных обязанностей на подчиненных, оставляя за собой общее руководство департаментом и церемониальные функции.

Ближайшим помощником лорд-камергера и его заместителем был вице-камергер (*vice-chamberlain*) хаусхолда. Должность вице-камергера считалась одним из высших постов при дворе. Лица, занимавшие пост вице-камергера, также нередко входили в состав Тайного совета. При Тюдорах вице-камергер осуществлял ревизии штата королевской палаты, чтобы выявлять среди ее слуг тех, кто по болезни, некомпетентности или из-за отсутствия определенных качеств не должен был служить в высшем департаменте двора³⁸⁵. Кроме того, вице-камергер был хранителем ключей королевского дворца. На практике когда при дворе находился лорд-камергер, то формально не было необходимости в присутствии вице-камергера. Но в случае длительного отсутствия главы королевской палаты при дворе его заместитель должен был быть призван в хаусхолд. Например, так произошло в 1619 г., когда лорд-камергер хаусхолда граф Пемброк вместе с другими высшими королевскими слугами был послан Яковом I в Шотландию, а вице-камергер Джон Дигби прибыл ко двору, чтобы «заменить [его] и представлять эту должность»³⁸⁶.

³⁸² Calendar of State Papers. Domestic Series. Vol. 9. 1611–1618 / Ed. by M. A. E. Green. London, 1857–1859 (далее – CSPDom. 1611–1618). P. 133.

³⁸³ Об этом свидетельствуют дневники церемониймейстера двора Джона Финета: *Finetti Ptiloxenis...* P. 31.

³⁸⁴ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 213.

³⁸⁵ English Historical Documents (далее – EHD). Vol. 5. 1485–1558/Ed. by C. H. Williams. London, 1971. P. 514.

³⁸⁶ The Letters of John Chamberlain: In 2 Vols. / Ed. by N. E. McClure. Philadelphia, 1932. Vol. 2. P. 257.

При Якове I Стюарте должность вице-камергера часто совмещалась с постом казначея королевской палаты (Treasurer of the Chamber). Он отвечал за расходы департамента, его казну, рассчитывал годовой бюджет палаты и выплачивал жалование ее слугам. В его распоряжение казначейство передавало средства, предназначенные для содержания всего королевского двора³⁸⁷.

С вступлением на престол Якова I Стюарта королевская палата стала постоянно испытывать нехватку средств. Суммы, поступавшие из казначейства, с трудом покрывали растущие расходы департамента и его слуг. Большая их часть уходила на устройство придворных церемоний, развлечений (маскарады, спектакли, игры, рыцарские турниры) и выплату жалования слугам. Пытаясь преодолеть первоначальную стесненность в средствах, новый монарх выделил часть поступающих в королевскую палату ассигнований в распоряжение личного королевского казначея (keeper of the privy purse, буквально – хранитель «личного кошелька»). Личный казначей короля хранил наличные деньги для оплаты повседневных расходов монарха.

Должность личного королевского казначея была учреждена Генрихом VII, но до начала XVII в. она объединялась с постом королевского постельничего. При Якове личный казначей – самостоятельная фигура в составе «королевской спальни». Как правило, этот пост занимал один из королевских фаворитов. Личный королевский казначей, единственный из всех финансово-ответственных лиц двора, не отчитывался ни перед кем, кроме самого короля. Отчеты о его расходах прекратили поступать в казначейство именно при Якове I (с 1605 г.), когда пост занял Джордж Хоум – один из ближайших королевских слуг из числа шотландцев³⁸⁸. В 1611 г. хранителем «личного кошелька» Якова I также стал один из шотландских королевских слуг Джон Марри³⁸⁹. Он сохранил его до конца яковитского правления. Марри, позднее шотландский граф Аннандейл, занимал одно из ключевых мест в системе патронатно-клиентных и политических отношений раннестюартовского двора. Вскоре к нему перешел контроль за личной королевской печатью.

Показательно, что расходы «личного королевского кошелька» за первые пять лет правления Якова I возросли в 5 раз по сравнению расходами за тот же период в последние годы правления Елизаветы. Это один из самых высоких показателей роста королевских расходов³⁹⁰. С приходом к власти Якова I роль «личного королевского кошелька» резко изменилась. Теперь это были не только расходы на повседневные нужды монарха. Главное место в расходах личного королевского казначея заняли денежные награды, подарки, пожалования ближайшим слугам Якова I. «Личный кошелек» превратился в своего рода личную финансовую службу монарха по обеспечению важных услуг и неотложных дел в интересах короля³⁹¹.

Произошло изменение и источников пополнения личной королевской казны. Казначейство не было способно на регулярной основе обеспечить непостоянные и чрезвычайные по своему объему потребности нового короля. Возросло количество экстраординарных средств, поступающих в обход государственного казначейства³⁹². Например, в июле 1614 г. 5400 фунтов поступило от новых барристеров (serjeants-at-law) в качестве их должностных

³⁸⁷ Пример бюджета на 1600 г. представлен в: The Tudor Constitution Document and Commentary / Ed. by G. R. Elton. Cambridge, 1960. P. 46–47.

³⁸⁸ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 200.

³⁸⁹ CSPDom. 1611–1618. P. 36.

³⁹⁰ Dietz F.G. English Public Finance. 1558–1641. London, 1964. P. 113.

³⁹¹ Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 201.

³⁹² Формально в первые годы правления Якова I Стюарта перечисления из казначейства в «личный кошелек» короля сократились с 25–23 тысяч фунтов в 1603–1605 гг. до 10–11 тысяч в 1605–1611 г., но эти подсчеты не учитывают экстраординарных поступлений. – См.: Cuddy N. The Revival of the Entourage... P. 200; Dietz F.C. The Receipts and Issues of the Exchequer during the Reigns of James I and Charles I // Smith College Studies in History. 1928. Vol. 13. N 4. P. 158–163.

вступительных взносов, а в 1619 г. – 6000 фунтов поступило от города Лондона за подтверждение хартий. В 1620-е годы значительные средства поступали через герцога Бэкингема от продажи титулов и должностей.

Личный королевский казначей числился в составе «королевской спальни» (Bedchamber), которая стала социально-политическим и пространственным центром раннестюартовского двора, ведущей придворной службой с момента восшествия на престол Якова I.

Выделение «спальни» как отдельного субдепартамента королевской палаты началось еще при Генрихе VIII с ограничением доступа в опочивальню короля и выделением так называемой «ближней палаты». При Марии и Елизавете Тюдор это разделение не имело большого значения, поскольку штат личных апартаментов был заполнен фрейлинами и служанками. Политическое влияние елизаветинских фаворитов в большей степени зависело от личного расположения королевы, чем от их места в придворных структурах.

При Якове I слуги «королевской спальни» взяли на себя всю заботу о повседневной деятельности монарха. Они составили его постоянное окружение. Королевская спальня была предметом личной юрисдикции монарха. Яков I сам определял численность и персональный состав ее штата. Ее слуги лишь формально подчинялись лорд-камергеру двора.

В первые годы правления штат спальни был строго ограничен. Там служили только шотландцы, политически и лично преданные королю. Они ограничили влияние на короля английской аристократии и старых елизаветинских придворных слуг. В то же время придворная жизнь Якова I стала более открытой по сравнению с елизаветинской эпохой. Ограничив доступ в спальню, Яков достаточно часто покидал ее пределы, чтобы принять участие в очередном придворном празднестве или ином действии. Более того, отношение короля со своим окружением было гораздо более близким, чем у его предшественников. Выделение «спальни» как обособленного внутри королевской палаты субдепартамента сочеталось с большей открытостью нового монарха перед своими подданными. Таким способом он надеялся завоевать симпатии остального английского придворного сообщества.

Первоначально в состав «королевской спальни» входило четыре камергера-спальника (Gentlemen of the Bedchamber), шесть камер-юнкеров (грумов) (Groom of the Bedchamber), шесть камер-пажей (Page of the Bedchamber). Они участвовали в процессе облачения короля, готовили королевскую постель, сопровождали суверена во время торжественных церемоний и загородных прогулок. Члены спальни всегда были деятельными участниками королевских охот, забав и развлечений.

Действительным руководителем «королевской спальни» стал оберкамергер двора (First Gentleman of the Bedchamber), или «постельничий» (Groom of the Stole). Формально старший камергер – следующая должность после вице-камергера двора, но в действительности она имела гораздо более высокое политическое значение. По одной из версий, название должности произошло от королевской мантии (stole), которую монарх надевал по особо торжественным случаям и за которую оберкамергер нес ответственность. По другой версии, и более реальной, название происходило от королевской ночной вазы (stoole – стул, стульчак), за которую также отвечал «королевский постельничий». Последняя обязанность делала его самым близким слугой короля, что создавало своего рода интимную основу для его влияния.

Обер-камергер должен был прислуживать монарху, куда бы тот ни направлялся и где бы он ни находился. Только обер-камергер сопровождал государя в карете во время поездок. Каждое утро постельничий возглавлял ритуальное облачение короля. Он также наблюдал за качеством королевского белья. Как первый слуга короля он имел право проживать в ближайшей к королевской спальне комнате, а по указанию своего господина – спать на тюфяке в ногах королевской постели. Кроме того, он прислуживал королю во время обеда. Именно постельничий представлял монарху тех, кто получил право на личную аудиенцию

в спальне, и, естественно, сам мог устроить подобную встречу. Через обер-камергера двора проходила значительная доля документов и прошений, требовавших персональной подписи короля. В силу особой близости к монарху обер-камергер обладал значительной автономией от лорд-камергера. Постельничий часто выполнял конфиденциальные миссии вне двора, но его административные полномочия никогда не выходили за границы «королевской спальни».

Почти с самого начала и до конца правления на должности обер-камергера двора находился Томас Эрскин, с 1606 г. виконт Фентон, а с 1619 г. граф Келли. Он воспитывался вместе с Яковом в Шотландии. Еще в 1585 г. Эрскин стал камергером королевской спальни. Он пользовался огромным доверием короля после того, как в 1600 г. был ранен при подавлении заговора лидера шотландских ультра-протестантов Джона Рутвена, 3-го графа Гоури, за что получил треть земель заговорщика. За время службы Якову I Эрскин получил от него большое количество земельных пожалований. Должность обер-камергера позволила ему сохранить свое влияние как на короля, так и на политику на протяжении всего правления Якова I. И это несмотря на частую смену фаворитов, которые претендовали на неформальное лидерство при дворе. Особо острым было его противостояние с Бэкингемом в последние годы правления первого Стюарта. Как и многие из шотландцев, Эрскин был настроен профранцузски.

Эрскина вряд ли можно назвать королевским фаворитом в том смысле, в каком фаворитами были Карр или Бэкингем. Его отношения с Яковом I были равными и доверительными, но не более того. Он не обладал особо выдающимися способностями и не проявлял самостоятельной политической активности, не был инициатором создания политических группировок и союзов. Но должность, которую занимал виконт Фентон, придавала ему общественно-политический вес. Поэтому с ним приходилось считаться всем придворным «партиям». Эрскин был действительно преданным слугой короля, всегда верно исполнял королевскую волю, хотя мог иметь отличное от своего господина мнение. И этим, безусловно, он устраивал Якова I. Не случайно Яков I, очень заботившийся о своей безопасности, назначил Фентона капитаном королевской стражи. Неоднократно именно через своего постельничего Яков I реализовывал те или иные изменения во внешней и внутренней политике. В первые годы Эрскин был связующим звеном между королем и Сесилом. Он сообщал государственному секретарю о намерениях короля и передавал королевские распоряжения, при этом и сам пытался добиться через министра улучшения своего материального положения³⁹³. Позднее он сблизился с лорд-казначеем Нортгемптоном.

Другая причина политического долголетия Эрскина, возможно, кроется в том, что он напоминал Якову I о его шотландских корнях. Фентон всегда представлял и отстаивал интересы шотландцев при дворе. Он не желал ассимилироваться и превратиться в англичанина, в отличие от других шотландцев. Символом антианглийской позиции стала церемония возведения Фентона в рыцари Ордена Подвязки в 1615 г. Яков I стремился представить парное возведение шотландца Эрскина и англичанина Ноуллза как проявление паритетной придворной политики. На деле церемония вылилась в персонифицированное соперничество между нациями, между старой тюдоровской аристократией и новой яковитской знатью, между королевской спальней и остальным двором. В церемониальную свиту Фентона вошли только шотландцы и только слуги спальни.

Фентон как бы символизировал стабильность яковитской придворной модели, в отличие от часто сменяющих друг друга королевских фаворитов. Он нередко испытывал чувства ревности и зависти по отношению к ним, поскольку и Монтгомери, и Хей, и Хоум, и Карр, и Бэкингем претендовали на неформальное первенство в спальне и получали от

³⁹³ CSPDom. 1603–1610. P. 28, 39, 41, 188.

Якова I несравнимо большие пожалования. С утверждением в качестве фаворита Роберта Карра Фентон на некоторое время потерял контроль над спальней.

Как уже отмечалось, Эрскин в качестве обер-камергера первоначально способствовал вхождению Бэкингема в состав слуг спальни, но впоследствии, напротив, стал одним из его самых серьезных противников. Так, используя свое служебное положение, в апреле 1624 г. в разгар возглавлявшейся фаворитом и принцем Карлом антииспанской кампании, Фентон устроил в королевской спальне несколько встреч Якова I с испанскими послами. В противовес Бэкингеми, Эрскин совместно с другим шотландцем из спальни – лордом Хаддингтоном пытался предотвратить импичмент лорд-казначея Кранфилда. Видимо, Эрскин тяготился ситуацией, когда он постоянно находился подле «фонтана чести», а все самое ценное доставалось другим. Неоднократно Фентон пытался интриговать с возможностью оставления поста оберкамергера³⁹⁴, но всякий раз менял свое решение.

³⁹⁴ The Letters of John Chamberlain... Vol. 2. P. 535.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.